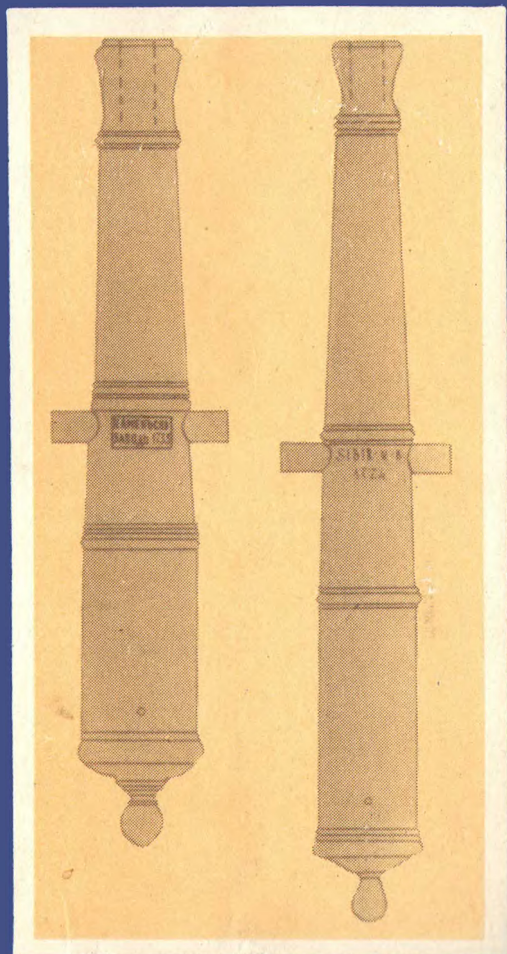

Командорский лагерь экспедиции БЕРИНГА

В. Д. Ленъков

Г. Л. Силантьев

А. К. Станюкович

«Наука»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

*В.Д. Леньков Г.Л.Силантьев
А.К. Станюкович*

Командорский лагерь экспедиции БЕРИНГА

(Опыт комплексного изучения)

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
А. И. КРУШАНОВ

МОСКВА
«НАУКА»
1988

ББК 63.4(2)
Л59

Рецензенты:

член-кор. АН СССР В. Л. ЯНИН,
канд. ист. наук В. Ф. СТАРКОВ

Леньков В. Д., Силантьева Г. Л., Станюкович А. К.

Л59 Командорский лагерь экспедиции Беринга. — М.: Наука, 1988. — 128 с., ил.

ISBN 5—02—009400—5

В монографии подводятся итоги комплексного изучения места зимовки экспедиции Витуса Беринга в бухте Командор о. Беринга (1741—1742 гг.). Анализируется коллекция собранных вещей, наглядно иллюстрирующая материальную культуру русских мореплавателей XVIII в. В исследовании использованы как письменные источники, так и результаты археологических раскопок 1979 и 1981 гг. Применялись естественнонаучные методы.

Для историков, археологов, краеведов.

Л $\frac{0507000000-038}{042(02)-88}$ 46—88—I

ББК 63.4(2)

ISBN 5—02—009400—5

© Издательство «Наука», 1988

Введение

История открытия и освоения русскими землепроходцами и мореходами северной и северо-восточной Азии восходит к средневековью. Уже в XVI в. на обширных пространствах Сибири возникли первые русские города — Сургут, Обский Городок, Тобольск, Тюмень, Тара, Берёзов, Обдорск, Мангазея.

Эпохой подлинного открытия Сибири стали XVII и XVIII вв. В начале XVII в. мореход Лука, выйдя из Обского устья в Северный Ледовитый океан, достиг устья Енисея, а затем устья Пясины. В 1610 г. там же побывал северодвинец Кондратий Курочкин. В 1615—1616 гг. неизвестные русские мореходы впервые обогнули Таймыр. В 1623 г. русские достигли среднего течения Лены. В 1641—1642 гг. Иван Ерастов во время плавания по Восточно-Сибирскому морю открыл устья Индигирки и Алазеи. В 1644 г. Михаил Стадухин спустился по Индигирке и морем достиг устья Колымы, где основал Нижнеколымский острог. В 1647 г. он из Анадыря перешел на Пенжину и затем на Гижигу и Охоту. В июне 1648 г. из Нижнеколымска вышла экспедиция Семена Дежнева и Федота Алексеева, которая в сентябре того же года впервые прошла проливом между Азией и Америкой.

За несколько лет до этого плавания отряд казаков под предводительством Ивана Москвитина спустился по рекам Алдану, Мае и Улье на восток и в 1639 г. основал зимовье на побережье Охотского моря. От устья р. Уды казаки прошли на восток, где близ устья Ульи встретились с отрядом Василия Пояркова, спустившимся по Амуру от устья Зеи и вышедшим в Охотское море. В 1697—1699 гг. Владимир Атласов предпринял путешествие на Камчатку. В 1711 и 1713 гг. отряд во главе с И. Козыревским обследовал побережье Камчатки и Курильские острова. В 1716 г. началось морское сообщение между Охотском и Камчаткой. Накопленный в результате деятельности первопроходцев картографический материал и составленные ими «скаски», сеть русских стационарных поселений и зимовий на новых землях позволили в XVIII в. осуществить ряд государственных экспедиций на север и северо-восток Азии. В 1719 г. по указу Петра I на берега Тихого океана были посланы геодезисты И. Евреинов и Ф. Лужин, положившие побережье Камчатки и Курильские острова на карту.

В 1725 г., за несколько недель до смерти, Петр I написал инструкцию для Первой Камчатской экспедиции находившегося на русской службе датчанина Витуса Ионассена Беринга. В конце 1726 г. эта экспедиция достигла Охотска и в 1728 г. отправилась на боте «Св. Гавриил» в плавание, во время которого на карту

было положено северо-восточное побережье Азии: в Охотском море — от устья р. Большая до м. Лопатка, в Тихом океане и Беринговом море — от м. Лопатка до м. Кекурный в Беринговом проливе. Экспедицией были определены координаты 28 географических пунктов по маршруту Тобольск—Енисейск—Илимск—Якутск—Охотск—Камчатка—Чукотский нос—Чукотское море.

В мае 1732 г. сенат издал указ о начале Второй Камчатской (Великой Северной) экспедиции капитана-командора Беринга — грандиозного предприятия, закончившегося уже после смерти Беринга лишь в 1743 г. Заслуги Беринга и его сподвижников А. Чирикова, М. Шпанберга, С. Вакселя, С. Хитрово, Д. Овцына, С. Челюскина, Д. Лаптева, Х. Лаптева, П. Лассиниуса, В. Прончищева, Д. Стерлегова и других участников Второй Камчатской экспедиции трудно переоценить. Северные отряды экспедиции прошли морем или сушей практически все северное побережье России от Архангельска до Большого Баранова камня к востоку от р. Колымы, восточными отрядами были предприняты плавания к берегам Японии, Курильским и Алеутским островам и побережью Северной Америки. Последнее выпало на долю самого Беринга и его спутника еще по Первой Камчатской экспедиции А. Чирикова. Начав плавание параллельными курсами после выхода из Авачинской бухты в июне 1741 г., пакетботы Беринга «Св. Петр» и Чирикова «Св. Павел» из-за постоянных туманов потеряли друг друга. «Св. Павел» достиг берегов Северной Америки и, лишившись части экипажа, в октябре 1741 г. вернулся в Авачинскую бухту. Дойдя до Аляски, «Св. Петр» лег на обратный курс и в ноябре 1741 г. закончил свое плавание у берегов неизвестного острова, впоследствии названного именем капитана-командора. Трудное плавание, непрекращающаяся штормовая погода и жестокая цинга привели к тому, что на момент подхода к острову на пакетботе было лишь несколько человек, способных передвигаться и управлять парусами. После консилиума в каюте больного цингой Беринга было решено высадиться на берег, чтобы спасти еще оставшихся в живых и по возможности сохранить судно. Потеряв один за другим несколько якорей, пакетбот был переброшен через гряду рифов в сравнительно тихую лагуну бухты Командор. В землянках, сооруженных среди песчаных холмов, экипажу пакетбота суждено было прожить девять долгих месяцев, пока не удалось соорудить из остатков выброшенного штормом на берег и наполовину затянутого песком пакетбота новое судно — гукер и на нем добраться до Камчатки.

В земле о-ва Беринга навечно остались 13 членов экипажа «Св. Петра», в том числе капитан-командор Витус Ионассен Беринг, проживший после высадки всего месяц.

Сегодня уже ни у кого не вызывает сомнений приоритет русских мореходов в открытии неизведанных земель в Арктическом бассейне и северной части Тихого океана. Истории плаваний Витуса Беринга посвящены сотни книг и статей, в том числе исчерпывающая монография Л. С. Берга¹ и недавно вышедшие книги А. А. Со-

поцко² и В. М. Пасецкого³ Однако все исследователи Камчатских экспедиций Беринга ограничивались лишь рассмотрением письменных источников; археологические материалы памятников, связанных со Второй Камчатской экспедицией, в частности места зимовки экипажа «Св. Петра» на о-ве Беринга, исследователями не принимались во внимание. Квалифицированного изучения этих памятников не проводилось.

Еще в 1880-х годах известный полярный исследователь Н. А. Норденшельд неоднократно высказывал сожаление, что многие дела прежних русских мореплавателей «давно уже забыты» и ученым приходится узнавать о них лишь из сохранившихся архивных документов⁴. Положение в этой области изменилось лишь в 1940-х годах. Первый памятник такого рода, стоянки русских мореходов начала XVII в. на о-ве Фаддея и в заливе Симса, случайно обнаруженные гидрографами в 1940 г., были изучены экспедицией А. П. Окладникова⁵. В конце 1960-х годов проведено комплексное изучение одного из первых городов Сибирского Заполярья — Мангазеи, давшее очень важные сведения о материальной культуре русских мореплавателей и землепроходцев XVI—XVII вв.⁶ В 1970-х годах начато продолжающееся до сих пор изучение русских поселений XVI—XVIII вв. на архипелаге Шпицберген, в том числе лагеря правительственной экспедиции В. Я. Чижагова 1764—1766 гг.⁷ Ряд дополнительных сведений о материальной культуре русских землепроходцев дали археологические исследования ряда русских поселений Сибири — Пельма, Братского и Илимского острогов, Зашиверска и др. Однако работы в этом направлении до сих пор являются редкостью, хотя многие памятники русского исторического мореплавания уже локализованы и предварительно описаны⁸.

В 1979 г. экспедиция Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного научного центра АН СССР под руководством Г. Л. Силантьева начала исследование одного из ключевых археологических памятников Второй Камчатской экспедиции — места зимовки экипажа пакетбота «Св. Петр» в бухте Командор о-ва Беринга. Были изучены остатки четырех жилищ Командорского лагеря, собран обширный вещевой материал, сделаны интересные стратиграфические наблюдения. В работе экспедиции 1979 г. приняли участие курсанты Дальневосточного высшего инженерного морского училища им. Г. И. Невельского (ДВВИМУ) и руководство Алеутского краеведческого музея на о-ве Беринга.

В 1981 г. под руководством В. Д. Ленкова состоялась вторая экспедиция на о-ве Беринга. В процессе работ изучены еще два жилища и территория, окружающая лагерь, локализованы и подняты из толщи современных береговых отложений пушки пакетбота «Св. Петр», собран еще более обширный, чем в 1979 г., вещевой материал. В работе экспедиции приняли участие сотрудники Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР Г. Л. Силантьев, О. С. Галактионов,

Л. А. Карака, зав. сектором реставрации металлов Всесоюзного научно-исследовательского института реставрации М. С. Шемаханская и сотрудник Института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн А. К. Станюкович, специалист по применению комплексных методов исследования в археологии. В экспедиции также принимали участие директор Алеутского краеведческого музея Ф. И. Тимохина, преподаватели и курсанты ДВВИМУ, педагоги и учащиеся Никольской средней школы, журналист Б. В. Метелев и другие лица.

Большую практическую помощь в проведении полевых работ оказало руководство Алеутского района Камчатской области, в том числе первый секретарь Алеутского РК КПСС Б. К. Лебедев и заместитель председателя Алеутского райисполкома Д. А. Урусов.

Настоящая книга является итогом комплексного изучения Командорского лагеря экспедиции Беринга и связанных с ним письменных источников, относящихся как ко Второй Камчатской экспедиции, так и к более позднему времени вплоть до второй половины XX в. Последняя группа источников проливает свет на дальнейшую судьбу Командорского лагеря и оставшегося на его территории имущества экспедиции Беринга, в частности эти источники показывают, что, к сожалению, начиная с 1950-х годов Командорский лагерь привлекает внимание многочисленных неквалифицированных экспедиций, своими раскопками в значительной мере искаживших его первоначальный облик.

Авторы выражают благодарность А. И. Крушанову, В. Л. Янину, А. И. Алексееву, А. А. Никонову, А. Т. Мандрику, Р. В. Макаровой, К. Б. Сеславинскому, А. А. Сопотко, В. Ф. Старкову, А. В. Чернецову, участнику экспедиции на о-в Беринга в 1944 г. Военного совета Тихоокеанского флота А. Я. Королеву за помощь в обсуждении результатов исследований, Е. И. Гельман, О. К. Харченко и художнику Л. П. Ходзевич, принявших большое участие в оформлении рукописи.

•
**Письменные источники
о материальной культуре
командорского лагеря**

Истории Второй Камчатской экспедиции в целом и плаванию Беринга на пакетботе «Св. Петр» к берегам Северной Америки, включая трагическую зимовку на о-ве Беринга, посвящено множество научных и научно-популярных трудов отечественных и зарубежных исследователей XVIII—XX вв. Однако вне поля зрения исследователей, не считая отдельных исключений, оставались вопросы, связанные с материальной культурой русских мореплавателей. Лишь в нескольких работах XIX в. отмечались отдельные предметы, случайно виденные на месте бывшего Командорского лагеря. Сбор таких предметов, проведенный в XX в. несколькими неквалифицированными «экспедициями», пополнил музейные собрания, но не внес ничего существенно нового в проблему изучения материальной культуры мореплавателей. Публикации, как правило, газетные, в лучшем случае ограничивались кратким перечнем основных находок.

Экспедиции 1979 и 1981 гг. на о-ве Беринга позволили действительно «открыть» Командорский лагерь как археологический комплекс, являющийся своего рода «капсулой времени», донесшей до нас бесценные сведения о материальной культуре русских мореплавателей. Но кроме того, что Командорский лагерь уникален как памятник русского мореплавания XVIII в., для историков и археологов его уникальность заключается в другом.

Объекты и предметы материальной культуры, составляющие археологический комплекс лагеря, легко поддаются изучению традиционными методами археологии. В то же время письменные источники о Второй Камчатской экспедиции содержат многочисленные, хотя и лаконичные сведения о тех же объектах и предметах материальной культуры (жилища, вещи и т. п.). Нам представилась возможность провести интересный «эксперимент»: совместить эти два типа источников и осуществить своего рода синтез, несмотря на их принципиальные различия. Очевидно, что исторические источники создаются путем целенаправленного отбора фактов для фиксации по принципу их «уникальности», тогда как процесс формирования археологических источников является неосознанным и нецеленаправленным и отражает прежде всего обыденное и повседневное. Тем не менее оба типа источников отражают единый процесс исторической действительности.

Важным выводом из такого совмещения источников является оценка адекватности представлений о составных элементах Коман-

дорского комплекса людей, участвовавших в его формировании, и представлений археологов XX в. Существенным моментом исследования является также оценка степени деградации Командорского комплекса за истекшие 240 лет как за счет воздействия природных факторов, так и в результате неумелого вмешательства человека.

Рассмотрим основные источники, в которых содержатся сведения о Командорском лагере.

К документальным источникам относится прежде всего судовой (шканечный) журнал пакетбота «Св. Петр», дошедший до наших дней в нескольких списках. Наиболее интересные для нас данные содержатся в «неофициальном» журнале, который вел во время плавания «флота мастер» Софрон Хитрово. Известны два списка «Журнала»: ЦГАДА¹ и ЦГАВМФ². Нами использовался список ЦГАДА. Известен также список «Журнала», хранящийся в Архиве АН СССР и частично опубликованный А. Покровским³. А. И. Андреев считает именно этот список копией официального судового журнала⁴. Оба варианта «Журнала» дополняют и уточняют друг друга. Основная ценность «Журнала» для решения поставленной задачи заключается в содержащейся в нем «Росписи пакетбота Св. Петра шкиперским припасам, которые при отбытии нашем оставлены на острове в новопостроенном нами сарае, а что оставлено каких припасов годных и негодных, о том значит ниже сего»⁵.

В «Росписи» означена 2071 «казенная» вещь 474 наименований. Большинство из них является частями корабельного такелажа (эту категорию предметов мы в настоящей работе, кроме отдельных исключений, не рассматриваем), однако в разделах «Росписи», таких, как «Реэстр артиллерии и артиллерийским припасам», «Карпоральские припасы», «Штурманские припасы» и др., мы находим обширный перечень вещей, в том числе повседневного обихода, которые ярко характеризуют материальную культуру Командорского лагеря и Второй Камчатской экспедиции в целом.

Некоторые сведения о составе Командорского археологического комплекса дает ряд подлинных документов Второй Камчатской экспедиции, как опубликованных*, так и хранящихся в архивах. Из последних значительный интерес представляют подписанный Берингом «Реэстр, коликое число сего (1736. — *Авт.*) году летом припавлено судами в Охоцк с Урацкого плотбища и перевезено лошадьми от Юдомского креста матриалов и протчих припасов»⁶ и «Роспись с объявлением цены от Академии наук в Камчатку отпущенным книгам, инструментам и прочим материалам», датированная 3 июля 1733 г.⁷ Интересные документы дел Сибирского обербергамта, касающиеся изготовления припасов для экспедиции на Уральских заводах, хранятся в Государственном

* Например, письмо Д. Л. Овцына М. П. Шпанбергу от 25 ноября 1742 г. «Реэстр, коликое число и какого звания подарочных вещей надлежит принять от подштюрмана Верещагина» (Экспедиция Беринга: Сб. документов / Подготовил к печати А. Покровский. М., 1941. С. 376—377).

архиве Свердловской области (ГАСО). В настоящей работе мы, безусловно, используем лишь незначительную часть архивных материалов, специальный поиск которых с учетом поставленной задачи — дело будущего. Но и имеющиеся в нашем распоряжении данные достаточно полно характеризуют материальную культуру Второй Камчатской экспедиции. В дальнейшем возможны лишь некоторые уточнения.

Другая категория источников — мемуары участников плавания «Св. Петра». В первую очередь это труд натуралиста Г. В. Стеллера «Из Камчатки в Америку», написанный им вскоре после возвращения на континент на основе дневниковых записей, но в русском переводе увидевший свет лишь в 1928 г.⁸ Крайне интересны воспоминания лейтенанта Свена Вакселя, преемника Беринга в командовании экипажем. Рукопись была закончена Вакселем незадолго до 1758 г., но увидела свет лишь в 1940 г. с приложением ряда подлинных документов экспедиции⁹. Ряд зарубежных публикаций такого рода использовал в своей монографии Л. С. Берг¹⁰.

В заключение отметим еще один источник, правда, сравнительно поздний по времени. Это не использованная до сих пор никем из историков Второй Камчатской экспедиции и очень редкая книга Ж. Л. Десперта «История кораблекрушений. .», переведенная на русский язык Г. Яценковым и увидевшая свет в 1799 г. В книге подробно описано плавание «Св. Петра» и трагическая зимовка его экипажа на о-ве Беринга, причем это описание явно восходит к подлинным рассказам или записям участников плавания¹¹.

Теперь прежде чем перейти к рассмотрению исторических сведений об отдельных элементах Командорского археологического комплекса, скажем о людях, оставивших этот комплекс. О людях, для которых создание Командорского лагеря со всеми его элементами было единственно возможным способом выжить и вернуться на континент, и о людях, оставшихся там навсегда.

Личный состав Командорского лагеря

Наиболее точные сведения о численности вернувшихся в 1742 г. на Камчатку и умерших во время плавания и зимовки на острове мореходов содержатся в письме Д. Л. Овцына М. П. Шпанбергу от 25.XI 1742 г.: «От 77 человек 46 возвратились»¹². Известен также «Список служителям пакетбота „святого апостола Петра“, которые ныне в вояже»¹³, в котором поименно значатся 67 человек, составлявших собственно команду пакетбота. Имена еще 10 человек мы узнаем из других источников: «Журнала»¹⁴, списка умерших во время путешествия, составленного Свеном Вакселем¹⁵, а также воспоминаний Стеллера и Вакселя¹⁶. Все эти источники, не считая некоторых разночтений в написании фамилий и имен, не противоречат друг другу.

Согласно этим документам, еще на борту пакетбота в период

с 31 августа по 19 ноября 1741 г. умерло 17 человек *, последним на судне умер «человек матроза Овцына Никита»¹⁷ Все они, кроме матроса 2-й статьи Никиты Шумагина, погребенного на острове, названном его именем, и боцмана Нилса Янсена, умершего на борту судна 8 ноября 1741 г., но свезенного для погребения на берег бухты Командор, погребены по флотскому обычаю в море¹⁸

Еще 12 человек умерли при высадке на берег или в жилищах в период с 15 ноября 1741 г. по 8 января 1742 г. и погребены в земле о-ва Беринга. Приведем здесь этот трагический список:

1. Тараканов Селиверст	матрос 2-й ст.	15.XI.1741
2. Степанов Сава	сибирский солдат	16.XI.1741
3. Антипин Марко	матрос 1-й ст.	20.XI.1741
4. Эйзелберх Андрис	штурман	22.XI.1741.
5. Артемьев Семен	денщик прапорщика Лагунова	22.XI.1741
6. Клементьев Алексей	конопатчик	4.XII.1741
7. Беринг Витус	капитан-командор	8.XII.1741
8. Хотяинцев Никита	подшкипер	9.XII.1741
9. Третьяков Иван	гренадер	17.XII.1741
10. Юфимцов Прокофий	канонир 2-й ст.	24(27).XII.1741
11. Панов (Ланд?) Федор	солдат	2.I.1742
12. Лагунов Иван	прапорщик	8.I.1742

Имена и даты смерти еще двух человек — «собственных офицеров слуг» — нигде не названы¹⁹

Очень интересный для нас список переживших зимовку мореплавателей, составленный незадолго до отплытия с острова, 24 июля 1742 г., находится в «Журнале»²⁰ Этот список, во-первых, содержит ранее неизвестные имена слуг капитана-командора Беринга, во-вторых, частично характеризует материальное положение мореплавателей с учетом их рангов. В нем перечислены 44 человека из 46, не упомянуты лишь известные по другим источникам подлекарь Матис Бедье и купор Степан Булдырев²¹ Не сходится с итоговым и общий вес указанного в правой графе личного имущества мореходов (общая сумма равна 170 пудам, а не 176 пудам 20 фунтам, показанным в итоге). Совершенно очевидно, что эти две фамилии выпали при переписке текста «Журнала» (см. Резстр).

Нигде в официальных документах, как и в письме Д. Л. Овцына, не учтен 78-й участник плавания на пакетботе — двенадцатилетний сын Свена Вакселя Лоренц, перенесший все трудности зимовки и ставший впоследствии офицером русского флота²².

* До высадки на берег о-ва Беринга умерли матросы Никита Шумагин и Иван Емельянов; солдаты Алексей Киселев, Лука Завьялов, Карп Пашеинной, Иван Давыдов и Василий Попков; гренадеры Андрей Третьяков, Алексей Попов и Иван Небаронов; канонир Илья Дергачев; плотник Иван Петров; барабанщик Осип Чеицов; трубач Михаил Торопцов; камчатский служилый Никита Харитонов; боцман Нилс Янсен; слуга разжалованного из лейтенантов в матросы Д. Л. Овцына Никита (фамилия неизвестна).

Жилища участников экспедиции

Исторические источники дают крайне лаконичные описания жилищ зимовщиков, однако при рассмотрении всех этих сообщений в совокупности можно сделать достаточно конкретные выводы о конструкции жилищ.

Место для будущих жилищ было выбрано Вакселем и Стеллером 6 ноября 1741 г.²³ На берегу р. Командор «было много песчаных холмов, а между ними довольно глубокие ямы, которые без особого труда можно было покрыть парусом и приспособить для помещения больных»²⁴ Устройство этих жилищ было начато 7 ноября и к 9 ноября черне закончено²⁵, хотя какие-то строительные работы продолжались вплоть до 22 ноября²⁶ О постепенности строительства жилищ говорит и Деперт: «Между песчаными холмами. . . было много глубоких рвов; они (мореплаватели. — Авт.) вздумали их вычистить и покрыть парусами, пока наберут наносного лесу столько, что можно будет из него построить какие-нибудь хижины»²⁷

Большинство источников характеризует построенные жилища как весьма примитивные конструкции: «ис парусов полатки»²⁸, «жилища. . . были в ямах вырытых ис песку которые покрыты были парусами»²⁹ Ваксель называет жилища «землянками»³⁰ Более пространное описание устройства жилищ дает Стеллер, называющий их «шалашами». Первоначально жилище, в котором находился он сам, представляло собой яму, «которая походила на могилу для двух человек» * В ночь на 11 ноября сильным ветром был сорван парус, покрывающий землянку, после чего Стеллер и Лепехин ночью устроили временное бревенчатое перекрытие из «прибойного лесу». Днем 11 ноября землянка была расширена, и в ней разместилось уже 5 человек³¹ Остальные жилища были устроены по тому же принципу, причем для перекрытий использовался плавник³² По крайней мере, в части жилищ существовали опорные столбы, о чем упоминает Стеллер при описании землетрясения 7 февраля 1742 г.³³ Землянки, очевидно, покрывались не только парусами. Во всяком случае, Стеллер уже на третий день пребывания на острове покрыл свое жилище шкурами песцов³⁴ В конструкции кровли были предусмотрены скаты для дождевой воды; Ваксель упоминает, что крыша его землянки была покрыта парусом, «установленным под углом примерно 33 градуса»³⁵

Первоначально было построено 6 жилищ. После смерти Беринга 8 декабря 1741 г. «вся команда для спасения от жестокой зимы расположилась в пяти подземных помещениях»³⁶ Характерная деталь: «Перед каждым жильем стояло по несколько бочек, в которых хранились мясные запасы, защищенные от песцов; кроме того, были устроены козлы, на которых висело платье и разные другие вещи»³⁷ «Козлы», учитывая постоянные сильные ветры, находились, надо думать, внутри жилищ.

* Сначала в жилище обитали Стеллер и камчатский служилый Фома Лепехин.

Резстр сколько у кого при каманде имеетца всего весом собственного багажу и правянта

л. 100

Ранги и имена	Пуд	Фунт	Ранги и имена	Пуд	Фунт
Лейтенант Свей			Боцмаимат Алексей		
Ваксель	20	—	Иванов	7	—
Мастер Сафрон			Гардемарины Иван		
Хитрово	12	—	Сиит	5	—
Адьюикт Штеллер	10	—	За боцмаимата		
Подштурман			Лука Алексеев	3	—
Харлам Юшин	4	—	Канаиер Михайла		
Подканстепель			Чечюев	2	20
Борис Роселнус	6	—	Андрей Красной	2	20
Лекарский ученик			Галахтион Иванов	2	—
Архип Канивалов	3	—	Солдат Игнатей Ивоин	3	20

л. 100 об.

Матрозы			Салдаты		
Василей Перфисов	5	—	Андрей Антропов	3	20
Василей Авечкин	2	20	Федор Дарафеев	2	—
Иван Семенов	3	20	Елизар Зыков	3	20
Лаврентий Сметанин	2	20	Иван Акулов	2	—
Дмитрей Овцын	5	—	Григорей Кайгародов	3	20
Тимофей Анчугов	2	—	Григорей Измайлов	2	20
Дмитрей Оловянишников	3	20	Степан Жегалов	3	20
Степан Никифоров	2	20	Остафей Бояркин	2	20
купар Василей Севергии	2	—	Дмитрей Калодин	2	—
парусник Денис Сорокин	2	20	Охоцкого порта капрал		
кузнец Дмитрий Кульсин	2	—	Фридрих Пленснер	5	—
трубачь Мартын Васильев	3	—	Камчацких острогов		
Сава Старадубцов	3	—	служилые		
Прокофей Чекалов	3		Иван Партиягин	3	—
Еремей Тонких	3	—	Алексей Лазуков	2	—
Слуги капитана Камандора			казацкой сын Петр Верха-		
Яган Малцаи	3	—	туров	2	—
Матвей Кукушкин	1	20	Верхняго Камчацкого		
			острогу служилой		
			Фома Лепехин	2	—
			Итого у всех чинов слу-		
			жителей весом всякого		
			багажу и правянту	176	20

Жилища, и особенно их кровлю, в процессе эксплуатации приходилось неоднократно ремонтировать³⁸. Так продолжалось до 11 мая 1742 г., когда землянки затопило паводком и они «наполнились водой фута на два». После этого зимовщики, согласно

Стеллеру, «покинули зимние квартиры и построили себе на земле летние»³⁹ По-видимому, это были те же «парусные палатки», но уже без заглубленной в грунт части⁴⁰ По окончании паводка зимние жилища, по-видимому, также продолжали использоваться, во всяком случае, кроме Стеллера, никто о переселении на «летние квартиры» не упоминает.

Многочисленные упоминания в письменных источниках о приготовлении пищи прямо в землянках подразумевают наличие в них очагов или, по Вакселя, просто костров⁴¹

Прочие постройки

Согласно Стеллеру, после принятия решения о разборке пакетбота и строительстве нового судна (9 апреля 1742 г.) была устроена кузница, в которой «выковали пешни, ломы и молоты», необходимые при строительстве, для чего из плавника выжигали уголь⁴² Ваксель упоминает, что выковывались также железные крюки для добычи морских коров⁴³ Кузнечные работы возглавлял, безусловно, адмиралтейский кузнец Дмитрий Ключин (или Кульсин)⁴⁴.

Незадолго до отплытия с острова были построены также две печи для выпечки хлеба⁴⁵ и печь для сушки сухарей⁴⁶.

Интересна конструкция своеобразного горна, устроенного по указанию Вакселя для выгонки смолы, необходимой для нового судна. Смола вытапливалась из запасного якорного каната. Куски каната помещались в медный котел с крышкой, в которой было проделано отверстие. Котел дном вверх был поставлен на закопанный в землю деревянный сосуд, также имеющий крышку с отверстием. Вся эта конструкция была засыпана землей так, что открытым оставалось лишь днище котла. На днище был разведен костер, смола вытапливалась из каната и стекала через отверстия в крышках в деревянный сосуд⁴⁷

1 августа 1742 г. состоялось общее собрание экипажа «Св. Петра», на котором было принято решение, что на новом судне «всех имеющихся здесь казенных припасов и материалов взять с собой никак невозможно», тем более что большая их часть за время плавания и зимовки пришла в негодность, а «костров пустой и жилых людей неиметца». Было решено взять на новое судно «из железных материалов сколько возможно вместо боласту. а прочие пакетбоцкие материалы оставить здесь, которые полжуются в здешний магазин»⁴⁸. «Магазин», именуемый в «Журнале» также «сараем» и «анбаром»⁴⁹, а по Стеллеру, «барак»⁵⁰, судя по этой терминологии, представлял добротную деревянную конструкцию. Во всяком случае, «магазин» стоял еще зимой 1745—1746 гг. и, по описанию промышленника Емельяна Басова, был построен «из боковых досок разбившегося судна» и покрыт парусами⁵¹.

Материальная часть

Кроме «Росписи» и ряда других документов, характеризующих материальную часть Командорского лагеря, в воспоминаниях Стеллера и Вакселя имеются отдельные сведения о ряде предметов, составляющих имущество зимовщиков.

1. *Оружие, артиллерия, воинское снаряжение.* Стеллер упоминает находящиеся на вооружении экипажа «копья, шашки и ружья (мушкеты)»⁵² Согласно Вакселю, копья, сабли и штыки применялись во время зимовки для охоты на морских коров⁵³. Стеллер сообщает, что для этого использовались также «ножи»⁵⁴

«Роспись» перечисляет следующие предметы вооружения, оставленные на острове: пистолеты — 3, тесаки железные — 14, копья с древками — 3, абордажные топоры (энтербейлы) — 8. Из предметов воинского снаряжения упомянуты «сундук ружейной», «ящик гранатной» и «ледунки с ремнями и без ремней» — 21. Все эти предметы, так же, как и ряд других, безусловно имевшихся в распоряжении зимовщиков, как-то: шомпола, портупен, пули фузейные и пистолетные, «дробь мушкатонная» и другие, упоминаются в «Реэстр» 1736 г.

В «Росписи» перечислены 9 трехфунтовых пушек общим весом 184 пуда 20 фунтов, 5 двухфунтовых пушек общим весом 92 пуда 20 фунтов, ядра трехфунтовые — 20, «древгафелы смоленые» трехфунтовые — 20, свинцовые пушечные и фальконетные покрышки — 7, калибры медные кованые трехфунтовые — 3, насыпки медные — 5, пыжевники — 3, буравки затравные — 7, затравки железные и медные — 8, натруски деревянные — 8, пробки к трехфунтовым пушкам — 4 и полуфунтовому фальконету. На острове оставлены также станки пушечные трехфунтовые — 6, фальконетные трехфунтовые — 2, порох общим весом 31 пуд 18 фунтов 37 золотников, картузы артиллерийские шитые трех- и полуфунтовые — 278, фитиль гнилой (3 пуда 16 фунтов), бумага картузная (1 пуд), бумага патронная (11 $\frac{1}{4}$ пуда), нитки швальные и вязальные, сало свиное. Последние категории материалов предназначены для шитья картузов и смазки артиллерийских орудий.

2. *Орудия труда и инструмент.* «Роспись» называет ряд предметов — «уполовник для разлива смолы», топоры ординарные — 2, скрябки троегранные — 5, ломы большие и малые — 6, вал точильный, конопатки разбивные — 3, тиски ручные, молоток заклепный, отвертку железную, пилы разные — 3, «железа ладилная» — 2, топор кривой, скобель ручную малую, скобель круглую, коловоротную ручку с пером, «тимерманский сундук». Большинство этих предметов имеется в «Реэстр» 1736 г.

3. *Судовое имущество и штурманский инструмент.* Кроме многочисленных частей такелажа, которые мы здесь не рассматриваем, «Роспись» перечисляет следующие предметы: жестяной

* Дрейваглы — сдвоенные ядра, предназначенные для поражения такелажа.

насос, жестяную воронку, две жестяных переговорных трубы, три фонаря, три другие фонаря (стенной, потайной и ручной), «ланпу медную трехтрубачную», свечной ящик, щипцы свечные железные, склянки (4-часовая, 2-часовая, часовая, четыре получасовых, две минутных, 3 полуминутных), два лота весом в 30 и 10 фунтов, 3 компаса в медных корпусах, 2 ординарных компаса в деревянных корпусах и ганкомпас.

На острове осталось также 6 флагов, 3 выпела и 82 аршина белого, синего и красного флагдука.

4. *Посуда и прочие предметы.* Из обиходной посуды Стеллер упоминает водочные бутылки⁵⁵, Ваксель — сковороду, плошки и кружки⁵⁶. Для приготовления пищи использовалась «деревянная посуда», в которой замешивалась мука⁵⁷, судовой котел и бочки, в которых производилась засолка мяса морской коровы⁵⁸. По «Росписи» на острове оставлены котел для варения уса (?) с крышкой, котел медный большой с крышкой (очевидно, именно в нем производилась вытопка смолы из канатов), бочка «кожей обшитая», «жестянки» с конопляным маслом общим весом 17 фунтов. Из прочих предметов и материалов упомянуты жесть листовая (22 листа), 1 штука свинца, 8 фунтов клея, 6 фунтов корки морской, сломанный железный таган и два висячих замка.

5. *Подарочный набор.* В «Росписи» значатся следующие «подарочные вещи, оставленные на острове»: китайка васильковая, шар (табак) * китайский гнилой, мешки холщевые — 2, наперстки медные и железные — 44, шила разных рук — 15, колокольчики медные — 64, зеркала — 8, ножи с череньями и без череньев — 177, топоры — 5.

Этот список при сопоставлении с другими источниками оказывается далеко не полным. Опубликованный А. Покровским «Регистр, коликое число и какого звания подарочных вещей надлежит принять от подштюрмана Верещагина»⁵⁹, кроме 15 наименований различных тканей, содержит еще ряд категорий вещей: рыболовные крючки («уды») большие и малые, иглы разных рук, огнива разные, кремни (в «Реэстре» 1736 г. они названы «кремни галанские»), трубки китайские (ганзы) с деревянными чубуками и наконечниками, трубки китайские железные, шляпы с полями простые, котлы красной меди луженые и нелуженые, котлы зеленой меди разные, котлы железные, оловянные тарелки и блюда, стеклянные бусы («корольки») и бисер разных цветов.

Ряд этих категорий, опущенных в «Росписи», упоминают участники плавания пакетбота при описании эпизодов, посвященных контактам с населением Алеутских островов (трубки медные и железные, бусы, железные котлы, иголки, нитки, бусы, различные ткани)⁶⁰.

* У Даля «шара» — выварки кирпичного чая (сиб.); здесь, безусловно, табак: «и посланно с ним подарочных вещей шару табаку $1\frac{1}{2}$ фунта. ...» (Экспедиция Беринга: Сб. документов / Подготовил к печати А. Покровский. М., 1941. С. 350), «китайский табак, называемый шар» (Ваксель С. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. М.; Л., 1946. С. 142).

Очень характерно, что состав подарочного набора экспедиции почти в точности соответствует обычному набору товаров, предназначенных для сибирской меновой торговли с местными племенами в XVII—XVIII вв. Эти товары как русского, так и восточного и западноевропейского производства во множестве привозились в Сибирь торговыми людьми и государственными агентами. Обычно отмечается особое распространение в Сибирской торговле таких изделий, имеющихся в подарочном наборе экспедиции, как стеклянные бусы и бисер, колокольчики, оловянная и медная посуда, котлы, топоры, ножи и др. Эти же предметы обычно служили и в качестве подарков ясачным людям⁶¹

Последнее прекрасно согласуется с текстом «Правил, данных капитан-командору Берингу относительно плавания его в Восточном океане», представленных сенатом на высочайшее утверждение 28 декабря 1732 г. В «Правилах», в частности, регламентируется порядок контактов с населением открываемых земель: «Ежели людей найдут, то с ними поступать ласково и ничем не озлоблять. И притом, усматривая случаи для лучшего приласкания, давать малые подарки, какие по обычаю сибирскому князьям и другим тамошним народам при таких первых случаях даются»⁶²

По-видимому, ряд предметов из подарочного набора использовался зимовщиками для бытовых нужд. По словам Стеллера, «мы начали ценить топоры, ножи, шила, иглы, нитки, дратву. .»⁶³ Использовались, конечно, и личные вещи, и вещи из корабельных запасов. Все они могли остаться как в «новопостроенном анбаре», так и в других местах лагеря, включая зимние и летние жилища.

Научная коллекция экспедиции

Из ряда источников известно, что одной из задач Второй Камчатской экспедиции, в частности ее академического отряда, был сбор сведений обо всем, «до истории натуральной и политической касающееся». Требовалось вести географическое описание различных мест, руд, минералов и т. п., включая сбор образцов для коллекции, для чего в Академии наук были разработаны «Наставления профессорам, назначенным к путешествию в Камчатку». Стеллер получил специальную инструкцию, составленную И. Г. Гмелиным и Г. Ф. Миллером⁶⁴

О некоторой части собранной Стеллером и другими участниками плавания коллекции, в частности этнографической, дают представление источники.

Например, в найденном на о-ве Каяк туземном жилище Стеллер взял два сосуда с рыбой, стрелы, деревянное огниво, трут, связку веревки из морской травы и др.⁶⁵ Хитрово в другом жилище забрал «деревянный сосуд из липовой коры, подобный ларю, какие встречаются в России, камень, который, быть может, служил точилом, на котором видны были медные полосы затем шарик из твердого жженого клея (в другой редакции глины. — Авт.) дюйма два в диаметре, в который были вделаны гремучие

камешки, вероятно детская игрушка, наконец, весло и хвост чернобурой лисицы»⁶⁶ Имеется другое описание этого же набора: «Лукошко и лапатка деревянная и камень на котором оптирана медь и другой камень с одной скважиной». Вещи были переданы Берингу⁶⁷.

При встрече с алеутами на Шумагинских островах члены экипажа получили от них минеральную краску наподобие «железного или свинцового блеска»⁶⁸ и две сделанные из коры шляпы, на одной из них «находилось вырезанное из кости изображение — сидящий идол, у которого сзади торчало перо» (по другому описанию, «резной маленькой костеной мужичек») ⁶⁹ Известно и о других полученных предметах. Костяной «идол» был впоследствии послан Вакселем в Адмиралтейств-коллегию, тогда как прочие предметы, по его словам, «во время несчастья нашего утратились»⁷⁰.

Некоторые предметы были собраны и на о-ве Беринга, в частности, среди плавника были найдены «от американской стороны их стрелки и вёсла, каких у наших на Камчатке не бывает»⁷¹ Разведку геологических ресурсов острова специально проводил Стеллер, который заключил, что на нем «металлов и минералов никаких не имееца»⁷².

Следует думать, что большая часть научной коллекции экспедиции осталась на о-ве Беринга.

Топография Командорского лагеря

К сожалению, письменные источники о зимовке практически не содержат никаких конкретных сведений о топографии лагеря и расположении отдельных построек. Про жилища известно лишь, что они находились «на берегу маленькой речки» (р. Командор. — Авт.)⁷³ О местоположении печей не говорится ничего, неясно даже, находились ли они снаружи или внутри построек.

Могили умерших и погребенных на острове 13 членов экипажа, в том числе Витуса Беринга, располагались, судя по всему, вблизи места высадки с лагбота (баркаса), но и неподалеку от жилищ. В частности, по словам Стеллера, Беринг был похоронен «возле его жилища»⁷⁴ Заметим, что наиболее удобным местом высадки, куда при приливе может пройти лагбот, является устье р. Командор.

Легче установить местоположение объектов, связанных со строительством гукера. Согласно «Журналу» 2 мая 1742 г., Ваксель, Хитрово и другие зимовщики «осматривали удобное место для строения судна, дабы от большой воды и для спуска было безопасное, которое нашли против пакетбота прямо на берегу»⁷⁵ Напомним, что пакетбот был выброшен еще 28 ноября 1741 г. «на тот же пещаный берег, на котором, по поданному репорту, имели намерение поставить»⁷⁶ Упомянутый «Репорт» был подан Берингу за подписью всей команды 21 ноября и являлся итогом проведенного «консилиума» о спасении пакетбота, для чего

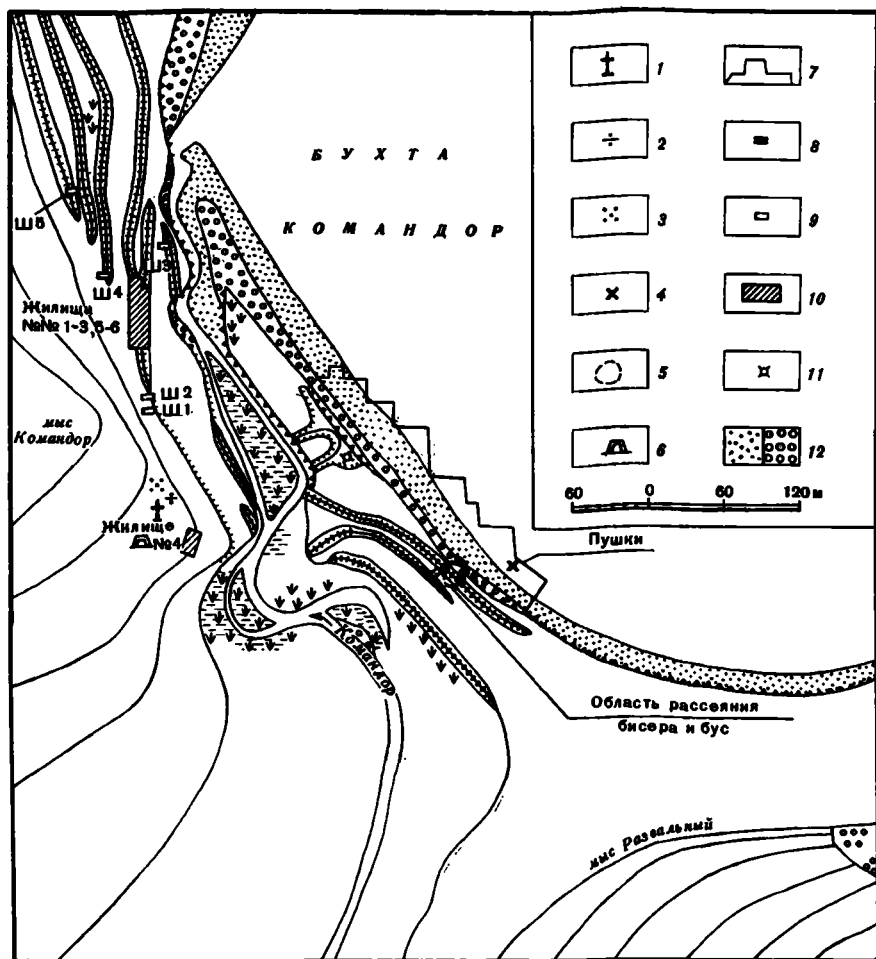

Рис. 1. Бухта Командор острова Беринга. Ситуационный план.

1 — крест 1966 г.; 2 — место креста 1944 г.; 3 — место креста 1935 г. 4 — место находки пушек; 5 — зона рассеяния бусин; 6 — мемориал 1981 г.; 7 — граница геофизической разведки; 8 — развалины избы 1960-х годов; 9 — шурфы 1981 г. 10 — раскопы; 11 — репер; 12 — береговые отложения.

решили «оное судно притесня к песку, закрепить на берегу перленем. .»⁷⁷ Шторм 28 ноября опередил действия команды.

Песчаный берег, на котором можно было обеспечить относительную сохранность пакетбота, — это побережье бухты Командор к юго-востоку от устья одноименной реки. Расчет местоположения пакетбота на якоре по пеленгам в «Журнале», и его возможного дрейфа во время шторма «между норда и оста» 28 ноября⁷⁸ показывает, что остатки пакетбота и все постройки, свя-

занных с его разгрузкой («анбар») и строительством гукера, следует искать на правом берегу р. Командор, в центральной части бухты (рис. 1).

Жилища членов экипажа должны находиться сравнительно близко от этого места, так как Ваксель уточняет, что «корабль был выброшен на берег неподалеку от места, где мы все разместились»⁷⁹

В заключение нужно сказать и о подводных объектах в бухте Командор. Прежде всего это сами остатки пакетбота, частично затянутые в зыбучий песок на 7—8 футов уже в начале 1742 г.⁸⁰ Затем два якоря, потерянные 6 ноября, как показывают расчеты, в районе северо-восточного рифа, замыкающего бухту⁸¹, а также кормовой, запасной и верповые якоря, потерянные в акватории бухты «на глубине четырех с половиной сажен на чистом песчаном грунте, примерно в трехстах саженях от берега»⁸² при шторме 28 ноября. Из числа последних 1 июля 1742 г. был отыскан и, очевидно, поднят лишь шестипудовый дрег⁸³

Таким образом, анализ письменных источников, относящихся ко Второй Камчатской экспедиции, показывает, что в бухте Командор остались постройки и прочие сооружения Командорского лагеря 1741—1742 гг., а именно:

1. Шесть землянок и летние жилища близ берега р. Командор.
2. Склад оставленного казенного имущества, очевидно, на правом берегу реки.
3. Сооружения, связанные с постройкой гукера, в частности печь для вытопки смолы из канатов, очевидно, там же.
4. Кузница и печи для выпечки хлеба и сушки сухарей.

Кроме этого, поблизости от жилищ остались могилы 13 членов экипажа пакетбота, в том числе и Витуса Беринга.

В зыбучем песке правобережья р. Командор могут находиться остатки пакетбота «Св. Петр».

У северо-восточного рифа и в акватории бухты на дне моря находятся несколько якорей с пакетбота.

В складе, а также, возможно, в жилищах и других постройках на территории лагеря находятся части судового такелажа, шкиперские припасы, артиллерия и артиллерийские припасы, оружие, орудия и инструмент, штурманские принадлежности, вещи из подарочного набора и другие из числа означенных «Росписью». Безусловно, на берегу бухты Командор остались и другие корабельные и личные вещи, которые в «Росписи» и иных источниках не указаны.

Дальнейшая судьба Командорского лагеря и имущества экспедиции

Анализ источников, относящихся ко времени с 13 августа 1742 г. до наших дней, позволяет проследить дальнейшую судьбу Командорского лагеря и оставленного в нем имущества. История лагеря в XVIII—XX вв. подразделяется на три основных этапа.

1. Эксплуатация имущества экспедиции зверопромышленниками — вторая половина XVIII в.

2. Установление мемориального статуса Командорского лагеря — конец XVIII—конец XIX в.

3. Краеведческое изучение Командорского лагеря — начало XX в.—1970-е годы.

Последний этап характеризуется многочисленными самостоятельными раскопками в бухте, искавшими первоначальный облик лагеря.

Этап 1.

Эксплуатация имущества экспедиции зверопромышленниками

Начиная с 1743 г. остров Беринга интенсивно осваивается зверопромышленниками, которые посещают и бухту Командор. Так, например, в 1745—1746 гг. на острове зимует экипаж судна «Петр» иркутского купца Никифора Трапезникова и сержанта нижекамчатской команды Емельяна Басова. В состав экипажа входит участник плавания на «Св. Петре» Петр Верхотуров. Во время зимовки Басов посылает «команды своей служилых Гаврила Чюднова, Дмитрия Наквасина, каргинского посатского Данила Соснина, посатского ж Венедикта Обухова, казачья сына Петра Верхотурова, Невьянских заводов жителя Михаила Никитина для достоверного свидетельства земли: и обыскана ими пристань бывшего Камчатской экспедиции капитан-командора Беринга, где пакетбот разбило...»¹ В документах описывается «анбар, построенный из боковых досок разбившегося судна, покрытый парусами, а в нем судовые припасы». Много вещей мореплаватели находят разбросанными по берегу. Басов распорядился собрать все вещи в одно место, к «анбару-магазину», и составить подробную перепись имущества, но что-либо «взять смелости не имели». Взяли только один казенный лом, согнули его в крюк и использовали для охоты на морских коров²

В 1747 г. поверенные сольвычегодского купца Ивана Жилкина Афанасий Бахов из Устюга и Новиков из Якутска построили на р. Анадырь судно, названное ими «Перкун и Занат», на котором осенью 1748 г. Бахов, опасаясь «в позднее то осеннее время жестоких штормов», решает зазимовать на о-ве Беринга. 15 сентября, едва пробравшись «между немалых каменистых мелей», промышленники бросили якорь. Судно благополучно стояло на якоре до 30 октября (по другим сведениям, до 26 ноября), когда жестокий шторм выбросил его на камни. Для строительства нового судна мореплаватели использовали плавник и остатки пакетбота «Св. Петр». С пакетбота было взято также «железо и некоторые снасти». Новое судно, названное «Капитон», было закончено только к июлю 1749 г. 14 (или 24) августа Бахов приплыл в Большерецк, где и зазимовал. 9 марта 1750 г. он подал в канцелярию Большерецкого порта донесение, в котором просил: «...которые по несчастию нашему взяты были на упоминаемом морском острове, называемом по случаю Командорским, казенные вещи. и оные без всякого бы возвращения, не приводя в важность наше дерзновение, милостиво отпустить...». 12 августа 1751 г. канцелярия приказала построенное на Командорских островах судно «поставить до указа на балки под крышу», а взятое с разбитого пакетбота железо, склянки, разные припасы и снасти — сдать в казну³. После этих событий Большерецкая канцелярия, очевидно, на какое-то время запрещает промышленникам приставать к о-ву Беринга⁴.

Возникает закономерный вопрос, почему не предпринимались попытки эвакуировать с острова дорогостоящие припасы, оставленные там экспедицией Беринга, в частности 14 трех- и двухфунтовых пушек, которые по тем временам представляли немалую ценность (в конце XVIII в. в арсенале Российско-американской компании в Новоархангельске состояло 49 чугунных пушек и каронад на сумму 16 300 руб.)⁵. Документы показывают, что такие попытки делались, но в силу ряда причин, очевидно, не увенчались успехом. В 1758 г. для планировавшейся экспедиции иркутского купца Ивана Бечевина рапортом сибирского губернатора Ф. И. Соймонова в сенат от 24 февраля 1758 г. «за лутчее признается дать ему (Бечевину. — *Авт.*) надобное число тех пушек их оставших (числиться. — *Авт.*) при Охоцком порте от разбитых экспедицких судов, понеже он мимо тех островов, где оные пушки лежат, сам следовать будет, почему оные ему взять будет способно. При обратном же ево мимо тех мест проезде велеть ему и все те оставшие от разбитых экспедицких судов пушки, куда надлежать будет, за попуте с собою перевезть неотменно»⁶. Эта экспедиция, во время которой Бечевин должен был следовать мимо Курильских островов «круг Камчацкого мысу в открытое Тихое море к полуденным и северным странам», не состоялась⁷. История освоения Тихоокеанского бассейна до 1758 г. не знает никакой другой экспедиции, кроме Второй Камчатской, и никаких других островов, кроме Командорских, где бы могли находиться «пушки от разби-

тых экспедицких судов». Возможно, Бечевин предпринял попытку вывезти пушки во время своего плавания 1760 г. к берегам Аляски. Это может объяснить наличие на острове к 1935 г. 13, а не 14 пушек, показанных в «Росписи».

В 1754 г. на о-в Медный направляется гитенфорвалтер Петр Яковлев «для совершенного географического описания и по горному искусству разведывания самородной меди», который добирается до Командорских островов на судне «Капитон», принадлежащем промышленникам Наквасину и Воробьеву⁸. Из-за отсутствия удобных якорных стоянок на о-ве Медный зимовка 1754—1755 гг. проводится в Низовской (ныне Старой) гавани о-ва Беринга. В отчете об изысканиях Яковлев сообщает, что о-в Беринга вытянут в длину на 150 верст, в ширину — на 10—15 верст. Лесов нет. Судя по всему, Яковлев посещает и бухту Командор. В «Экстракте из журнала, содержанного посланным из Нерчинска в Камчатку и протчие тамошние места для разведывания самородной меди и протчаго горного корпуса обер гитенфорвалтером Петром Яковлевым» приводятся следующие сведения: «...звание Командорский сей остров получил оттого, что напред сего казенное судно, на котором был Камчаткой экспедиции капитан командор Беринг, разбило и на берег выкинуто, которой командор Беринг там помер и погребен, да притом же имеется кладбища с того судна разных такелажев и протчих оного провизей»⁹.

В 1758—1759 гг. на о-ве Медный зимует судно «Иулиан» казака С. Т. Пономарева и передовщика С. Г. Глотова компании купцов И. Никифорова, И. Снигирева и Н. Трапезникова¹⁰. Из-за потери на острове двух якорей промышленники «со общего согласия, для спасения судна и людей, чтобы во время намеренного в море островов поиска не погибнуть безвременно, взяли с Командорского острова от разбитого пакетбота бывшей Камчатской экспедиции лежащего железа полосного и в деле, яко то в боутах и крюках, по весу 15 пуд и сковали чрез немалый труд два якоря, которые и ныне при том судне имеются...»¹¹.

С 8 октября 1762 г. по 1 августа 1763 г. на о-ве Беринга находится судно компании купца Н. Трапезникова «Св. Живоначальная Троица» под командованием передовщика Ивана Коровина. 15 июня 1763 г. туда же пребывает судно «Иоанн» компании тюменского купца Якова Протасова под командованием штурманского ученика Дениса Медведева. Экипажи обоих судов посещают бухту Командор: «Да для необходимых нужд, без чего крайнее обойтись не невозможно было, по согласию с вышепредъявленным штурманским учеником Медведевым от разбитого на Командорском острове бывшего казенного экспедиционного судна пакетбота, из оставших и лежалых по морскому островному берегу без всякого презирательства экспедицных вещей, железа полосового, как на протасовское, так и на наше Коровина судно взято на каждое судно по два пуда по двадцати фунтов, а на оба судна пять пудов. Ис того числа употреблено на том Командор-

ском острову на наше судно из двух пуд с половинною на укрепление руля и к сделанию двух больших прутьев, весом пятнадцать фунтов, а достальное два пуда пять фунтов за неупотреблением, а впредь по самой крайней необходимости по употреблению ж взято и вывезено было с собою на дальния острова»¹².

Известные документальные свидетельства об использовании имущества экспедиции Беринга промышленниками XVIII в. этим ограничиваются.

Как видно из приведенных документов, промышленников интересовали прежде всего остатки пакетбота, особенно его железные детали. Лишь в одном случае (1748/49 г.) были взяты корабельные склянки, указанные, кстати, в «Росписи». Последнее, конечно, не исключает того, что промышленники пользовались и другим имуществом экспедиции для личных нужд, не упоминая об этом в отчетных документах. Во всяком случае, В. Н. Берх¹³ и вслед за ним Е. К. Суворов¹⁴ сделали вывод, что промышленники «постепенно расхищали остатки судна и имущества экспедиции Беринга — артиллерию, такелаж и др.».

Этап 2.

Установление мемориального статуса Командорского лагеря

С перенесением во второй половине XVIII в. центра тяжести зверобойного промысла на Алеутские острова и побережье Северной Америки количество посещений Командорских островов временно сокращается. В конце XVIII—начале XIX в. наступает новый этап, связанный с государственным освоением Командорских островов и возникновением в 1799 г. Российско-Американской компании. Место Командорского лагеря постепенно приобретает мемориальное значение, что находит отражение в документах того времени.

Государственные экспедиции второй половины XVIII в. в бухте Командор не высаживаются. Экспедиция П. К. Кренцына и М. Д. Левашова летом 1768 г. проходит проливом между островами Беринга и Медным. Гукер «Св. Павел» под командованием Левашова ограничивается лишь пополнением запаса воды на о-ве Беринга 28 июля¹⁵. В 1791 г. у Командорских островов находится экспедиция И. Биллингса и Г. Сарычева. Судно Биллингса обошло о-в Беринга с северной стороны. Судно Сарычева «Слава России» 27 мая 1791 г. подошло к юго-западной стороне острова, 28 мая обогнуло северный мыс и пошло вдоль северо-восточного берега. Экипаж наблюдал с борта бухту Командор: «В сне время проходили мы весьма близко того места, где командор Беринг, при возвратном пути из Америки, будучи в бедственном положении, принужден был пристать к острову, где и окончил жизнь свою. Мы очень сожалели, что нам не можно было съехать на берег, посмотреть место, где погребен первый сей по здешним морям

плаватель, и отдали долг праху его одним воспоминанием, вздохами о плачевной участи погнбших с ним здесь соотичей наших .». В составе экипажа «Славы Россин» находился внук Витуса Беринга лейтенант Христанн Беринг¹⁶

Экспедиции О. Е. Коцебу 1817 и В. М. Головнина 1818 гг. бухту Командор также не посещали¹⁷ Ф. П. Литке на шлюпе «Сенявин» в 1827 г. осмотрел северный и часть северо-восточного берега о-ва Беринга. По сведениям Е. К. Суворова¹⁸, Литке по пеленгам из журнала подштурмана «Св. Петра» Харлама Юшина определил место крушения пакетбота.

В 1840-х годах служащий Российско-Американской компании М. Д. Тебенков составил атлас Командорских островов. На карте о-ва Беринга показана бухта Командор и могила Беринга¹⁹

В 1877 г. управляющий Российско-Американской компанией на о-ве Беринга естествоиспытатель Н. А. Гребеницкий пытался уточнить по описанию Г. Стеллера местонахождение могилы Беринга. Приблизительно в эти годы на месте этой предполагаемой могилы компания установила простой деревянный крест. Фотография этого креста приведена в книге Е. К. Суворова²⁰, на ней читается надпись на кресте: «Памяти Беринга. 9 декабря 1741. 1880».

В 1881 г. командир клипера «Стрелок» Н. Н. Беклемишев составил описание бухты Командор: «В 5 милях к северу от мыса Толстого находится мыс Командора, подле него отлогий берег, с которого стекает речка, над ним возвышается гора. У этого места потерпело крушение судно „Петр“, здесь же могила самого Беринга и на ней крест. На склоне песчаных холмов еще есть несколько полуразрушенных юрт»²¹

В 1886 г. обстоятельное описание побережья о-ва Беринга составил командир клипера «Крейсер», капитан 2-го ранга Остолопов. Подробно описана могила Беринга в бухте Командор: «На острове Беринга, на восточной его стороне, находится уцелевшая могила знаменитого капитана Беринга — 150 лет назад разбившегося и умершего у места крушения от болезни, полученной в трудах и лишениях во время плаванья в Северном Ледовитом океане. На могиле в недавнее время поставлен деревянный крест. Алеуты чтут эту могилу, и между ними существует поверье, что если дотронуться до могилы Беринга, то непременно сделается шторм. Этим поверьем, вероятно, следует объяснить то обстоятельство, что до сих пор остаются нетронутыми находящиеся на месте жилища экипажа Беринга некоторые из вещей, принадлежавших этому экипажу, как-то: металлические двуглавые орлы, ломаный чайник, бисер, бусы и проч.»²²

В 1891 г. о-в Беринга посещает шхуна «Алеут». Офицерами шхуны и служащими на островах в ограде Николо-Иннокентьевской церкви в с. Никольском поставлен в память Беринга небольшой железный крест, обнесенный якорной цепью. На постаменте креста пластина с надписью «Командору Берингу и его Спутникам. СЛ. От шхуны „Алеут“ 1891 г.». По мнению директора

Владивостокского военно-исторического музея Б. А. Сушкова, экипаж шхуны «Алеут» побывал также в бухте Командор, где возложил на могилу Беринга морской палаш с прикрепленной табличкой, на которой были выбиты инициалы «В. Б.». Этот палаш в 1923 г. был обнаружен В. К. Арсеньевым²³

Постоянное население, появившееся на о-ве Беринга в 1825 г.²⁴, судя по приведенным сведениям, достаточно бережно относилось к Командорскому лагерю. Какая-то часть имущества экспедиции, возможно, все-таки была собрана. У авторов имеются данные о находках в старой части с. Никольского бус и бисера, идентичных бусам и бисеру из подарочного набора экспедиции Беринга и происходящих скорее всего именно из лагеря в бухте Командор.

Этап 3.

Краеведческое изучение Командорского лагеря

К первым десятилетиям XX в. относятся сведения о незначительных по масштабу раскопках в бухте Командор с изыскательскими целями.

В 1910 и 1911 гг. в бухте Командор дважды побывал естествоиспытатель Е. К. Суворов, оставивший довольно подробное описание могилы Беринга и бухты. Отмечены им и остатки землянок экспедиции: «Невдалеке от юрты-одиночки, немного южнее ее, среди заросших дюн, до сих пор еще сохранилась большая яма, представляющая, вероятно, остаток жилья команды Беринга. Раскапывая в ней песок, я смог собрать немного разноцветного бисера, бус, слюды и гвоздей — последних остатков несчастной экспедиции. Эти реликвии переданы мною в Императорское Русское географическое общество»²⁵

В 1923 г. на о-в Беринга на пароходе «Томск» прибывает В. К. Арсеньев. Обследуется бухта Командор. Проводник Арсеньева алеут Ладыгин сообщает, что в бухте «лайда зимой вымерзает. Ветер выдувает с нее песок. Тогда видно, что она прячет. Тут зимой торчат пушки и ребра кораблей». На правом берегу р. Командор обнаружено 3 землянки, на левом — еще 6, составляется план землянок, в частности отмечается, что землянки на левом берегу находятся на линии юг—север. Осмотрена могила Беринга, на которой стоял большой покосившийся и полунстлевший крест. На могильном холме обнаружен морской палаш с инициалами «В. Б.». В землянках найдены бусы, корабельные гвозди, топор, часть медного ковша, монеты (?). Сведения о посещении В. К. Арсеньевым бухты Командор опубликованы на основании его дневниковых записей Г. Пермяковым²⁶ Публикация не может являться достоверным источником. К явно недостоверным сведениям относятся якобы найденные Арсеньевым кожаная сумка с грудой серебряных рублей Петра I, россыпи золотых русских, датских, голландских и английских монет на могиле Беринга и т. д.

Посещения бухты Командор Е. К. Суворовым и В. К. Арсеньевым

вым открыли «краеведческий этап» изучения лагеря экспедиции Беринга.

Следующие документальные сведения о лагере относятся к 1935 г. Фотокорреспондент журнала «СССР на стройке» Г. З. Санько, будучи в с. Никольском на о-ве Беринга, услышала от промыслового старшины Березина, что незадолго до этого промышленники видели на берегу бухты Командор какие-то занесенные песком предметы, напоминавшие пушки. С большим трудом, в штормовую погоду, в трюме моторного баркаса Г. З. Санько с группой алеутов, направлявшихся на о-в Медный, и пограничником Фроловым добралась до бухты Командор. На берегу пушек не оказалось. Только после нескольких часов поисков и простукивания песка лопатами удалось на них наткнуться.²⁷ Г. З. Санько сделала ряд снимков пушек, из которых известно четыре (рис. 2). На всех снимках отчетливо видны 13 пушек, лежащих на песчано-галечном пляже (лайде) в ряд. Часть пушек обращена жерлами в сторону устья р. Командор, часть — в сторону мыса Развального*. Заметно, что большинство пушек стандартны, но есть пушки длиннее или короче остальных. На двух снимках видны ориентиры — устье р. Командор, цепочка рифов у мыса Командор, склон мыса Командор и мыс Вакселя на горизонте. Из снимков следует также, что они сделаны ранним утром (судя по направлению теней), при отливе.

Из прочих фотографий Г. З. Санько представляют интерес общие виды бухты, сделанные с борта баркаса, и фотография креста на могиле Беринга. Крест деревянный, восьмиконечный, выполнен из толстых брусьев квадратного сечения, по виду сравнительно новый. На перекладине креста читается начало надписи: «Крест вновь поставлен...». У его подножия лежат другой, более старый восьмиконечный крест меньшего размера (рис. 3).

Осенью 1938 г. на Командорских островах побывал поэт Е. Долматовский. На берегу бухты Командор он видел выступающие из песка стволы пушек.

В 1940 г. на о-в Беринга для сбора музейных коллекций был направлен знакомый со снимками Г. З. Санько сотрудник Петропавловск-Камчатского краеведческого музея Н. И. Моргалев. Жители с. Никольского, видевшие пушки в бухте Командор незадолго до этого, заверили Моргалева, что пушки он найдет без труда, поскольку одна из них поставлена кем-то вертикально и «торчит из песка»**. Отправившись на моторном баркасе в бухту, Моргалев действительно обнаружил вертикально стоящую пушку, которую ему удалось откопать и вывезти сначала в Никольское,

* Современное название мыса Командор лоций и описаний XIX—начала XX в. — мыс Развальный. Мысом Командор теперь называется пологий мыс, у которого расположен Командорский лагерь и где находится символическая могила Беринга.

** По свидетельству Г. З. Санько, крайняя в штабеле со стороны моря двухфунтовая пушка была, по ее предложению, вертикально врыта в песок во время посещения ею бухты в 1935 г.

Рис. 2. Фотокорреспондент
Г. З. Санько у штабеля
пушек в бухте Командор.
Снимок 1935 года.

Рис. 3. Крест на симво-
лической могиле Витуса Бе-
ринга. Фото Г. З. Санько
1935 года.

а затем в Петропавловск-Камчатский (с рядом приключений: пушка падала в море при перегрузке и др.). Откапывать другие пушки и заниматься в бухте чем-либо еще у Моргалева не было времени²⁸ Пушка некоторое время находилась в экспозиции музея, затем была установлена в г. Петропавловске-Камчатском у памятника В. Берингу, затем снова была помещена в экспозицию музея. Этот факт породил легенду о наличии в Петропавловске-Камчатском двух пушек с пакетбота «Св. Петр», которая нашла отражение в ряде публикаций²⁹

В 1979 и 1981 гг. эта пушка была изучена авторами, а в 1982 г. отреставрирована специалистами ВНИИР М. С. Гринкругом и А. Ф. Дубровиным. Пушка двухфунтовая, на стволе между цапфами имеются следы клейма «SIBIR:K:B:17[??]» на правой цапфе — вензель Петра I.

В июне 1941 г. штабель пушек, частично обнажившийся после шторма, был сфотографирован учителем Никольской школы В. Н. Захарчуком. Снимок был впоследствии опубликован³⁰ Качество полиграфического воспроизведения снимка очень плохое, к тому же контур мыса Развального, видимый на снимке, явно дорисован при ретушировании. В другой публикации, посвященной тому же событию, отмечено, что пушки лежали на остатках палубного настила с большими гвоздями, болтами и скобами³¹ Тогда же В. Н. Захарчук и его спутники — И. Ф. Махоркин, И. В. Бондарь и Е. А. Степнов — установили на могиле Беринга новый деревянный крест с надписью: «Витусу Берингу в год 200-летия со дня смерти. Могилу восстановили учителя Никольской НСШ: Махоркин, Захарчук, Бондарь, промысловик Е. Степнов. 15 июня 1941 г.»

В 1944 г. в бухте Командор работает экспедиция Военного Совета Тихоокеанского флота под руководством капитана И. Тарасенко. Производятся раскопки землянок экспедиции Беринга. Найдены ядра, гранаты, картечь, порох, лот, части бегучего такелажа, стеклянная посуда и др.³² Одной из задач экспедиции является поиск пушек, для чего применяются миноискатели. Пушки обнаружить не удается. На могиле Беринга устанавливается новый, сваренный из железных труб крест с медной табличкой, на которой вычеканена надпись: «Могила Витуса Беринга, умершего в декабре 1741 г. Крест восстановлен экспедицией Военного Совета ТОФ. 25 августа 1944 г.» Собранный при раскопках материал поступил, очевидно, в Центральный Военно-Морской музей в Ленинграде³³ и Владивостокский военно-исторический музей*.

В 1946 г. после сильного зимнего шторма пушки снова появились на поверхности. Сначала их видит житель с. Никольского

* Этой экспедиции посвящены очень интересные неопубликованные воспоминания ее участника А. Я. Королева. Очень важны также имеющиеся у него фотографии бухты, землянок и находок в них, сделанные в 1944 г. См.: *Королев А. Я. По следам Витуса Беринга // Красная звезда. 1984. 29 июля; Он же: Курс на Командоры // Сов. Кубань, 1986, 21 февр.*

С. А. Яковлев. По свидетельству жителя с. Никольского Н. Н. Добрынина, пушки были замечены неподалеку от находившейся тогда в бухте Командор избы промышленников. Немного позднее Яковлев вместе с другим никольчанином, Тимошенко, на собачьих упряжках вывезли две пушки из числа обнаруженных и доставили их в Никольское³⁴, где они были установлены у памятника В. Берингу и находились там до 1955 г.³⁵

В 1955 г. в бухте Командор работает экспедиция Владивостокского военно-исторического музея под руководством Б. А. Сушкова. В литературе результаты этой экспедиции практически не освещены. Известно, что проводились раскопки землянок экспедиции Беринга. Материал из раскопок поступил в музей. Предпринимались попытки обнаружить при помощи металлоискателей пушки не увенчавшиеся успехом. Эти попытки повторяются Б. А. Сушковым и в 1956 г.³⁶ Не найдя пушек, Б. А. Сушков увозит с острова две пушки, стоявшие у памятника Берингу в с. Никольском. Летом 1956 г. эти пушки по решению Советского правительства передаются в дар Дании, куда они доставляются во время визита дружбы крейсера «Орджоникидзе» и эскадренных миноносцев «Стремительный» и «Сокрушительный»³⁷. По решению муниципалитета г. Хорсенса — родины В. Беринга — эти пушки установлены у стены городского парка на каменных постаментах по обе стороны лентой мемориальной доски³⁸. Одна пушка — трехфунтовая, имеет клеймо «КАМЕНЬСКО (ЗАВОДЪ) 1733», другая — двухфунтовая с клеймом «SIBIR (K) В 173(3)»³⁹.

В 1958 г. в бухте Командор работала экспедиция моряков Петропавловского гарнизона под руководством Евгения Самовольского. В течение 20 дней раскапывались землянки. При раскопках найдены «чугунные ядра», оловянная картечь, медная оправа к холодному оружию, различные предметы из оснастки корабля, корабельные гвозди, ножи, крюки, коуши, скобы» и др., в том числе более 500 бус и бисера. Эти находки, возможно, хранятся в Камчатском областном краеведческом музее либо в Музее трудовой славы в г. Петропавловске-Камчатском. Экспозиция последнего была осмотрена авторами в июне 1981 г. В двух музейных витринах находятся следующие предметы: 3 ядра, щетка деревянная, 3 гвоздя, 2 носика чайников медных, пуговица медная, ушко от котла, лючный навес, 2 штофа стеклянных, куски слюды, остатки медного котла, топор плотницкий, вьюшка, топор абордажный, кусок свинца, коуш, 9 гвоздей, обломок донца красноглиняного сосуда, наконечник копья, обломки медного чайника, 3 фитиля, кожа от обуви.

В 1959 г. бухту Командор посещает писатель Леонид Пасенюк, автор ряда книг о Командорах. Вот как он сам описывает свою поездку: От могилы Беринга «влекло вниз, туда, где виднелось за речушкой нечто вроде полуразвалившейся землянки. Никакой правильной ямы уже не существовало. Все было засыпано землей. По подсказке Валентина (Артюхова. — Авт.) я стал

рассеянно искать в песке бусы и против ожидания нашел несколько тусклых крупинок. Горсть 120 штук лежала на моей ладони. Возвратясь в Никольское, я нанизал бусы на нитку. Полной нитки не получилось: бусы были слишком мелкими. Это огорчило. Я упросил майора Артюхова отпустить сына пройтись со мной еще раз. Я нашел 270 бусинок! Теперь можно было надеяться, что получится полновесная нить. Я один извлек из песка за два посещения бухты 390 бусин, да не меньше их нашел и Валя Артюхов»⁴⁰

В 1966 г. в бухте Командор работала историко-географическая экспедиция, организованная Камчатским отделом Географического общества СССР (В. Н. Виноградов, А. А. Габриэлян, Э. И. Гребдзе, Л. Б. Дмитриев, Ю. П. Мансуренков), Камчатским областным отделением ВООПИК, Камчатским краеведческим музеем (В. П. Бякина, В. П. Потапова) и др. Участвовали и жители с. Никольского (16 чел.), в том числе С. А. Яковлев, видевший пушки в бухте в 1946 г., а также представитель Петропавловско-Камчатского музея А. И. Соловьев. При подготовке экспедиции 1981 г. мы беседовали с А. И. Соловьевым и получили интересную информацию о топографии остатков Командорского лагеря на 1966 г.

Топограф Л. Б. Дмитриев снял глазомерный план бухты с нанесением основных объектов. Были проведены обширные раскопки землянок, преимущественно на правом берегу р. Командор. При раскопках найдены «бусы и бисер, железные топоры, гвозди, замки кремневых ружей, медные детали, кусочки полустислевшей кожи, обуглившиеся пеньковые канаты и даже котел для вытапливания смолы». Собранная коллекция поступила в Камчатский областной краеведческий музей, часть предметов была передана в существовавший тогда на острове Алеутский народный краеведческий музей*. Одновременно с раскопками предпринимается поиск пушек. Применяются мнемонические скателли, грунт в прибрежной полосе прокалывается шупом на глубину до 1,2 м, производится снятие верхнего слоя песка на 1,5 м бульдозером, затем грунт снова прокалывается шупом. Весь этот грандиозный труд не приносит никаких результатов⁴¹

11 июля 1966 г. состоялось торжественное открытие установленного экспедицией в бухте памятника В. Берингу. Авторы проекта — художник А. Г. Бибилов, архитектор Г. Ф. Васильев. Плита изготовлена на судоремонтной верфи им. В. И. Ленина в г. Петропавловске-Камчатском. Модельщик А. Яковлев, формовщик С. Гуляев. Работами по сооружению памятника руководил скульптор А. И. Соловьев.

* Народный музей, руководимый жительницей с. Никольского Е. Г. Поповой, существовал на о-ве Беринга до середины 1970-х годов. Затем музей был закрыт, а большинство его коллекций расхищено. Во время своего существования музей предпринимал самостоятельный сбор материалов в бухте Командор. Были найдены бусы, гвозди, канаты и др. Сейчас на о-ве Беринга существует филиал Камчатского областного краеведческого музея.

Могила представляет собой два неточно наложенных друг на друга прямоугольника. Верхний прямоугольник, собственно надгробие, покрыт чугунной доской с надписью:

1681—1741

Великому мореплавателю

капитану-командору

ВИТУСУ БЕРИНГУ

от жителей Камчатки

июнь, 1966 год

Следует отметить, что новый памятник был установлен не там, где находился предшествующий крест, установленный экспедицией ТОФ в 1944 г. Если учесть, что памятник 1944 г. тоже мог быть установлен не там, где стоял предшествовавший ему деревянный крест, и т. д., то место первоначального креста, т. е. действительной могилы Беринга, можно считать безвозвратно утраченным. Крест 1944 г. в настоящее время находится в музее в г. Петропавловске-Камчатском.

Коллекция из сборов 1966 г. в основном поступила в Камчатский областной краеведческий музей. Состав коллекции известен как из ранее упомянутых публикаций, так и из последних публикаций сотрудника музея В. Н. Малюковича⁴² В них перечислены следующие предметы: кованые лючные навесы, литая дверная накладка, корабельные гвозди, фрагменты двух слюдяных иллюминаторов, деревянные блоки рангоута, коуши, канаты, свинцовая пуля с необрубленным литником, кусок свинца, литая чугунная картечь, двух- и трехфунтовые ядра, ножи, два плотничьих топора, фрагменты бронзового штурманского измерителя, кисть с обмоткой из тонкой медной проволоки, обломки красноглиняной керамики и стеклянных штофов, детали кожаной обуви, стенка чугунного котла, ручки пилы, «железное орудие в виде наконечника тесла», дрель, стальные ножницы, медный чайник. На некоторых осколках штофов В. Н. Малюкович усматривает отжимную ретушь (?)⁴³

В начале 1969 г. журнал «Вокруг света» поместил короткую заметку о результатах работ в Командорском лагере неких «ученых-краеведов», которые «нашли в песке стеклянные бусы и разноцветный бисер». Надо полагать, что какая-то самостоятельная группа обследовала бухту в предшествующем, 1968 г.⁴⁴

В 1970 г. бухту Командор посетил известный фотожурналист В. Е. Гиппенрейтер, сделавший ряд интересных снимков и составивший описание бухты. Наибольший интерес представляет цветная панорама бухты во время отлива. На снимке в пределах песчаной лайды в полосе прибоя заметен вкопанный кем-то высокий столб. Столб находится приблизительно в том месте, где в 1981 г. были найдены пушки «Св. Петра». Можно предположить, что столб был установлен в том же 1970 г. кем-то из лиц, знавших примерное местонахождение пушек⁴⁵

В 1973 г. в районе бухты Командор работали геологи К. Б. Сеславинский и О. А. Шмидт. В обнажении аллювия левого берега р. Командор, ниже установленного в 1966 г. креста, они случайно заметили часть палубного настила корабля. Настил находился под 0,7-метровым слоем «почвенно-растительных» отложений. Сообщение геологов побудило краеведа из с. Никольского, бывшего моряка Г. Яковлева, отправиться в бухту Командор с несколькими старшеклассниками и предпринять там раскопки: «Через неделю юные „археологи“ вернулись очень довольные. Они откопали конструкцию и убедились, что это носовая часть палубы крупного парусного судна». В 1974 г. в бухте Командор побывал археолог Якутского филиала АН СССР Ю. А. Мочанов. Были предприняты раскопки западины на правом берегу р. Командор, не нашедшие впоследствии отражения ни в научном отчете, ни в публикациях. При раскопках был найден ряд предметов, в частности медный перстень, переданный руководству Алеутского райисполкома и вскоре утерянный. Однозначного вывода о принадлежности палубного настила пакетботу «Св. Петр» тогда сделать не удалось⁴⁶. Сейчас нет сомнений, что он относится к другому судну более позднего времени*.

«Краеведческий этап» в изучении лагеря экспедиции Беринга в бухте Командор на этом закончился. Общий итог многочисленных неквалифицированных и недокументированных раскопок печален. В разных местах лагеря беспорядочно вырыты ямы и шурфы, почти все землянки многократно перекопаны, найденные вещи депаспортизованы и рассредоточены по различным коллекциям, что очень затрудняет их дальнейшее изучение. Этот этап прекрасно охарактеризовал корреспондент газеты «Правда» И. Титов: «Исследования последней стоянки экспедиции Беринга ведутся без всякой научной системы, зачастую неквалифицированными и даже случайными людьми. Поездка каждой экспедиции сопровождается ничем неоправданной сенсационной шумихой, совершенно чуждой настоящей науке. Результаты раскопок не обобщены, а найденные бесценные реликвии попали во многие города страны и хранятся не только в музеях»⁴⁷.

Насущная потребность предотвратить дальнейшие неквалифицированные раскопки Командорского лагеря послужила для авторов стимулом начать комплексное историко-археологическое изучение его остатков.

* Гвозди, находившиеся в настиле, отличаются от гвоздей пакетбота (см. главу IV). Они многогранные в сечении с многогранной же шляпкой. Мы ознакомились с несколькими экземплярами гвоздей в с. Никольском. Об этом же пишет В. Малюкович: *Малюкович В.* «Святой апостол Петр» — пакетбот и гукер // Камчатская правда. 1971. 22 дек.

Археологическое исследование Командорского лагеря

Командорский архипелаг, составляющий крайнее западное ответвление Алеутской островной гряды, расположен в юго-западной части Берингова моря, на границе его с северо-западными пределами Тихого океана, между $54^{\circ}31'$ и $55^{\circ}25'$ с. ш. и $165^{\circ}4'$ и 168° в. д. Он состоит из двух больших островов — Беринга и Медного и двух малых — Топоркова и Сивучего (или Арий камень). В административном отношении Командоры составляют Алеутский район Камчатской области. Остров Беринга, крупнейший в архипелаге, имеет максимальную ширину около 40 км, длина его по оси с северо-запада на юго-восток составляет около 90 км. Общая площадь острова — примерно 1660 км^2 ¹

Место зимовки экипажа «Св. Петра» — бухта Командор — находится на северо-восточном (Берингоморском) побережье острова Беринга, в его южной половине. Акватория бухты отделена от моря с запада и востока грядами каменных рифов, бухта мелководна, дно песчаное. Берег бухты проходит по слабо наклонной долине р. Командор, впадающей в бухту. Заросшая густым разнотравьем долина с трех сторон окружена невысокими хребтами. Пойма сильно меандрирующей реки Командор местами значительно заболочена. На склонах окружающих хребтов заметно до трех надпойменных террас, рельеф которых близ устья реки осложнен древними морскими аккумулятивными формами. С востока долина ограничена мысом Развальный (ранее м. Командор), с запада — мысом Командор. На его восточном склоне, плавно переходящем в третью надпойменную террасу левого берега реки, находится символическая могила Беринга — памятник, установленный в 1966 г. У основания мыса, между двумя аккумулятивными береговыми валами голоценового возраста, расположенными на стыке первой и второй надпойменных террас, находятся западины от пяти жилищ Командорского лагеря (1—3, 5, 6). Западина еще от одного жилища (4) находится на некотором отдалении от основного «становища», в 150 м к северо-северо-востоку, на краю третьей надпойменной террасы левого берега реки, близ памятника 1966 г. (рис. 1). Все котлованы жилищ имеют многочисленные следы разновременных перекопов; оплывшие шурфы и траншеи заметны и за их пределами. На правом берегу р. Командор, на узком останце голоценовой морской террасы, заключенном между поймой реки и берегом бухты, также заметны отдельные западины, очевидно, как от построек экспеди-

ции Беринга, так и от позднейших неквалифицированных раскопок.

Место расположения группы из пяти жилищ у основания мыса Командор и сейчас является наиболее удобным для жилья вследствие близости питьевой воды, удобства обзора акватории, защищенности от господствующих в зимнее время юго-западных ветров. Раскопки этих жилищ проводились нами в два этапа: 1979 г. — вскрыты жилища 1—4; 1981 г. — вскрыты жилища 5, 6: все «становище» охвачено единым большим раскопом размерами 52×16 м (рис. 4).

Общая стратиграфия на этом участке следующая: под дерновым слоем, состоящим из гумусированной супеси мощностью 0,1—0,2 м, пронизанной корнями растений, залегал слой перекопанного темно-коричневого песка, насыщенного линзами дерна и угля и отдельными предметами, относящимися к экспедиции Беринга. Мощность этого слоя на пространстве вокруг жилищ составляет до 0,6 м, а в западинах достигает 0,8 м. Возникновение этого смешанного слоя отчасти связано с выбросами грунта при рытье котлованов для жилищ в 1741 г., но в основном — с позднейшими неквалифицированными раскопками. Ниже слоя перекопа располагался серовато-желтый потревоженный песок, насыщенный многочисленными предметами экспедиции Беринга — железными коваными гвоздями, осколками стеклянной и фарфоровой посуды, углем, золой, костями животных, тленом дерева, парусины и других органических материалов. Ниже повсеместно располагался матиковый плотный тонкозернистый песок. На участках, примыкающих к подножию мыса Командор, песок частично перекрыт тонким слоем щебня.

Ниже дается описание жилищ основной группы. Нумерация жилищ соответствует последовательности их раскопок.

Жилище 1. Второе с юга в основной группе (рис. 4). В плане по уровню пола представляет собой почти правильный квадрат размерами $4,6 \times 4,8$ м, ориентированный по сторонам света. По периметру углубленной в материк на 90—140 см жилой камеры прослежена обваловка, сформированная матиковым грунтом, выбранным при строительстве жилой камеры и специальной ямы рядом с жилищем. Наибольшую высоту — 0,6 м — имеет обваловка северной стенки жилой камеры, в остальных случаях ее мощность не выше 0,3 м. На плечиках жилища сохранились остатки матицы перекрытия — деревянного бруса с вбитыми корабельными гвоздями. Матица перекрывала жилую камеру в направлении запад-восток и проходила через ее центр. На плечиках практически по всему периметру жилой камеры выявлены пятна тлена парусиновой кровли. Парус по краям крепился деревянными брусками, к которым был прибит гвоздями и затем присыпан песком. Следы тлена этих брусков и гвозди хорошо прослеживаются здесь, как и в других жилищах группы. В частности, на восточном плечике находился брус длиной около 3 м, ориентированный параллельно стенке жилой камеры. Его длина

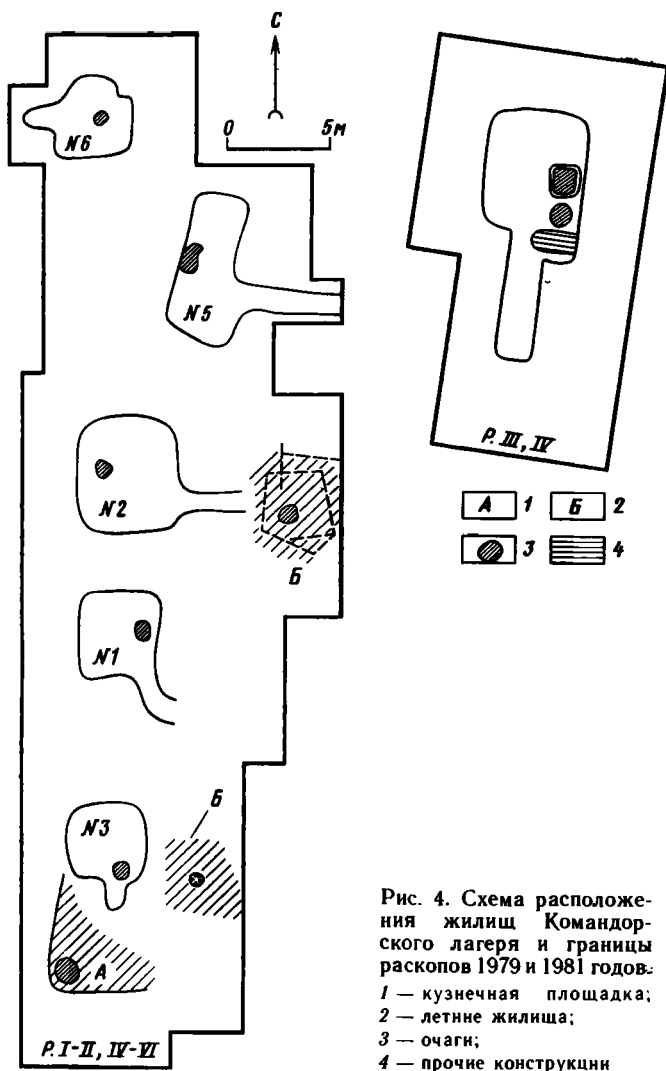

Рис. 4. Схема расположения жилищ Командорского лагеря и границы раскопов 1979 и 1981 годов:
1 — кузнечная площадка;
2 — летние жилища;
3 — очаги;
4 — прочие конструкции

и направление однозначно реконструируются по цепочке из 16 железных гвоздей и штырей. Парусиновая кровля жилища снаружи закреплялась корабельными концами, на что указывает находка оплетенного канатом железного коуша.

Вход в виде углубленного в грунт узкого тамбура-коридора ориентирован в направлении север-юг и находится в юго-восточном углу жилища. Очаг, располагавшийся напротив входа в пределах жилой камеры, представлял собой открытое кострище и сохранился в виде линзы прокаленного песка, смешанного с золой, углем и остатками несгоревшей древесины.

Вдоль южной стенки жилой камеры прослежены остатки

земляной лежанки из песка с угольками, приподнятой над полом на 0,25 м, размерами 2,5×1,0 м.

В заполнении жилой камеры найдены две свинцовые пули, круглая (рис. 5, 8) и цилиндрическая, завернутая в обуглившуюся ткань (рис. 5, 9), ружейный кремь, детали обмундирования и обуви: бронзовая пуговица (рис. 5, 38), бронзовая фигурная пряжка с железным язычком (рис. 5, 27), кожаный наборный каблук от сапога. Интересна находка оптической линзы от очков (рис. 6, 14), кожаного кошелька с бронзовыми створками (рис. 6, 15). В жилой камере и на плечиках собраны многочисленные фрагменты керамической, фарфоровой и стеклянной посуды, в том числе миниатюрный флакон коричневого стекла с узким горлом и отогнутым венчиком (рис. 7, 2). Из прочих находок отметим часть слюдяной вставки в иллюминатор или фонарь. На плечиках и в жилой камере встречены кости калана. По свидетельству Б. А. Сушкова, в этом жилище им были найдены доска с железными коушами и гвоздями и целый большой аптекарский флакон, закупоренный пробкой и заполненный терпентином². Возможно, именно в этом жилище Б. А. Сушковым была найдена бронзовая орнаментированная и украшенная эмалью чернильница, в настоящее время находящаяся в экспозиции Владивостокского военно-исторического музея.

К западу от жилища 2 найдены бракованная отливка свинцовой пули (рис. 5, 7), серебряная копейка Петра I, обломок венчика чугунного котла, орнаментированного горизонтальными поясками, бронзовый крючок от шкатулки или футляра (рис. 6, 4), бронзовая портупейная запонка (рис. 5, 32), скопление фрагментов фарфоровой посуды.

Жилище 2. Расположено к северу от жилища 1 и отделено от него узкой материковой перемычкой шириной 1,5 м (рис. 4). Жилища 1 и 2 имеют совершенно одинаковую ориентировку жилых камер по сторонам света и представляют собой как бы единый комплекс. Очень вероятно, что они сооружались одновременно. Размеры жилой камеры, заглубленной в материк на 1,35—1,75 м, составляли 5,5×6,5 м, углы камеры слегка скруглены. По периметру сохранилась обваловка из грунта, выброшенного при рытье. Наибольшую мощность обваловка имела на перемычке между жилищами 1 и 2, где она достигала 0,65—0,7 м, в других местах она составляла 0,2—0,4 м и частично была нарушена позднейшими перекопами.

Вход в жилище в виде длинного узкого коридора (3×1 м) располагался в его юго-восточном углу. На западном и восточном плечиках сохранились остатки деревянного бруса с вбитыми в него гвоздями, очевидно, это матица перекрытия. На западном плечике под слоем обваловки выявлены остатки двух вертикальных столбов диаметром 0,2 м, в столбы также были вбиты гвозди. Расстояние между столбами — 3 м. Парусиновая кровля жилища по краям была прибита к деревянным брускам и присыпана песком. Дополнительное крепление кровли осуществлялось при

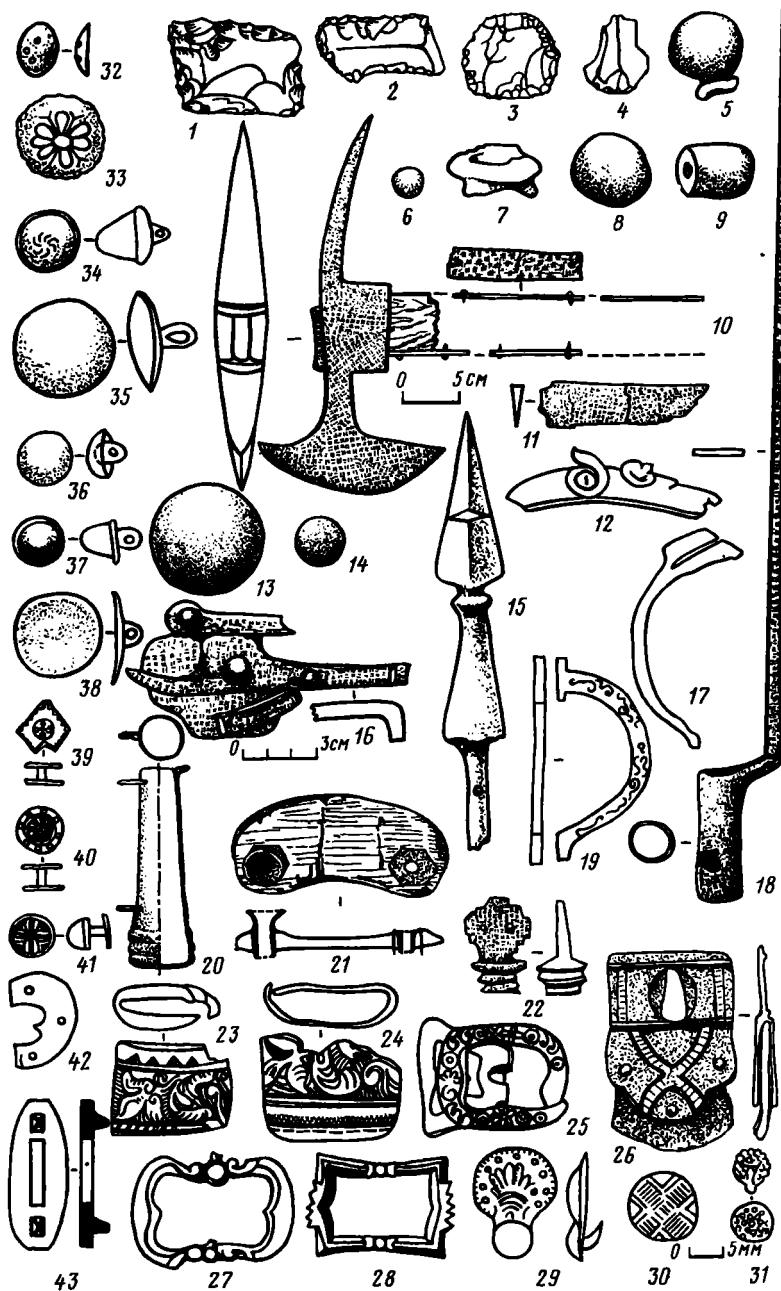

Рис. 5. Оружие и детали обмундирования из раскопок Командврского лагеря.

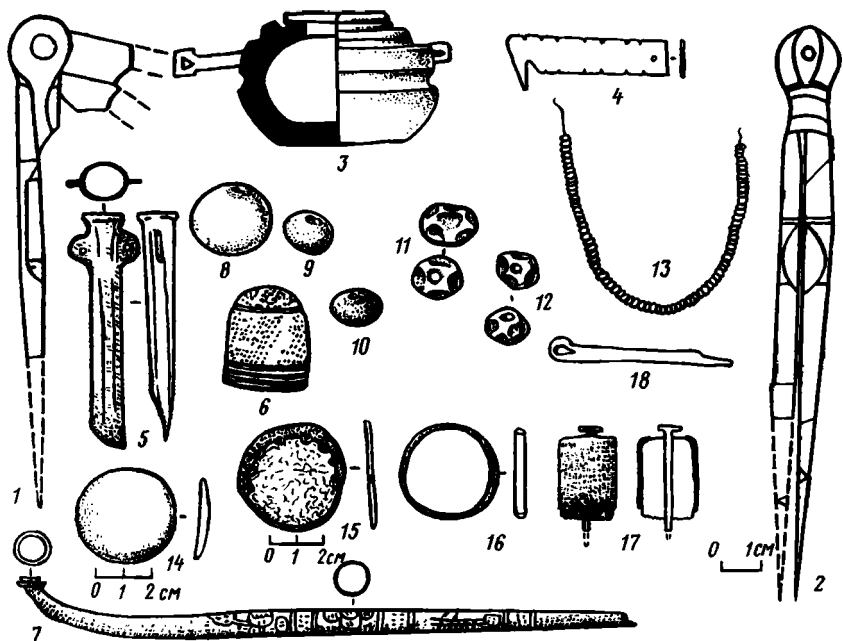

Рис. 6. Штурманские и канцелярские принадлежности, личные вещи и предметы из подарочного набора экспедиции Беринга.

помощи корабельных концов, что подтверждается находкой на плечике у входа железного коуша, оплетенного канатом, и остатками самого каната в виде извилистой полосы тлена.

У западной стенки жилой камеры прослежены остатки углубленного в пол открытого очага размерами 1,15×0,98 м, представлявшие собой линзу прокаленного песка с углем и кусками несгоревшего дерева. В юго-западном углу жилой камеры находилась лежанка, покрытая сукном и шкурами.

В пределах жилища найдены остатки суконной одежды, в одном случае вместе с сукном найдена прядь серебряного позументного шитья. Найдены полые бронзовые пуговицы, бронзовая овальная пластина с четырьмя отверстиями, обшитая сукном, фрагмент выделанной кожи, свернутой вдвое; на внутренней поверхности сохранилась краска желтого цвета. Интересна находка бронзового дровяного перстня с косой насечкой по внешнему обводу (рис. 6, 16) и трех серебряных копеек Петра I (рис. 8). Из прочих находок отметим железную свайку с деревянной ручкой, заключенной в бронзовую обоймицу (рис. 9, 5), комбинированный драек (рис. 9, 6), фрагменты слюды от судовых иллюминаторов, керамическую поливную кружку, фрагменты красноглиняного поливного горшочка, стеклянных флаконов и фарфоровой посуды. Найдены также три стеклянные граненые бусины.

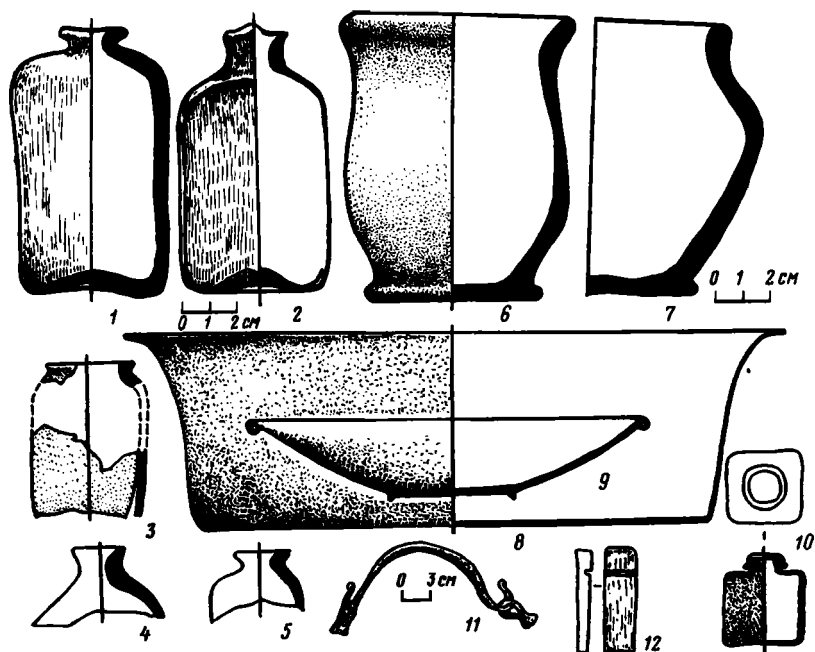

Рис. 7. Посуда Командорского лагеря.

Западнее жилища 2 найдены фрагменты фарфоровой посуды, обломки грифельной доски, грифельный стержень длиной 40 мм, бронзовая фигурная пряжка от обуви (рис. 5, 28), три свинцовые пластины, свинцовая пуля калибра 7 мм, ружейный кремль, половинка бронзовой гладкой пуговицы с ушком, пуговица из пробкового дерева (рис. 5, 32), серебряная копейка Петра I и обломок точила из мелкозернистого песчаника.

Жилище 2, по-видимому, ранее раскапывалось Б. А. Сушковым.

Жилище 3. Занимает крайнее южное положение в группе (рис. 4) Жилая камера была впущена в материк на глубину 1,25—1,65 м и имела размеры 3,7×3,8 м, ориентация стенок камеры — по сторонам света, т. е. та же, что и у жилищ 1 и 2. Возможно, жилище 3 строилось одновременно с ними. Вокруг зафиксирована обваловка из грунта, выброшенного при рытье камеры и из специальной ямы, расположенной к северу от жилища. Мощность обваловки достигала 0,35 м. Вход в жилище в виде узкого тамбура-коридора находился близ северо-восточного угла жилой камеры и был ориентирован в направлении север-юг. Размеры тамбура 1,25×0,75 м.

На восточном плечике жилища и на его полу обнаружены остатки деревянного бруса с вбитыми гвоздями, очевидно, обру-

Рис. 8. Серебряные копейки Петра I из жилищ Командорского лагеря.

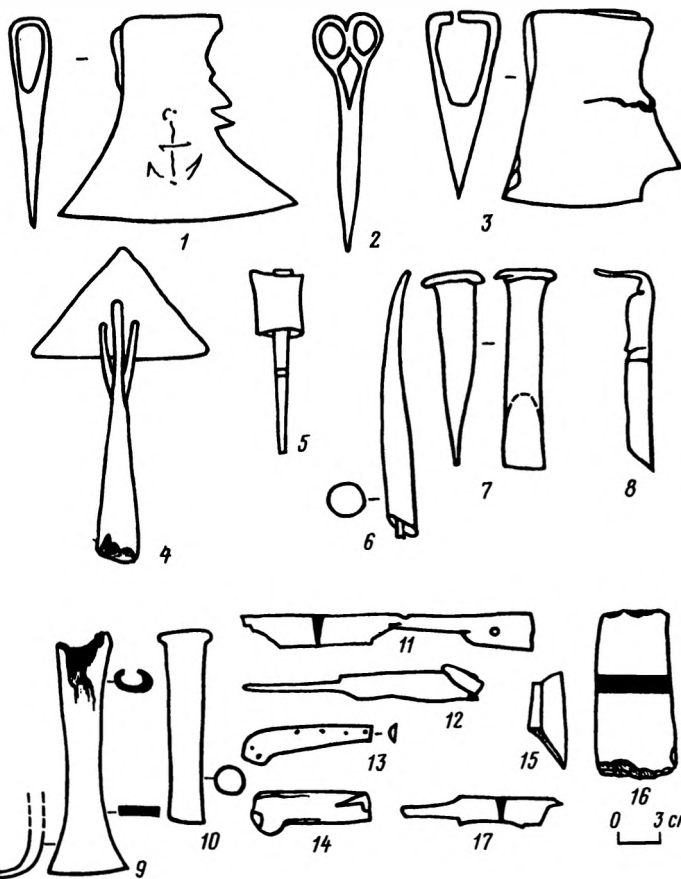

Рис. 9. Инструменты и орудия труда из раскопок Командорского лагеря.

шившаяся матица перекрытия. Как и в других жилищах, по периметру жилища 3 отмечен тлен парусиновой кровли, которая по краям крепилась к деревянным брусам и присыпалась песком. В жилой камере напротив входа находился очаг размерами $1,9 \times 1,05$ м, углубленный в материк на 0,3 м. В северной части очага

находилась более глубокая яма (0,45 м), сохранившая обкладку из прокаленных обломков песчаника. Очажные ямы сверху были перекрыты мощным кострищем с золой, углем, несгоревшими плахами с корабельными гвоздями и спекшимися кусками железных полос.

В северо-западном углу жилой камеры зафиксированы остатки лежанки, на которой находились куски войлока, сукна и шкур. В северо-восточном углу расчищена столбовая яма диаметром 0,2 м. На полу жилой камеры у ее западной стенки отмечены остатки деревянного бочонка, от которого сохранилась одна почти целая клепка (рис. 7, 12), содержащего различные предметы; три бронзовые миниатюрные пуговицы (рис. 5, 34, 36, 37), десять серебряных копеек Петра I (рис. 8), шерстяную тесьму, в которую был завернут двухштанговый штурманский бронзовый измеритель (рис. 6, 2), фрагмент деревянного стержня, заключенного в бронзовую фигурную обойму (рис. 6, 17), остатки кожаного ремня, палочку красного сургуча, три ружейных кремня, рукоять складного ножа или бритвы (рис. 9, 13), две круглые свинцовые пули, три бронзовых штампованных наперстка (рис. 6, 6), бронзовую гарду от сабли (рис. 5, 19), остатки мешковины, шерстяной ткани и сукна светло-желтого цвета. Уникальна находка в заполнении бочонка бронзового складного фунта (рис. 10). В нашем случае бочонок, безусловно, использовался вместо сундучка для хранения имущества, что часто практиковалось во флоте того времени³. Рядом с бочонком находились остатки стеклянного аптекарского флакона, в котором сохранился хвойный бальзам, а также фрагменты тонкостенной стеклянной колбочки, возможно, от песочных часов («склянок»). В углублении на северном плечике жилища найден сломанный бронзовый протрактор (рис. 6, 1), футляр для ношения гусяного пера — «перница» (рис. 5, 5). Из прочих находок в жилой камере отметим фрагмент стеклянного зеркала с остатками амальгамы, каблуки и обрывки голенищ кожаных сапог, медную подковку от каблука (рис. 5, 42), деревянную рукоять ножа, ком гашеной извести, деревянный шкив (рис. 11, 13), железный коуш, надетый на небольшой рым (рис. 11, 9). Интересна найденная на краю очага бронзовая китайская курительная трубка — ганза (рис. 6, 7).

С юга к жилищу 3 примыкала врезанная в грунт на 0,5—1,25 м ровная горизонтальная площадка, в юго-западном углу которой располагался овальный очаг размерами 1,0×0,8 м. В центре площадки расчищена ямка от столба диаметром 0,15 м и глубиной 0,15 м.

На плечике юго-восточного угла площадки южнее очага вскрыто большое скопление корабельных гвоздей, болтов и различных деталей оснастки. Всего в скоплении насчитано более 60 гвоздей и их обломков. Самые крупные гвозди и болты достигают длины 400 мм, многие из них загнуты (рис. 11, 1—8). Здесь же найдены семь шарнирных лючных навесов с прямыми и фигурными петлями (рис. 11, 17), три железных кольца-раксы

Рис. 10. «Складной фунт» из жилища 3. Рис. Л. П. Ходзевич

(рис. 11, 10), железный крюк (рис. 11, 16), часть железной оковки (бугеля) мачты (рис. 11, 18), железная кофель-планка (рис. 11, 20). Встречен также корабельный интрузмент — железная скрябка с втулкой для рукояти (рис. 9, 9), скобель (рис. 9, 8), полотно пилы (рис. 9, 11), а также железный нож с загнутым и обломанным кончиком лезвия (рис. 9, 12) и обломок такого же ножа (рис. 6, 17).

Скопление деталей корпуса и оснастки судна наводит на мысль о том, что здесь производилась разборка каких-то частей пакетбота скорее всего для получения годных для строительства нового судна крепежных деталей. Об этом же говорят найденные здесь железные отбойники, сделанные из половинок корабельных болтов (рис. 9, 10). Головки у них сильно расклепаны. Эти специально изготовленные инструменты могли использоваться при выбивке гвоздей из деталей корпуса, для распрямления их, а также при каких-либо кузнечных или рихтовочных работах. О том, что такие работы проводились, свидетельствует расположенный рядом со скоплением очаг.

На площадке найдены также остатки замка кремневого пистолета (рис. 5, 12), фрагменты механизмов кремневых ружей (рис. 5, 16, 17), обломки лезвия тесака (рис. 5, 11), круглая и цилиндрическая свинцовые пули, ружейные кремни, железная прямоугольная пряжка с язычком от поясного ремня и штампованный бронзовый тазик (рис. 7, 8).

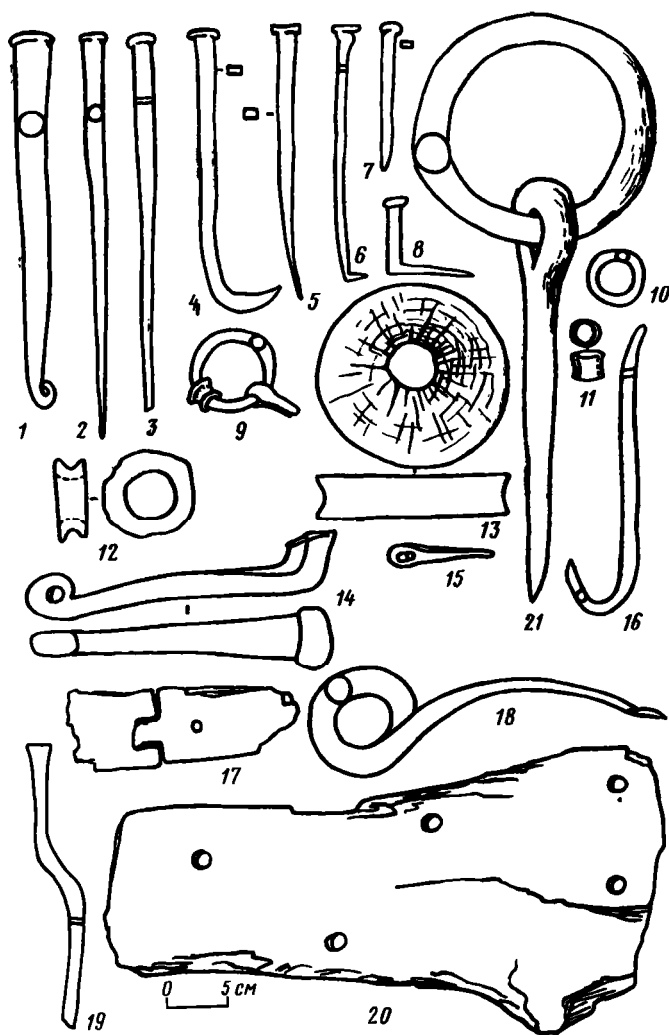

Рис. 11. Детали корпуса и такелажа пакетбота «Св. Петр»

На площади, прилегающей к жилищу 3 с востока, также зафиксировано массовое скопление корабельных гвоздей, остатки тлена от круглого столба, корабельные брусья и рей, представленные рядами корабельных гвоздей и рымов, а также железными оковками-ноками. Очевидно, здесь находились части разобранного пакетбота, предназначенные для извлечения из них крепежных деталей. Там же найдены каблук от сапога, свинцовая товарная пломба и наконечник железного копья типа рис. 5, 15.

Западнее жилища 3 найдены три железных отбойника (рис. 9,

10), а к югу от площадки жилища — палочка красного сургуча и единичные гвозди.

Жилище 5. Расположено в северной части группы и по продольной оси ориентировано в направлении ЮЗ—СВ, что обусловлено профилем берегового вала, в склон которого оно впущено (рис. 4). С северо-запада к жилищу примыкает высокий песчаный бугор, прикрывающий его от господствующих в зимние месяцы ветров. Жилище представляет собой двухкамерную углубленную в грунт постройку размерами по полу $7,3 \times 2,6$ — $4,5$ м (рис. 12). Специально оставленный выступ грунта делит углубленную в материк камеру на два самостоятельных отсека: северный, квадратный в плане, размерами $2,6 \times 2,6$ м, и южный, трапециевидный в плане, размерами около $4,5 \times 4,5$ м. Ось этой камеры несколько развернута по отношению к оси северной камеры, что также обусловлено рельефом берегового вала. По периметру жилища в его северной, западной, южной и юго-восточной частях отмечена подсыпка грунта, выбранного при рытье котлована и, очевидно, взятого с окружающей территории. В слое подсыпки имеются следы тлена парусины от кровли жилища и остатки брусев с гвоздями, к которым крепился край кровли. Высота западной стенки северной камеры, впущенной в песчаный бугор, достигает $2,0$ — $2,1$ м, другие стенки значительно ниже, в частности высота противоположной, восточной, стенки составляла $1,2$ м.

Элементы конструкции жилища представлены остатками прямоугольной системы опорных столбов диаметрами $0,15$ — $0,2$ м, заглубленных в материк на $0,2$ — $0,4$ м, остатками матиц и стропил перекрытия и деревянными частями опалубки стенок. Опорные столбы и остатки перекрытий выявлены только в северной камере жилища, которая, очевидно, была жилой. Южная камера, видимо, имела лишь парусиновую кровлю без опорных столбов и перекрытия.

Судя по перепаду высот между западным и восточным бортами жилища и выявленным по распространению тлена парусины границам кровли, западная стенка северной камеры являлась несущей, прямо на нее были положены балки перекрытия, опускавшиеся на восточный борт на расстоянии 1 — 2 м от восточной стенки. Имелись и поперечные балки. Эта конструкция поддерживалась системой опорных столбов. Угол наклона кровли к горизонтали составлял приблизительно 30° . При этом под кровлей оставалось дополнительное пространство на плечиках за пределами углубленной части.

Вертикальные стенки северной камеры сохранили вбитые в грунт деревянные колышки диаметром $0,05$ — $0,1$ м, к которым железными гвоздями крепилась парусиновая опалубка стенок.

Вход — длинный узкий коридор размерами 5×1 м, ориентированный в направлении запад—восток, — примыкал к южной камере с восточной стороны. На стыке коридора и южной камеры сохранился деревянный порог из бруса сечением $0,12 \times 0,05$ м, жестко закрепленный при помощи вбитых в стенку коридора

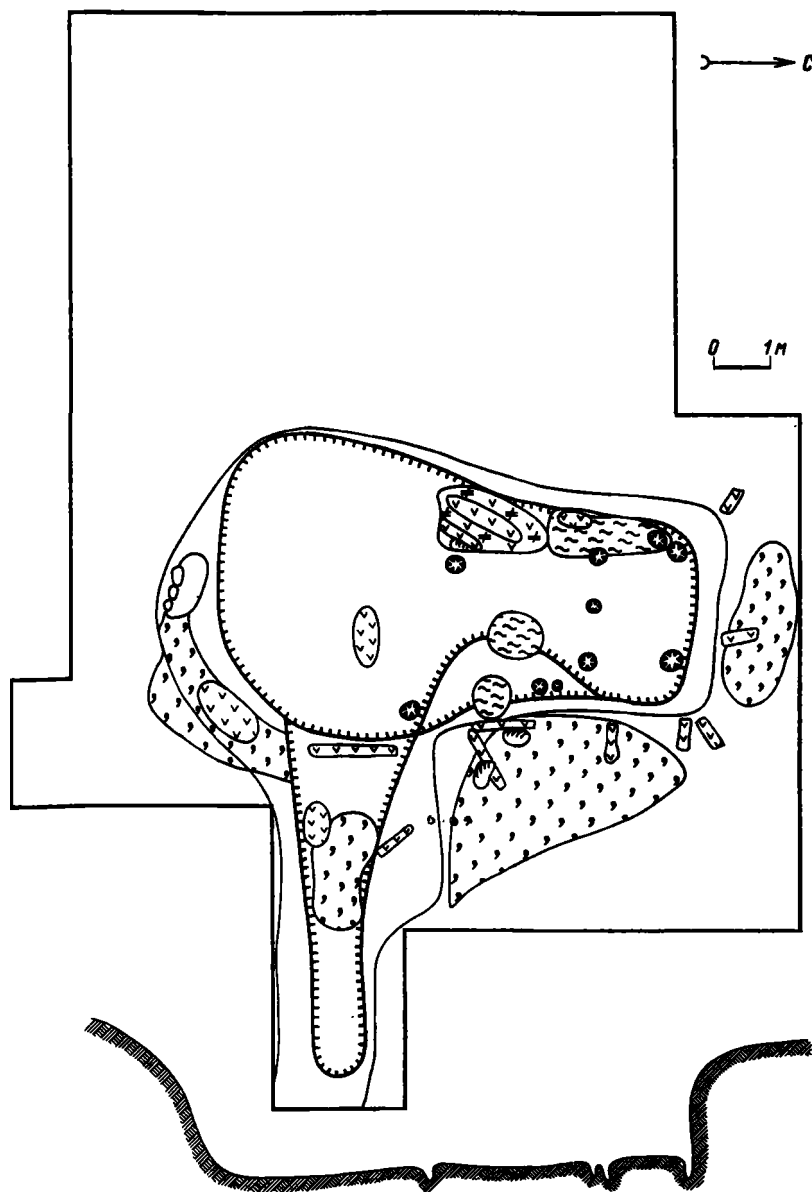

Рис. 12. Жилище 5. План и профиль по матерiku

кольев. На полу коридора близ порога находились остатки обгоревшего деревянного щита с гвоздями, возможно, рухнувшая дверь. На стыке коридора и южной камеры в пределах последней зафиксирована также столбовая яма, а на северном плечике

коридора — остатки деревянного перекрытия. На этих силовых элементах размещалась парусиновая кровля коридора, прослеживаемая по остаткам тлена.

Обрушение стенок жилища началось, по-видимому, вскоре после его строительства, возможно, во время двух сильных землетрясений зимы 1741/42 г., о которых известно из воспоминаний Вакселя⁴. Стратиграфические разрезы однозначно показывают, что после обрушения грунта в жилище его обитатели расчищали северную (жилую) камеру в пределах старых границ, тогда как южная камера полностью расчищена не была. Над ее полом образовался почти 0,2-метровый слой песка, в котором залегали отдельные находки. На поверхности этого насыпного слоя был сооружен дополнительный очаг, от которого сохранилась небольшая линза прокаленного песка с углем. При реконструкции жилища изменилась конфигурация выступа, разделяющего северную и южную камеры. Он стал выше, так как обитатели землянки оставили на нем осыпавшийся песок. По южному краю он был укреплен досками, которые поддерживались вертикальным столбиком. Проход между выступом и очагом близ западной стенки жилища перекрывался деревянной рамой, очевидно, обтянутой парусиной; от рамы остались тлен и железные гвозди.

Очаг, расположенный у западной стенки жилища напротив выступа, имел прямоугольную форму, заполнение его состояло из прокаленного бурого песка, золы, угля, обгорелых деревянных брусьев. В углу очага находился обожженный камень. Между очагом и северной стенкой камеры на полу жилища стоял деревянный, обитый жестяными полосками ящик, от которого сохранилось прямоугольное пятно древесного тлена размерами 2,15 × 0,75 м, высотой по 0,2 м. Толщина сохранившихся стенок ящика достигала 0,05 м. Среди древесного тлена найдены палочка красного сургуча, деревянная крышка натруски (рис. 5, 21), орнаментированная бронзовая пряжка с остатками ремня (рис. 5, 26). На дне ящика находились железное шило с круглой деревянной рукоятью, шкив типа рис. 11, 13, два деревянных футляра от компасов (рис. 6, 3), круглая свинцовая пуля, свинцовая пластинка, мелкие капли свинца и часть кожаного сапога. За пределами ящика, у его северного торца, на полу стоял жестяной сосуд (по «Росписи» — «жестянка» из-под конопляного масла), содержащий предметы из научной коллекции экспедиции Беринга.

У южной стенки расчищены остатки лежанки, от которой сохранились тлен парусины и куски выделанной кожи. На плечике восточной стенки в пространстве, защищенном парусиновой кровлей, найдены остатки бочки с костями морских животных, железный топор с деревянной ручкой, остатки бронзовой штампованной тарелки (рис. 7, 9), фрагмент костяной рукояти ножа, два ружейных кремня, свинцовая пуля, бронзовая пуговица, стеклянные бусы. На плечике южной стенки вскрыто скопление предметов вооружения: два железных наконечника копий (рис. 5, 15), штык

(рис. 5, 18), abordажный топор-энтербейл (рис. 5, 10). Этот набор оружия соответствует описаниям сцен охоты на морских коров в месяцы, предшествовавшие отплытию зимовщиков с острова⁵ Судя по всему, пространство под крышей на плечиках жилища использовалось его обитателями для хранения припасов и орудий повседневного обихода.

Рис. 13. Топор с клеймом из жилища 5

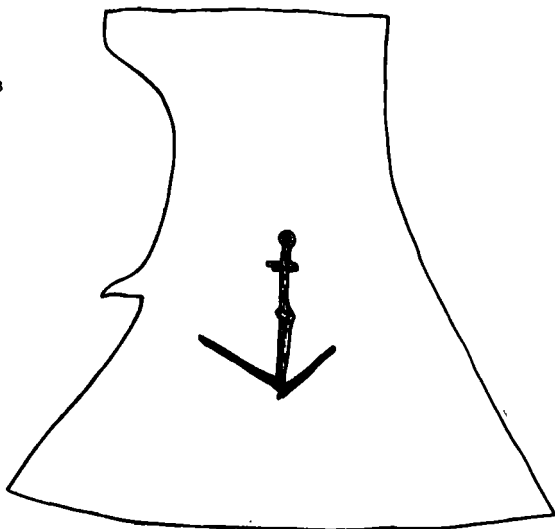
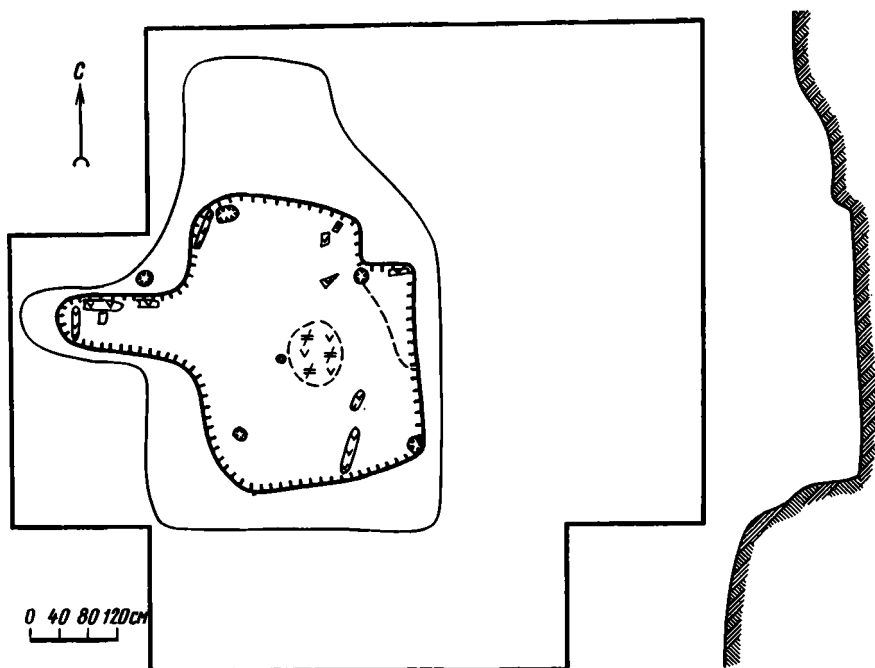

Рис. 14. Жилище 6. План и профиль по материке

В заполнении котлована и на полу найдены два чугунных трехфунтовых ядра (рис. 5, 13), два энтербейла типа рис. 5, 12, плотницкий топор с клеймом в виде якоря (рис. 9, 1; рис. 13), серебряная копейка Бориса Годунова, бронзовая застёжка от лягушки или гранатной сумки с эмблемой гренадерского полка (рис. 5, 29), деревянная пуговица с серебряным позументным шитьем в виде креста, бронзовые пуговицы, бронзовая и серебряная портупейные запонки (рис. 5, 40, 41), остатки завернутой в ткань бронзовой чашечки, фрагменты «голландской» костяной курительной трубки, остаток стеклянной колбы от песочных часов («склянок»), стеклянные бусы и бисер, каблуки от сапог, деревянная рукоять ножа, ружейные кремни, пластины слюды от судовых иллюминаторов и др. В жилище масса фрагментов керамической, фарфоровой и особенно стеклянной аптекарской посуды.

В коридоре найдены чугунное трехфунтовое ядро, остатки лукошка из древесной коры, кожаный каблук от сапога, фрагменты фарфоровой посуды и стеклянные бусы.

К северо-востоку от жилища за пределами его кровли отмечено отдельное скопление предметов: три ружейных кремня, свинцовая и бронзовая обоймы от ножен (рис. 5, 23), кожаный каблук, свинцовый стержень, обрывки выделанной кожи, тлен парусины.

Жилище 6. Крайнее северное в группе (рис. 4). Расположено на северном и северо-западном склонах высокого песчаного бугра, который отделяет его от жилища 5. В плане жилище представляет собой неправильный прямоугольник со скругленными углами размерами 5,08 × 3,26 м без учета входа. В северо-восточном углу имеется специально оставленный при строительстве прямоугольный выступ материкового грунта размерами 0,75 × 0,8 м, формирующий небольшую дополнительную камеру. Ориентация стенок жилища — по сторонам света (рис. 14). Наиболее высокая стенка — южная, ее высота составляет около 2,1—2,2 м; северная стенка намного ниже (1,2—1,4 м). По периметру, преимущественно у западной и восточной стенок, отмечена обваловка из грунта, выброшенного при рытье котлована. За его пределами, преимущественно в районе входа и у северного борта, отмечены цепочки железных гвоздей среди остатков тлена дерева и парусины — следы крепления периметра кровли. На уровне пола в северо-западном и юго-восточном углах и у выступа отмечены ямки от подпорных столбов. Еще одна ямка, в которой сохранилась часть заостренного и обожженного кола, расчищена близ юго-западного угла котлована. На уровне пола и несколько выше в заполнении котлована отмечены остатки рухнувших деревянных элементов перекрытия — брусьев с железными гвоздями и круглых в сечении рей с железными наконечниками.

Вход в жилище располагался посередине западной стенки котлована и имел длину 2 м при ширине 0,82—0,84 м. На плечике входа отмечена ямка от столба. При входе отмечены остатки

обгоревшей деревянной рамы из брусьев или плах — очевидно, остатки пола или спускающегося в котлован трапа. В районе входа многочисленны находки костей животных. У восточной стенки жилища в дополнительной камере отмечены следы лежанки из сукна или войлока. Почти в центре, статиграфически несколько выше пола, расчищен очаг, обложенный по периметру дерном, камнями и обломками кирпича (один фрагмент с клеймом в виде Андреевского флага), размерами 0,9×0,65 м. В заполнении залегали угли, куски обгоревшего дерева и отдельные гвозди. По сторонам очага отмечены ямки от двух колышков диаметрами 0,03 и 0,06 м, видимо, для подвешивания котелка.

Наблюдения за конструкцией и стратиграфией жилища позволяют судить об отдельных этапах его сооружения и разрушения. Первоначально на северном склоне песчаного бугра был отрыт котлован, грунт из которого выбрасывался преимущественно к западу и востоку от его краев. В северо-западном и северо-восточном углах (у выступа) были вкопаны два опорных столба, на которых покоилось перекрытие. На матицу с высокого южного борта жилища, а также с северного и восточного бортов были опущены стропила из брусьев и рей. Для усиления конструкции под стропила были подведены два дополнительных подпорных столба у южной стенки. Стропила опирались на грунт по периметру жилища на некотором удалении от краев котлована и, очевидно, были соединены с брусом, идущим по периметру парусиновой кровли. Кровля крепилась также корабельными концами, на что указывают находки железных коушей. Дополнительное перекрытие из рей и подпорного столба имел тамбур-вход. Собственно, вход в жилище осуществлялся под прямым углом к его оси с севера, на что указывает отсутствие здесь крепления кровли и находки костей животных, которые, по-видимому, выбрасывались наружу через отверстие входа. С уровня дневной поверхности на пол жилища был опущен деревянный трап. Некоторые стенки котлована имели дощатую и парусиновую опалубку. У восточной стенки находилась лежанка, а в центре — очаг. Дым, судя по всему, выходил через отверстие у южной стенки жилища близ его юго-западного угла. Здесь также найдены кости животных, которые, очевидно, выбрасывались наружу через это отверстие. Один из вариантов реконструкции жилища приведен на рис. 15.

Обрушение стенок котлована началось еще во время эксплуатации жилища, по всей вероятности, сразу же после сооружения. Лишь после того, как пол камеры уже был частично присыпан песком, сооружается упомянутый очаг из дерна, камней и корабельного кирпича. После прекращения эксплуатации жилища произошло обрушение деревянных элементов перекрытия и последующее обрушение и выветривание стенок котлована.

В заполнении котлована, преимущественно в слое, расположенном чуть выше пола, найдены следующие предметы: свинцовая круглая пуля, выплески свинца, бронзовая гладкая полая пуговица типа рис. 5, 35, пара железных ледоходных шипов

(рис. 5, 43), залежавших на лежанке; в заполнении входа и его окрестностях встречены еще одна бронзовая пуговица, аналогичная первой, трехфунтовое чугунное ядро, обрывок кожаного поясного ремня с тиснением в виде косой сетки и железная пряжка плохой сохранности. Повсеместно встречены железные гвозди (более 90 экз.) различной длины, железные оковки ноков рей, кусочки слюдяных оконниц. Найдено также три коуша. Примечательно, что среди и без того немногочисленных находок в жилище 6 нет таких распространенных категорий вещей, как фрагменты керамической, фарфоровой и стеклянной посуды, бусы, бисер, ружейные кремни и их сколы.

Летние жилища. Как известно, после майского паводка 1742 г. зимовщики перебрались из землянок в «летние жилища»⁶. Остатки одного из них выявлены на ровной площадке к востоку от жилища 2 (рис. 4). Они прослежены по прямолинейным цепочкам корабельных гвоздей и других крепежных деталей, позволяющих реконструировать положение деревянных брусьев, в которые они когда-то были вбиты. Система брусьев в плане представляет собой квадрат со сторонами $3,3 \times 3,3$ м, в центре которого расположен открытый очаг подпрямоугольной формы, обложенный шестью большими камнями и обломками кирпича (один фрагмент с клеймом в виде Андреевского флага). Заполнение очага — зола, угли, обожженный песок. У западной границы брусьев вскрыта ямка от вертикально вкопанного прямоугольного бруса сечением $0,2 \times 0,2$ м. На всей площади, занимаемой брусьями, и в их окрестностях очень многочисленны находки крепежных деталей (гвоздей, ноков, пластин, и т. п.) среди тлена дерева и парусины. По-видимому, летнее жилище представляло собой простую палатку или шатер, ее края закреплялись на грунте при помощи деревянных брусьев с гвоздями, как и у зимних жилищ.

Внутри палатки, у ее северо-западного и северо-восточного углов, вскрыты остатки двух бочек с солониной, на что указывают находки костей морских животных в заполнении (определены челюсти котика, некоторые кости имеют следы рубки).

В пределах жилища и его окрестностей, на площади 6×4 м, собран многочисленный вещевой материал: целый и фрагментированные ружейные кремни, три свинцовых пули, свинцовая пластина, обломок оселка, бронзовая обоймица ножен (рис. 5, 24), пуговицы, бусы, фрагменты стеклянной, фарфоровой и глиняной посуды, железная дужка от ведра или котелка (рис. 7, 11), два железных болта с рымами, железная лючная накладка, лючный навес, железная полоса размерами $530 \times 60 \times 5$ мм с отверстиями для гвоздей, шкив и др. За пределами скопления находки единичны.

Остатки еще одного летнего жилища предположительно находятся к востоку от жилища 3 (рис. 4). Здесь выявлена столбовая яма, заполненная древесным тленом. Вокруг ямы располагалось скопление находок: кусок обгорелого войлока, остатки кожаного сапога, две синих стеклянных бусины, деревянная пуговица с позу-

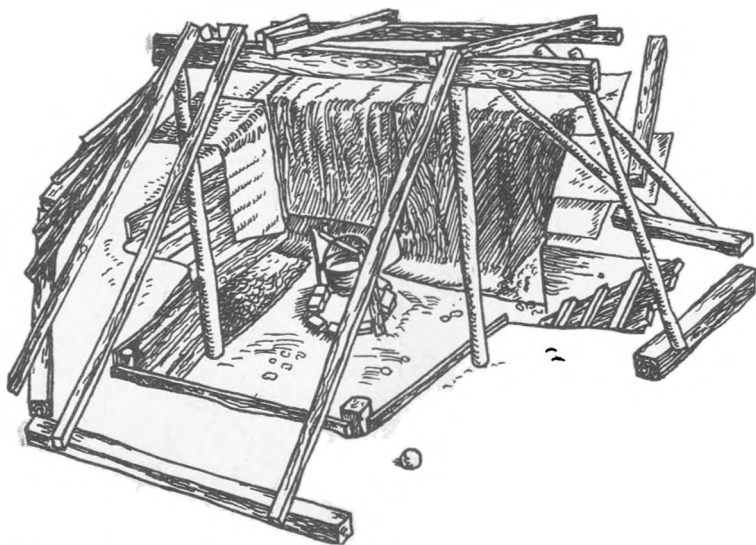

Рис. 15. Жилище 6. Вариант реконструкции
Художник Г. В. Борисевич

ментным шитьем, часть деревянной стенки шкатулки или ящика с медной заклепкой, кусок минеральной серы, железная пластина и др.

Жилище 4. Расположено в стороне от основной группы, в 150 м к северо-северо-востоку от нее, на краю третьей надпойменной террасы левого берега р. Командор (рис. 1). Жилище двухкамерное (рис. 4 и 16). При его строительстве первоначально был вырыт квадратный в плане котлован размерами 5×6 м, углубленный в грунт на 0,8—1,0 м (основная камера). К ней с юга примыкала дополнительная камера размерами 2,4×5,7 м, углубленная в грунт на 0,65—0,85 м. Обе камеры разделялись перемычкой из материкового грунта, укрепленной с боков связанными между собой деревянными щитами. На перемычку также был положен деревянный щит, поверх которого был насыпан дополнительный слой суглинка. Между перемычкой и западной стенкой оставался проход шириной 1,2 м.

По периметру отмечена обваловка из грунта, выброшенного при рытье котлована. Вдоль внешнего обвода обваловки западной и северной стенок жилища имелись канавки для стока воды. По периметру основной камеры располагались опорные столбы, от которых сохранились ямы, заполненные древесным тленом. На столбах покоилась продольная матица и поперечные деревянные стропила. Кровля состояла из парусины, по периметру обложенной фашинами травы и присыпанной грунтом. Вход в виде тамбура размерами 2×1 м располагался в северо-восточном углу дополнительной камеры у перемычки. В заполнении входа расчищены остатки

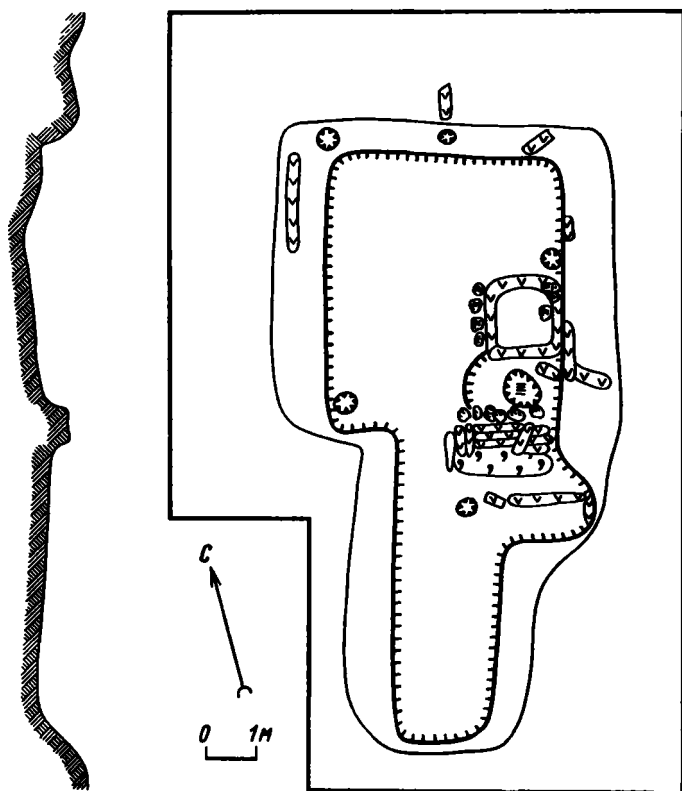

Рис. 16. Жилище 4. План и профиль по материке

деревянных конструкций рухнувшего перекрытия и, возможно, двери.

В основной камере у ее восточной стенки располагался очаг на овальной очажной яме размерами $1,3 \times 1,6$ м и глубиной до 0,15 м, часть которой (собственно очаг) была обложена крупной галькой. Остальная часть углубления служила предочажной ямой. С севера к очагу примыкали остатки печи сложной конструкции. При ее строительстве в полу первоначально было вырыто прямоугольное в плане углубление размерами $3,0 \times 1,8$ м и глубиной 0,55 м, застеленное шкурой сивуча, присыпанной песком и суглинком. Поверх шкуры в яму была впущена деревянная рама размерами $1,3 \times 1,55$ м. Пространство между стенками ямы и рамой засыпано суглинком. Над рамой был возведен свод из обломков песчаника, выходы которого имеются в окрестностях жилища. В основание положены крупные камни, выше — более мелкие. Свод, очевидно, обкладывался дерном и присыпался суглинком. Связующий раствор не применялся. Перед печью располагалась

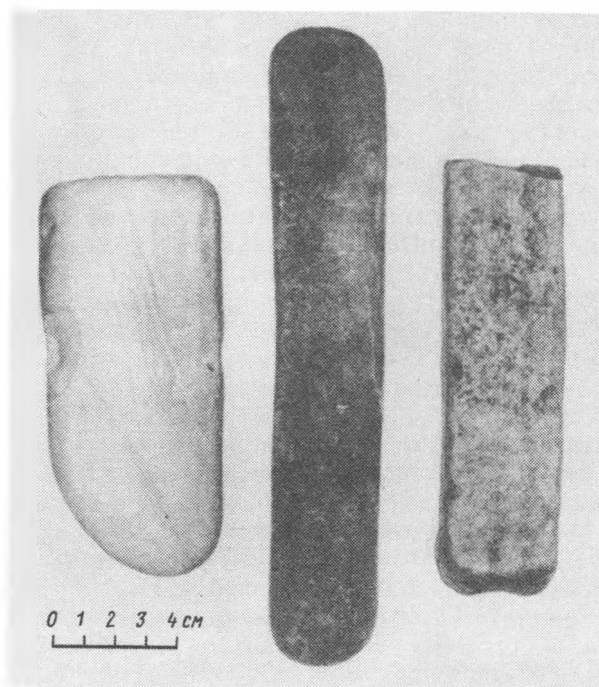

Рис. 17. Командорский лагерь. Каменные подвесные
точила

яма глубиной 0,3 м. Возможно, эта печь является одной из трех печей, сооруженных незадолго до отплытия с острова для выпечки хлеба и сушки сухарей⁷

В развале печи собран ряд предметов: бронзовое ушко от ведра, бронзовый круглый стерженек, восемь агатовых, халцедоновых и яшмовых галек, литая бронзовая дужка, оселок (рис. 17), фрагмент ткани, обрезки выделанной кожи, половинка стеклянной бусины, ребро морского млекопитающего. Близ очага на полу найдена бронзовая фитильница (рис. 5, 20), над очагом на плечике находились фрагменты двух стеклянных флаконов зеленого и желтого цвета, а также кости сивуча.

У северной стенки основной камеры на полу находилось скопление металлических предметов: абордажный топор-энтербейл (рис. 5, 10), сломанный плотницкий топор (рис. 9, 3), конопатка (рис. 9, 7), массивный бронзовый крюк, применявшийся для вертикальной строповки бочек (рис. 11, 14). Над этим скоплением на плечике жилища найдена винтовая пробка от натруски (рис. 5, 22).

В различных местах на полу жилища собраны: деревянный шкив, дверной навес, прямоугольная слюдяная пластина от иллюминатора размерами 145×160 мм, грубо вырезанная деревянная

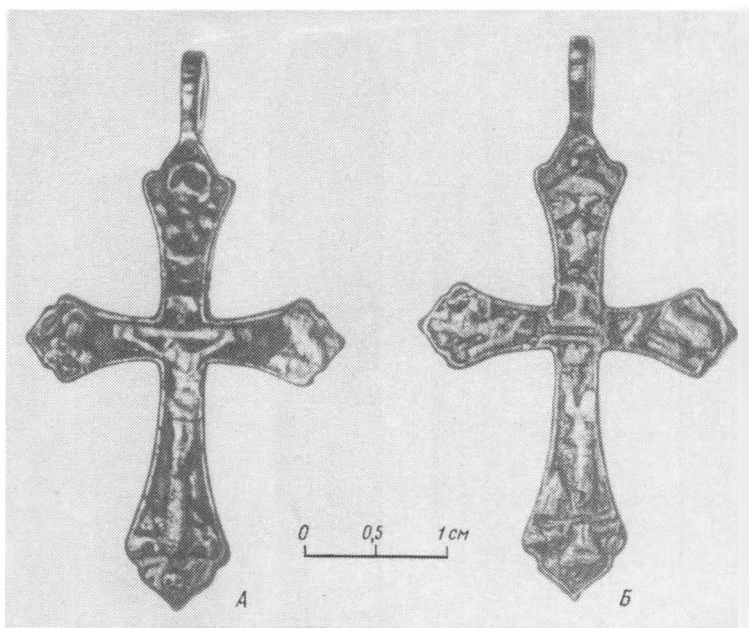

Рис. 18. Крест-тельник из оловянисто-свинцового сплава (жилище 4)
 А — лицевая сторона; Б — оборотная сторона

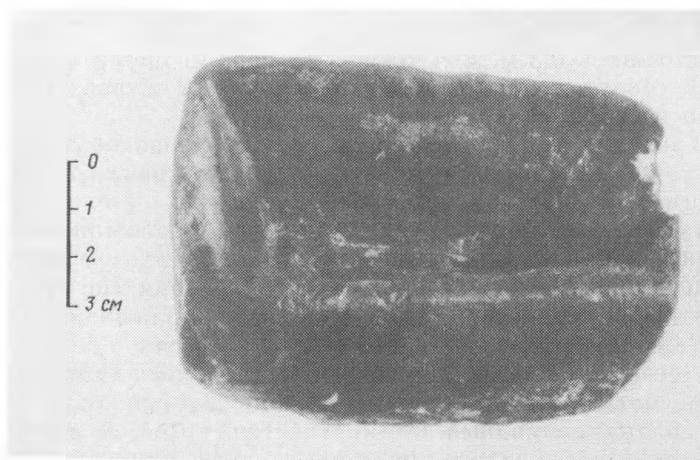

Рис. 19. Каменная лампа-жирник из жилища 4.

лопатка, возможно, веселка для вымешивания теста, жестяной уголок сундука с отверстиями для гвоздей. В центре жилой камеры в материковом углублении лежали остатки шубы из меха котика на матерчатой подкладке. В мех были завернуты несколько гладких бронзовых пуговиц, две из которых были срезаны с какой-то кожаной одежды на матерчатой подкладке, к которой они пришивались кожаными ремешками. Вместе с пуговицами находился фрагмент шкуры животного из отряда собачьих, к которому кожаным ремешком был пришит распятием внутрь крест-тельник из оловянисто-свинцового сплава (рис. 18).

На восточном плечике основной камеры найдены большая синяя стеклянная бусина, железный трехгранный скребок с втулкой для рукояти (рис. 9, 4), железный топор, точило, гладкая бронзовая полая пуговица. У выхода в дополнительной камере найдена каменная лампа-жирник (рис. 19).

В различных местах жилища во вторичном залегании находились орудия и отщепы из кремнистого сланца из древнего культурного слоя, остатки которого стратиграфически выявлены в окрестностях жилища. Слой состоял из светло-серого песка с угольками и отдельными костями морских животных.

Разведка на правом берегу р. Командор показала, что в береговых обнажениях центральной части бухты Командор, в районе развалин избы зверопромышленников (рис. 1), в 1979 г. был зафиксирован культурный слой, содержащий предметы, связанные с экспедицией Беринга. Слой представляет собой светло-бурый песок мощностью до 0,15 м, в заполнении которого встречаются угольки и окислы железа. Ниже лежит светло-серый песок голоценовой террасы. Протяженность слоя по линии клифа террасы примерно 30 м.

В 15 м к северо-западу от развалин избы был заложен шурф 1 × 1 м, который показал ту же стратиграфию. В слое светло-бурого песка в шурфе найдены два корабельных гвоздя, идентичных гвоздям из жилищ, три фрагмента стеклянного флакона, кусочки слюды, две чугунные пушечные картечи диаметром 23 мм и 29 экземпляров стеклянного бисера различных цветов. Стекло как прозрачное, так и заглашенное.

В 1981 г. в этом месте на отдельных развееваемых участках в подповерхностном слое собрано свыше 500 экземпляров бисера и несколько бусин, аналогичных бусинам из жилищ. Здесь же в береговом обнажении отмечена западина, по-видимому, от какой-то постройки, большая часть которой срезана наступающим клифом.

Как известно, приблизительно там же вели работы экспедиции 1944, 1966 и, очевидно, 1974 гг. В непосредственной близости от развалин избы заметен слегка оплывший раскоп размерами около 10 × 4 м.

Судя по описанию работ экспедиции 1966 г., где-то здесь обнаружены остатки горна, устроенного зимовщиками для выгонки смолы из канатов.

Наличие на правом берегу «россыпи» бисера, по-видимому,

подтверждает, что выброшенный на прибрежную отмель пакетбот разгружался именно в этом месте. Детальное его изучение — дело будущего.

Суммируя наши наблюдения над жилищами Командорского лагеря, отметим, что в целом они вполне соответствуют описаниям, оставленным участниками зимовки, но в отличие от некоторых мест этих описаний⁸ вовсе не напоминают «могилки» или «ямы», а, напротив, отличаются продуманностью и добротностью конструкции. Во всяком случае, такими большинство из них стали к концу зимовки, когда после начала разборки корпуса пакетбота в апреле 1742 г. зимовщики получили в достаточном количестве строительные материалы и крепежные детали; из них, в частности, были устроены летние жилища. Впрочем, какие-то корабельные брусья, возможно, из корабельного запаса, а также деревянные части рангоута (реи и др.) были использованы с самого начала.

Таблица 1

Элементы конструкции и интерьера жилищ по данным раскопок

№ жилища	Опоры, столбы	Матилы, стропила	Опалубка	Конструкции на входе	Крепление периметра кровли	Печи, очаги	Лежанки
1	0	1	0	0	1	1	1
2	1	1	0	0	1	1	0
3	1	1	0	0	0	1	1
4	1	1	1	1	0	1	0
5	1	1	1	1	1	1	1
6	1	1	1	1	1	1	1

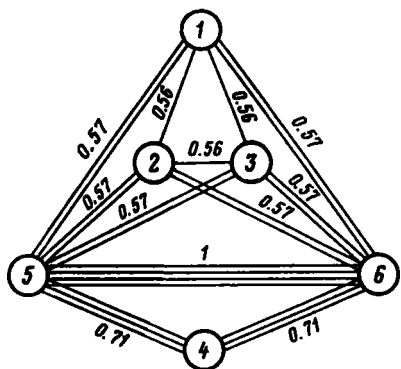

Рис. 20. Граф связи между жилищами Командорского лагеря по набору конструктивных элементов.

В табл. I приводятся обобщенные данные о дошедших до нас конструктивных и интерьерных элементах каждого из исследованных жилищ (1 означает наличие, 0 — отсутствие элемента).

Вычисление коэффициента связи между жилищами по мето-

дике⁹ позволяет построить граф (рис. 20), наглядно иллюстрирующий наличие компактной группы жилищ 4—6, тесно связанных между собой по выделенным элементам и имеющих все или почти все эти элементы. Заметим, что жилища этой группы двухкамерные и носят следы перестроек.

Жилища 1—3 отдельной группы не образуют. Они характеризуются отсутствием многих выделенных элементов конструкции и интерьера. Как уже отмечалось, эти жилища, очевидно, были построены одновременно, скорее всего в первые дни после высадки на остров.

Характерно, что жилища Командорского лагеря соответствуют домостроительной традиции, известной у славянских народов с VIII—X вв., и имеют углубленный в грунт котлован («голбец»), перекрытый кровлей таким образом, что за пределами котлована остаются свободные пространства («полати»), используемые для различных нужд¹⁰ Есть общие черты и с землянками камчадалов, с конструкцией которых участники Второй Камчатской экспедиции были знакомы¹¹

Согласуются с описаниями и другие объекты лагеря.

Большой интерес представляет многочисленный вещевой материал, собранный в жилищах и их окрестностях. Его описанию и атрибуции посвящена следующая глава.

•

Вещевой комплекс Командорского лагеря

В процессе изучения Командорского лагеря собрано несколько сотен предметов, оставленных на острове зимовщиками. В основном это железные детали корпуса и такелажа пакетбота «Св. Петр». В меньшем, но более чем достаточном для исследования и классификации количестве найдены другие предметы, в том числе личные вещи зимовщиков, наглядно иллюстрирующие материальную культуру русских мореплавателей первой половины XVIII в. Часто они не имеют аналогий ни в музейных собраниях, ни в археологических материалах, но при сопоставлении со сведениями письменных источников об экспедиции Беринга легко поддаются атрибуции и в дальнейшем могут послужить основой для интерпретации материалов многочисленных синхронных памятников русского и коренного населения Сибири и сопредельных территорий. В настоящей главе мы приводим подробное описание основных категорий находок в Командорском лагере, в ряде случаев даем аналогии, известные на других памятниках, и при необходимости используем документы Второй Камчатской экспедиции, в частности «Роспись».

1. **Оружие.** К предметам вооружения, собранным в жилищах и их окрестностях, относятся детали замков кремневых ружей (рис. 5, 16, 17), замковая часть пистолета (рис. 5, 12), фрагменты лезвия железного тесака или сабли клиновидного сечения (рис. 5, 11), бронзовая литая гарда от сабли, украшенная растительным орнаментом (рис. 5, 19), две бронзовых и одна свинцовая обоймицы от ножен (рис. 9, 23, 24), также с растительным орнаментом. Очень интересен штык с плоским лезвием и втульчатой системой крепления на стволе ружья (рис. 5, 18). Втулка имеет прорезь для мушки и соединена с лезвием изогнутым стеблем. Полная длина штыка — 720 мм, длина лезвия — 600 мм. На лезвии фрагментарно сохранились остатки деревянных ножен, обтянутых кожей. Подобный штык несколько меньших размеров найден в слое первой половины XVIII в. Москвы¹. Еще один экземпляр великолепной сохранности экспонируется в Музее истории г. Таллина как образец вооружения русской армии первой половины XVIII в.

Найдены также три **наконечника** копий (один фрагментирован). Наконечники совершенно одинаковы (рис. 5, 15), имеют подтреугольное перо ромбовидного сечения длиной 90 мм, короткую шейку с яблоком, переходящую во втулку длиной 100 мм с диаметром устья 35 мм. От втулки отходят две пожилыны с двумя

отверстиями для гвоздей в каждой. Еще один такой же наконечник, происходящий из прежних раскопок, находится в музее в г. Петропавловске-Камчатском.

Чрезвычайно интересны четыре железных абордажных топора-энтербейла из жилищ 4 и 5 (рис. 5, 10). Лезвия топоров секировидные, обушок оформлен в виде четырехгранного клевца. Ширина лезвия — 150 мм, общая длина от лезвия до оконечности клевца — 320 мм. В четырехгранной проушине топоров закреплялись прямые деревянные топорща. Крепление осуществлялось при помощи железных пластинчатых пожилин с отверстиями для гвоздей. Концы пожилин выступали из проушины, где расширялись и имели фиксирующие отверстия, в которые вставлялись круглые штифты. Концы штифтов расклепывались. На одном из топоров между пожилками найдены остатки ткани и бронзовая пуговица, возможно, застежка от чехла. Еще один такой же топор из раскопок Б. А. Сушкова экспонируется во Владивостокском военно-историческом музее. Здесь интересно отметить, что форма и конструктивная схема энтербейлов XVIII в. дошла до наших дней без всяких изменений в пожарных топорах, применяемых на современных морских судах.

Уникальна бронзовая фитильница в виде конусовидного стаканчика с высверленными в нижней части и дне отверстиями для доступа воздуха (рис. 5, 20). По образующей стаканчика имеются две петли для крепления к портупее, у горловины есть шарнирная петля для несохранившейся крышки. Фитильницы этого типа являлись обязательной принадлежностью гренадеров и, по-видимому, артиллеристов. Из прочих предметов отметим две деревянные крышки от натрусок (?). Крышки имеют фасолевидную форму. В каждую врезано по две бронзовых втулки с центральными отверстиями, имеющими винтовую нарезку. Устье одного из отверстий у крышек оформлено в виде воронки (рис. 5, 21). Видимо, к аналогичной натруске относится бронзовая пробочка с фигурной головкой (рис. 5, 22), имеющая такую же винтовую нарезку.

При раскопках найдено 17 ружейных и пистолетных кремней (рис. 5, 1—4). Все кремни имеют подтрапцевидную или подквадратную форму и делятся на две устойчивые группы: крупные с размерами граней в среднем 20×30 мм и мелкие с размерами граней 15×20 мм. Многочисленные аналогии известны из раскопок Мангазеи². Впрочем, часть кремней могла в нашем случае использоваться и для высекания огня при помощи кресала. Судя по письменным источникам (см. главу I), зимовщики имели достаточный запас кремней в числе подарочного набора, эти кремни, очевидно, дорабатывались и использовались по мере необходимости в течение зимовки. На последнее указывают находки в жилищах мелких отщепов и сколов.

В различных местах лагеря найдено 13 свинцовых сферических и две цилиндрические пули трех различных калибров — 9, 12 и 16 мм. Найдена также дробинка со следами прикуса зубами (рис. 5, 6, 8, 9). Некоторые пули, возможно, отливались на месте,

о чем свидетельствуют бракованные экземпляры и экземпляры с неотрубленными литниками (рис. 5, 5, 7). О том же говорят и многочисленные находки свинцовых выплесков.

В заключение отметим находку на территории лагеря четырех чугунных трехфунтовых пушечных ядер диаметром 72 мм (рис. 5, 13), отлитых в составных формах, и чугунной картечи диаметром 23 мм (рис. 5, 14). Калибры ядер и картечи соответствуют документам Сибирского обер-бергамта о материальном обеспечении экспедиции Беринга, что позволяет констатировать их уральское происхождение (см. главу VII). Ранее в Командорском лагере было найдено ядро диаметром 45 мм от полуфунтового фальконета, которое сейчас в музее Петропавловске-Камчатского. Экспедиция 1944 г. нашла на правом берегу р. Командор пять гранат калибра около 65—67 мм, четыре двухфунтовых ядра, более 20 штук картечи и ящик с порохом. Отдельные предметы вооружения из случайных сборов в бухте Командор находятся в Алеутском краеведческом музее пос. Никольское (замковые части двух пистолетов, трех ружей, пули).

Сопоставление перечня предметов вооружения с «Росписью» и другими документами экспедиции Беринга не только показывает их прекрасное соответствие, но даже позволяет «поправить» авторов «Росписи». В частности, в «Росписи» указано три «копья з древками», оставшихся на острове, а к настоящему времени их найдено уже четыре и т. п. Некоторые из найденных предметов в «Росписи» отсутствуют, хотя, возможно, они не были казенным имуществом, за которое следовало отчитываться. Ясно также, что многие предметы «Росписи» пока не найдены, например, из восьми оставленных на острове энтербейлов найдено только пять.

2. Одежда, обувь, обмундирование. К этой категории находок относятся прежде всего многочисленные пуговицы от обмундирования (всего 32 экз.). Пуговицы отличаются достаточным разнообразием, но среди них можно выделить две основные группы. Большинство пуговиц — бронзовые, линзовидного сечения, полые внутри, изготовлены из двух штампованных спаянных половинок. Лицевая сторона гладкая (рис. 5, 35). Некоторые пуговицы распались по месту спайки, что позволяет судить о креплении ушка. Бронзовая проволока прямоугольного или круглого сечения, формирующая ушко, пропущена в центральное отверстие на тыльной стороне пуговицы в будущую внутреннюю полость, где ее концы отогнуты от центра. Иногда крепление ушка дополнительно пропаяно. Диаметры пуговиц этого типа составляют преимущественно 21—24 мм, особняком стоят единичные экземпляры с диаметрами 17 и 29 мм. К этой группе примыкают отдельные пуговицы скорлупообразного или плоского сечения, отлитые вместе с ушком (рис. 5, 36, 38).

Многие из пуговиц сохранились на фрагментах грубого сукна, кожи или меха, к которым были пришиты тонкими кожаными ремешками сечением около 1 × 1 мм. Эта группа, очевидно, принад-

лежит обмундированию рядового состава Командорского лагеря³. Многочисленные аналогии известны в слоях XVIII в. русских городов. Встречены они и при раскопках лагеря арктической экспедиции В. Я. Чичагова 1764—1766 гг. на Шпицбергене⁴.

Пуговицы второй группы более миниатюрны (диаметром 10—13 мм, а в одном случае 18 мм), имеют также линзовидное, но чаще полусферическое сечение (рис. 5, 34, 37). Технология изготовления та же, что и у пуговиц первой группы, за исключением того, что они, как правило, имеют выточенную на токарном станке деревянную сердцевину. Лицевые обкладки имеют штампованные изображения: крест (рис. 5, 30), цветок (рис. 5, 33). Есть один экземпляр архаичной для первой половины XVIII в. сферической пуговицы «на желудевое дело» (рис. 5, 31). Встречены также деревянные сердцевинки от подобных распавшихся пуговиц, одна сердцевина из оловянисто-свинцового сплава. Встречены и отдельные фрагменты обкладок. Одна пуговица целиком вырезана из пробки (рис. 5, 32). Уникальны две пуговицы на деревянной основе с изображением стилизованного креста, выполненным техникой позументного шитья серебряной нитью.

Есть основания полагать, что эта группа принадлежит обмундированию офицерского и унтер-офицерского состава лагеря.

К предметам обмундирования относятся также фрагменты и металлические детали поясных ремней и портупей. Один из хорошо сохранившихся фрагментов кожаного поясного ремня (жилище 6) шириной 50 мм имеет на лицевой стороне тиснение в виде частой ромбической сетки. Подобному ремню, очевидно, соответствует квадратная железная пряжка размерами 50×50 мм с железным язычком. Другая железная пряжка, полуовальная, шириной в основании 30 мм и высотой 35 мм, возможно, принадлежала портупейному ремню. Найдены также бронзовая орнаментированная застежка (наконечник) (рис. 5, 25) и бронзовая орнаментированная пряжка (рис. 5, 26), по-видимому, также детали портупей, возможно, офицерских.

К деталям портупей относятся запонки, которых найдено три. Две запонки бронзовые, представляют собой два плоских щитка, жестко соединенных штифтом. Лицевые щитки орнаментированы (рис. 5, 39, 40). Третья запонка серебряная, лицевой щиток у нее полусферический и имеет гравированное изображение четырехконечного креста (рис. 5, 41).

Здесь же отметим бронзовую застежку от лядунки или гранатной сумки (рис. 5, 29) из жилища 5. Застежка литая, на лицевой стороне — выпуклое изображение ручной гранаты с горящим запалом («гренады об одном огне», по терминологии того времени). В верхней части щитка имеется девять отверстий, возможно, для прикрепления к клапану лядунки или сумки. На оборотной стороне — Г-образный крючок. Застежка с такой эмблемой однозначно указывает на принадлежность ее к снаряжению гренадеров, которые, как известно, были в составе экипажа «Св. Петра».

К прочим предметам одежды и обмундирования относятся

довольно многочисленные фрагменты сукна, войлока, шерстяных тканей, окрашенной кожи и выделанных шкур. В ряде случаев одежда, пришедшая в негодность, очевидно, использовалась в качестве подстилки на лежанках в жилищах. Некоторые фрагменты одежды носят явные следы ремонта, переделки или даже местного изготовления. Последнее в основном относится к одежде из меха морских млекопитающих. Все это подтверждается письменными источниками о зимовке⁵. Встречен также фрагмент ткани с остатками позументного серебряного шитья.

К деталям обуви относятся фрагменты и обрезки кожаных сапог, девять каблуков, набранных из обрезков кожи и скрепленных деревянными гвоздиками ромбического сечения, две бронзовые фигурные обувные пряжки (рис. 5, 27, 28) и бронзовая литая подковка для каблука (рис. 5, 48). Сюда же отнесем пару очень плохо сохранившихся железных ледоходных шипов из жилища 6 (рис. 5, 43).

Рассмотрев эту категорию находок, отметим, что письменные источники об экспедиции Беринга крайне скупы в описании такой прозаической вещи, как одежда и обмундирование, лишь Ваксель однажды упомянул «шинели и одеяла», которыми зимовщики укрывались во время пурги⁶; в другом месте своих воспоминаний, касающемся его поездок по Камчатке, он отмечает свой «белый шитый золотом мундир»⁷. На о-ве Беринга у Вакселя был кафтан, сшитый из шкурок новорожденных котиков⁸. Упоминаются также теплые шапки, куртки и сапоги. «Роспись» в этой категории вещей указывает лишь лядунки с ремнями и без ремней в количестве 21 штуки.

3. Орудия труда, инструмент. Эта категория вещей достаточно многочисленна. В нее входят как специфический судовой инструмент, так и орудия труда, имеющие широкое применение в различных ремеслах, хозяйстве и т. п.

К специфическим судовым инструментам относится скребок с треугольным лезвием и втулкой для деревянной рукояти (по «Росписи» — «скрябка троегранная»), применявшийся для очистки палубы и днища судна при кренговании (рис. 9, 4). Еще один скребок («скрябка», по современной морской терминологии) также с втулкой для рукояти имеет расширенное Г-образное лезвие с односторонней заточкой (рис. 9, 9). К судовым инструментам относится также железная конопатка из жилища 4, имеющая прямоугольное сечение и уплощенную затупленную рабочую часть. Обушок сильно расклепан (рис. 6, 7). «Роспись» показывает три «канопатки разбивных негодных». Там же найдена свайка — инструмент для пробивания прядей троса, который представляет собой стержень прямоугольного сечения с деревянной рукоятью, заключенной в бронзовую обоймицу (рис. 9, 5). К судовым инструментам относится также драек, предназначенный для такелажных и парусных работ. Он изготовлен из твердого дерева, рабочая часть выполнена в виде плоской лопаточки, в другой конец, имеющий подпрямоугольное сечение, был впущен железный стер-

жень, в свою очередь закрепленный железным штифтом (рис. 9, 6). К судовым инструментам относятся, очевидно, несколько отбойников круглого сечения с плоской рабочей поверхностью и расклепанным обушком. Отбойники, судя по всему, изготовлены на месте из корабельных болтов и использовались при кузнечных работах во время строительства гукера.

К орудиям труда общего назначения относятся четыре железных топора. Три из них практически однотипны и имеют широкое секировидное лезвие клиновидного сечения, плоский обух и треугольную проушину. Верхняя часть обуха оттянута к топорщику. Бородка четко профилирована. На лезвии одного из топоров зубилом выбито изображение якоря (рис. 9, 1, рис. 13). Этот топор, без сомнения, — один из двух «топоров ординарных», показанных в «Росписи» в разделе «шхиперские припасы».

Крайне интересен четвертый топор, найденный в жилище 4. Сечение топора клиновидное, лезвие относительно узкое, его ширина приблизительно равна высоте топора, верхняя часть обуха очень слабо оттянута к топорщику, бородка едва намечена. Проушина трапецевидной формы (рис. 9, 3). Этот тип топоров для времени экспедиции Беринга очень архаичен и имеет аналогии в памятниках Сибири и северных районов европейской России преимущественно XVII в. Топор соответствует второму типу топоров, выделенному В. И. Молодиным на Кыштовском могильнике (Западная Сибирь, XVII в.)⁹ Подобные топоры известны в Мангазее¹⁰, могильнике Ортызы-оба в Минусинской котловине (конец XVII—начало XVIII в.)¹¹ В 1983 г. В. Ф. Старковым такой же топор был найден при раскопках русского поморского зимовья XVII в. на Шпицбергене. Все перечисленные топоры, безусловно, русского производства. По классификации С. И. Руденко, этот тип топоров употреблялся «для рубки дров и других надобностей»¹². «Сибирский» облик топора может указывать на то, что он не относился к судовому имуществу, а принадлежал кому-либо из сибирских или камчатских служилых, входивших в состав экспедиции Беринга. Во время зимовки он использовался по своему прямому назначению, был сломан (отколот угол лезвия, треснул обух) и выброшен за непригодностью.

Сохранившиеся части деревянных топорщиц показывают, что у всех топоров Командорского лагеря они были прямыми и достаточно длинными. Сравнительная характеристика топоров приведена в таблице II.

К прочим инструментам относятся железный скобель (табл. 2—8), очевидно, «скобель ручная малая» «Росписи», железное шило квадратного сечения с деревянной ручкой и полотно пилы, по-видимому, какого-то специального назначения, так как сечение его клиновидное (рис. 9, 11). «Роспись» показывает три «пилы разные».

К орудиям повседневного обихода относятся железные шарнирные ножницы (рис. 9, 2), обломки железных черешковых ножей и их деревянных рукоятей (рис. 9, 12, 14, 17). Часть ножей может

Таблица II

Основные размеры топоров Командорского лагеря

Размер, мм	1	2	3	4
Длина	140	123	145	150
Ширина лезвия	135	135	115	160
Длина проуха	?	46	45	55
Ширина проуха	30	31	20	24
Длина обуха	80	75	75	85
Ширина обуха	45	40	35	35
Длина бородки	10	13	5	Нет

происходить из подарочного набора (в этом разделе «Росписи» показано 177 ножей «с череньями и без череньев»). Встречены остатки складных ножей, в том числе деревянные накладки на рукоять (рис. 9, 13), а также фрагмент костяной рукояти.

Довольно многочисленны точильные камни и их обломки из мелкозернистого песчаника или сланца (рис. 9, 15, 16). Некоторые имеют следы заточки игл или шильев. Очень интересны два оселка овального сечения с закругленными концами из темносерого плотного алевролита (рис. 17). Один оселок обломан. Целый экземпляр имеет размеры $220 \times 42 \times 15$ мм. На одном конце у него высверлено отверстие диаметром 6 мм. Сверление двустороннее. На другом конце отверстие недосверлено. По-видимому, это подвесные оселки для доводки инструмента, требовавшего особо острой заточки, в частности бритв. Подобные изделия известны в Прибалтийском регионе, начиная с железного века, и широко распространены в средневековье¹³

В заключение отметим найденную в жилище 4 грубо вытесанную небольшую деревянную лопатку, очевидно, изготовленную на острове. Такая лопатка могла применяться для замешивания теста. Напомним, что именно в жилище 4 вскрыты остатки печи, предположительно для выпечки хлеба.

4. Приборы, штурманский инструмент и канцелярские принадлежности. Эта категория вещей немногочисленна, но включает уникальные образцы измерительного инструмента первой половины XVIII в.

В жилище 3 обнаружен небольшой бронзовый стаканчик усеченно-конической формы с диаметром дна 35 мм, диаметром по венчику 42 мм и высотой 34 мм (рис. 10). Стаканчик изготовлен на токарном станке, толщина его стенок 3 мм, боковая поверхность орнаментирована накаткой. Стаканчик имеет бронзовую орнаментированную откидную крышку диаметром 44 мм и толщиной 5 мм, размещенную на шарнирном устройстве, прикрепленном к крышке и стаканчику заклепками. На крышке, кроме шарнирного крепления, имеется скобовидная подвижная ручка, крепящаяся к двум припаянным к крышке стойкам, изготовленным на токарном станке. Кроме того, на крышке расположено замковое устройство,

также прикрепленное при помощи заклепки. Подвижная часть замкового устройства имеет отверстие, в которое при запираании входит штырь, расположенный на стаканчике. На крышке имеются чеканные клейма в виде Андреевского креста.

Внутри основного стаканчика (корпуса или футляра) располагается пять входящих друг в друга бронзовых стаканчиков меньших размеров, четыре из которых изготовлены на токарном станке.

Два больших по размеру стаканчика имеют орнаментацию боковой поверхности в виде врезанных поясков из двух параллельных линий. Остальные стаканчики гладкие. Стаканчик самого малого размера имеет следы грубой механической обработки внешней поверхности напильником. Внутренняя поверхность его свидетельствует о том, что заготовка для него была выполнена методом литья. Донца всех стаканчиков плоские. В центрах донцев имеются технологические углубления для зажима в патроне токарного станка. Самый маленький стаканчик таких углублений не имеет.

На донцах всех стаканчиков выбиты углубленные круглые метки, расположенные вдоль периметров группами по три углубления.

Стаканчик 1 (большой) имеет 8 групп по 3 углубления = 24 метки;
стаканчик 2 имеет 4 группы по 3 углубления = 12 меток;
стаканчик 3 имеет 2 группы по 3 углубления = 6 меток;
стаканчик 4 имеет 3 углубления = 3 метки;
стаканчик 5 имеет 2 углубления = 2 метки.

При помещении стаканчиков 1—5 друг в друга и установке их в корпус (футляр) во внутренней части стаканчика 5 остается свободное пространство с верхним диаметром 15 мм, нижним — 10 мм и высотой 3 мм. Без сомнения, ранее оно было занято так называемым «зернышком», в свое время утерянным.

Описанный предмет представляет собой «складной фунт» — разборную меру веса, употреблявшуюся в Западной Европе и России в конце XVII—начале XVIII в. для коммерческих, лабораторных и аптекарских взвешиваний. Близкие аналогии нашему складному фунту известны в собрании Всесоюзного научно-исследовательского института метрологии им. Д. И. Менделеева и в собрании ГИМ. Близкий по типу фунт 1789 г. опубликован ¹⁴

Метки на донцах стаканчиков складного фунта соответствуют их весам в долях фунта, при этом соблюдена кратность системы русского торгового фунта 1 фунт = 32 лотам = 96 золотникам. Каждая метка соответствует одному золотнику, а группа из трех меток соответствует одному лоту, равному трем золотникам. Таким образом, разновес (стаканчик) 1, имеющий 8 групп по три метки, соответствует 8 лотам = $\frac{1}{4}$ фунта; разновес 2—4 лотам = $\frac{1}{8}$ фунта; разновес 3—2 лотам = $\frac{1}{16}$ фунта; разновес 4—3 золотникам = $\frac{1}{32}$ фунта и разновес 5—2 золотникам = $\frac{1}{48}$ фунта. Отсутствующий в наборе разновес 6 («зернышко») должен был иметь

одну метку и соответствовать одному золотнику. В сумме разновесы составляют $\frac{1}{4} + \frac{1}{8} + \frac{1}{16} + \frac{1}{32} + \frac{1}{48} + \frac{1}{96} = \frac{1}{2}$ фунта. Корпус набора также соответствует $\frac{1}{2}$ фунта и вместе с разновесами составляет 1 фунт.

Стилистические особенности нашего экземпляра позволяют считать его предметом западноевропейского производства. По мнению магистра Арне Хэгстеда, фунт мог быть изготовлен в Нюрнберге не позднее 1718 г. Метрологически набор близок русскому торговому фунту, но точнее соответствует «фунту андреевских дукатов» (1 андреевский дукат = $\frac{1}{100}$ русского торгового фунта), на это также указывают клейма на крышке в виде Андреевских крестов.

Не менее уникальны найденные в том же жилище 3 штурманские инструменты — протрактор и измеритель. Протрактор — трехштанговый инструмент для нанесения на карту места корабля, определенного по пеленгам на три береговых ориентира. Наш экземпляр бронзовый, две штанги у него обломаны, на сохранившейся штанге имеется прорезь для иглы, закреплявшейся специальным шпением (рис. 6, 1). Измеритель — бронзовый двухштанговый циркуль с округлой шарнирной головкой (рис. 6, 2). В одной из штанг закреплена трехгранная железная игла. Измеритель лежал на обрезке шерстяной тесьмы, свернутом в виде чехла. Части еще одного измерителя из старых раскопок хранятся в Камчатском областном краеведческом музее.

К штурманским инструментам относится также найденный экспедицией 1944 г. свинцовый лот трапециевидной формы высотой около 190 мм, нижним основанием 50 мм и верхним — 25 мм, известный нам лишь по фотографии А. Я. Королева. В «Росписи» указаны два лота весом в 30 и 10 фунтов. Несложный расчет по фотографии показывает, что в 1944 г. был найден 10-фунтовый лот.

При разборке заполнения деревянного ящика в жилище 5 обнаружены два одинаковых круглых деревянных корпуса, выточенных из твердого дерева (бакаута) на токарном станке (рис. 6, 3). Один корпус сохранился фрагментарно, другой — хорошей сохранности. Он имеет сложный профиль наружной поверхности с декоративными канавками и внутреннюю полость, закрытую снаружи жестяной крышкой. На корпусе имеются выступающие наружу штифт и скобовидная петля. Внимательное изучение «Росписи» показывает, что это могут быть только корпуса двух «ординарных компасов». Футляру от какого-либо прибора, по-видимому, принадлежит и миниатюрный бронзовый крючок (рис. 6, 4).

В жилище 5 найдены также фрагменты небольшого тонкостенного стеклянного сосуда с высокой и очень узкой горловиной. Донце вогнутое. Стекло очень чистой воды, бесцветное. По всей вероятности, это половинка колбы песочных часов — «скля-

* Магистр Арне Хэгстед имел возможность осмотреть наш экземпляр во время работы Национальной выставки СССР, проходившей в октябре 1983 г. в Копенгагене. На выставке была развернута экспозиция, посвященная итогам археологических исследований Командорского лагеря.

нок». В «Росписи» указаны 12 различных склянок. Небольшие размеры нашего экземпляра говорят о том, что это скорее всего минутные или полуминутные склянки. Фрагменты аналогичной склянки встречены и в жилище 3.

К письменным и канцелярским принадлежностям относится фрагментированный бронзовый подвесной футляр для гусяного пера — «перница», найденный в жилище 3. Футляр имеет два фигурных ушка для подвешивания (рис. 6, 5). Еще одна перница с одним ушком из прежних раскопок хранится в Алеутском краеведческом музее. Б. А. Сушковым во время раскопок в жилище 1 была обнаружена бронзовая подвесная чернильница, украшенная орнаментом и эмалью. В настоящее время она находится в экспозиции Владивостокского военно-исторического музея.

Подвесные чернильницы и перницы — довольно частая находка в слоях XVI—XVIII вв. русских городов¹⁵. К письменным принадлежностям относятся также фрагменты грифельной («аспидной») доски из жилища 5 и небольшой грифельный стержень из жилища 4. К канцелярским принадлежностям относятся палочки красного сургуча, найденные в различных жилищах в количестве четырех экземпляров, не считая мелких обломков.

5. Посуда и тарные емкости. При раскопках найдены остатки медной, керамической, фарфоровой и стеклянной посуды.

Медная посуда представлена тазом с плоским дном из жилища 3 (рис. 7, 8) и тарелкой на кольцевом поддоне с воротничковым венчиком, обернутым вокруг железного круглого дрота из жилища 5 (рис. 7, 9), а также отдельными фрагментами. В жилище 4 найдено медное ушко от котла. Встречена также железная дужка от котла или ведра (рис. 7, 11) и два осколка чугунных котлов.

Керамическая посуда представлена фрагментированным обварным сероглиняным горшком с невысоким отогнутым венчиком из жилища 1 (рис. 7, 7), фрагментами небольшого поливного красноглиняного горшочка и двумя поливными кружками с красно-коричневой и зеленовато-желтой глазурью (рис. 7, 6). Такую же кружку нашла экспедиция 1944 г.

Очень немногочисленны фрагменты фарфоровой посуды с яркой полихромной надглазурной росписью. Посуда трех форм: пиалы, миниатюрные чашки и блюда на кольцевом поддоне. По-видимому, большая часть фарфоровой посуды — китайского производства. На донце одного из фрагментированных блюд из жилища 5 имеется клеймо в овальной рамке, состоящее из двух вертикальных строк иероглифов «ДА ЦИН ЮНЧЖЭН НЯНЬ ЧЖИ», что в переводе означает: «СДЕЛАНО В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ ЮН ЧЖЭН ВЕЛИКАЯ ЦИН». Годы ЮН ЧЖЭН соответствуют 1723—1735 гг. правления маньчжурского императора Шиц-

* Возможно, эти кружки прибалтийского производства. На эту мысль наводят находки очень похожих сосудов в Таллине в слоях средневековья и нового времени. См.: Ланге К., Тамм Я. О средневековых постройках на территории между Таллинским Вышгородом и Ратушной площадью // Изв. АН ЭССР. Сер. общ. науки. Вып. 32. 1983. Табл. XLVII. 5 с.

Таблица III

Химический состав стеклянных флаконов Командорского лагеря (в %)

№	1	2	3	4	5	6	7	8
Лаб. шифр	254-43	254-38	254-39	254-40	254-42	254-36	254-37	254-41
№ п. о.	Б-113-9	Б-3-XI	Б-3-XII	Б-102-4	Б-103-2	Б-3	Б-3-X	Б-102-5
Al ₂ O ₃	12,0	7,0	7,0	5,5	6,0	5,0	4,5	3,5
Na ₂ O	6,0	0,1	0,1	0,1	0,1	0,06	0,1	0,08
K ₂ O	5,0	4,0	4,0	4,0	3,2	3,0	4,1	3,3
CaO	24,0	27,0	16,0	23,0	25,0	23,0	25,0	22,0
MgO	6,3	4,0	7,0	4,0	6,5	4,8	3,2	4,5
Fe ₂ O ₃	0,9	0,9	1,1	0,85	1,3	1,0	0,8	0,8
TiO ₂	0,06	0,15	0,12	0,12	0,20	0,25	0,15	0,10
MnO	4,0	2,0	2,0	2,2	1,8	1,4	1,1	1,7
PbO	0,3	—	—	—	—	—	—	—
CuO	0,01	0,01	0,009	0,008	0,01	0,005	0,009	0,008
SnO ₂	0,004	0,003	0,003	0,003	0,003	0,003	0,003	0,003
Ag ₂ O ₃	0,006	—	—	—	—	—	—	—
BaO	1,1	0,80	0,80	0,55	0,80	0,50	0,55	0,35
Хим. тип стекла	Si, Al- -Na, K- -Ca (Mg)	Si, Al-K-Ca (Mg)				Si(Al)-K-Ca (Mg)		

зуна *. Китайская фарфоровая посуда этого типа в конце XVII—начале XVIII в. начала проникать в Россию через пограничную кяхтинскую торговлю. Находки очень близких нашим экземпляров известны из раскопок на Васильевском острове в Ленинграде, где они залежали в слое первой половины XVIII в.¹⁶ Участники экспедиции Беринга могли обзавестись этой дорогой и редкой по тем временам посудой на одном из сибирских торгов, в частности в Якутске, где они были по пути на Камчатку.

Очень многочисленны обломки стеклянных прямоугольных флаконов (штофов) с низким узким горлом и воронкообразным венчиком (табл. 4—1-5). Штофы двух типов — водочные, толсто-стенные, из полупрозрачного голубоватого стекла (единичные находки), и аптекарские (большинство фрагментов). Первый тип штофов — сравнительно частая находка в слоях русских городов XVIII—XIX вв. В 1944 г. в лагере было найдено два больших водочных штофа (ведерный и 1/4 ведра). Флаконы второго типа более миниатюрны и тонкостенны (толщина 3—5 мм), изготовлены из голубоватого, зеленоватого и желтого прозрачного стекла. Встречены целые экземпляры (рис. 7, 1, 2), в одном из них на дне сохранились остатки хвойного бальзама.

Результаты количественного спектрального анализа восьми фрагментов различных стеклянных флаконов этого типа, проведенного В. А. Галибиным, представлены в табл. III. По заключению Ю. Л. Шаповой (Прил. I), эти стекла имеют особый химически

* Чтение и перевод А. Л. Ивлиева.

устойчивый состав и ранее не были известны. По составу они ближе всего к позднесредневековым стеклам Северной Германии и Северной Франции.

Такие флаконы применялись, очевидно, исключительно для лабораторных и аптекарских нужд. Очень примечательно, что совершенно идентичные флаконы найдены в Ленинграде на месте бывшей поварни профессора Российской Академии наук Ж. Н. Делиля, лица, близкого к участникам Второй Камчатской экспедиции¹⁷. Подобные флаконы в бухте Командор известны и из предшествующих раскопок. В частности, очень интересен флакон почти кубической формы с очень широким воронкообразным венчиком вместимостью около 2 литров из раскопок 1944 г. Здесь же отметим находку в жилище 3 фрагментов очень тонкостенного флакона из бесцветного прозрачного стекла.

Из тарных емкостей отметим остатки деревянных бочек, найденные в различных жилищах и за их пределами (рис. 7, 12) и жестяную коробку (рис. 7, 10) в форме параллелепипеда размерами 183×150×110 мм с круглой горловиной диаметром 35 мм и высотой 13 мм, закрытой жестяной крышкой. Внутренняя поверхность коробки была оклеена плотной тканью частого переплетения. В коробке находились предметы из научной коллекции экспедиции Беринга, которые будут описаны ниже. Указанная коробка может быть «жестянкой» из-под конопляного масла, которые указаны в «Росписи».

6. Подарочный набор. Ряд предметов, собранных при раскопках жилищ и в их окрестностях, безусловно, относятся к «подарочному» набору экспедиции Беринга. В жилище 3 найдена бронзовая китайская трубка («ганза»), богато украшенная растительным орнаментом (рис. 6, 7). В «Росписи» трубки не указаны, но упоминания о них в «Регестре Верещагина»¹⁸ и воспоминаниях Стеллера и Вакселя¹⁹ однозначно указывают на принадлежность нашего экземпляра к подарочному набору. Трубка, согласно «Регестру Верещагина», имела деревянные чубук и мундштук. Похожие трубки известны в Кыштовском могильнике²⁰. Находка трубки в жилище указывает на то, что она применялась по прямому назначению, тем более что зимовщики имели, согласно «Росписи», достаточный запас табака. В том же жилище 3 найден фрагмент стеклянного зеркала с остатками амальгамы, возможно, также из подарочного набора (в «Росписи» показано восемь зеркал). Там же найдено четыре медных штампованных наперстка (в «Росписи» — 40 медных и железных наперстков), которые, по-видимому, были взяты из подарочных вещей и использовались зимовщиками при починке одежды и обуви (рис. 6, б). Наперстки этого типа — обычная находка в слоях XVIII в. памятников европейской части территории СССР (Подмосковье, Калининградская обл. — раскопки А. К. Станюковича; Эстония²¹) и Сибири²². Наперстки могут быть как русского, так и западноевропейского производства.

К подарочному набору может относиться часть найденных при

раскопках плотницких топоров (в «Росписи» 5 штук) и ножей (в «Росписи» 177 штук). Эти находки нами уже описаны.

Самой многочисленной категорией вещей из подарочного набора, отсутствующей в «Росписи», но хорошо известной по другим документам, являются стеклянные бусы («корольки») и бисер. Бусы подразделяются на две группы: граненые (асимметрично-бипирамидальные) и круглые. Граненые бусы — бесцветные, желтого, фиолетового и темно-красного цветов, диаметр их 10—12 мм, диаметр внутреннего канала 4 мм (рис. 6, 11, 12). Бусы изготовлены из прозрачного стекла способом навивки с последующим обжатием в щипцах. Аналогии этим бусам известны в Восточной Европе (слой с монетами XVIII в. Деснинского селища, раскопки А. К. Станюковича; казачий городок XVII—XVIII вв. в Ростовской области²³). Очень распространены эти бусы в синхронных памятниках стран Юго-Восточной Азии, куда они импортировались из Голландии. Производство этого типа бус налажено в Амстердаме уже в XVII в.²⁴

Круглые бусы представлены экземплярами из прозрачного зеленого, синего, желтого и сиреневого стекла. Диаметры этих бус 10—11 мм (рис. 6, 8). Есть круглые бусы и из заглушенного молочно-белого и голубого стекла диаметром 8,5 мм (рис. 6, 9, 10). Часть круглых бус, по-видимому, китайского производства²⁵

Очень многочисленны находки стеклянного зонного бисера, изготовленного из стекла тех же расцветок, что и бусы. Есть экземпляры и из черного стекла. Диаметр бисера 2—3 мм, изготовлен он нарезкой кружков от стеклянной трубочки (рис. 6, 13).

Круглые бусы и бисер Командорского лагеря имеют аналогии в Кыштовском могильнике²⁶

Большинство бус и бисера найдено на правом берегу р. Командор (свыше 500 экз.), в районе разгрузки выброшенного на берег пакетбота «Св. Пётр» (рис. 1), но встречены они также в жилищах и их окрестностях (16 экз. бус и 23 экз. бисера). Для чего эти бесполезные в быту предметы понадобились зимовщикам, сказать трудно. Не лишено правдоподобия предположение, что бусы и бисер могли выполнять роль фишек при игре в карты. О карточных играх в жилищах, как о сознательно разрешенном им нарушении артикула, подробно пишет Ваксель²⁷. Характерно, что наибольшее количество бус и бисера (17 экз.) найдено в жилище 5, которое по нашим предположениям, занимал именно Ваксель (см. главу V).

7 Личные вещи. В жилищах Командорского лагеря найден ряд предметов, безусловно являющихся личным имуществом зимовщиков. В жилище 1 найден кожаный кошелек с бронзовыми створками, прикрепленными к коже бронзовыми заклепками. В нижней части кошелька сохранился шов из бесцветных ниток (рис. 6, 15). В том же жилище найдена круглая оптическая линза диаметром 28 мм (рис. 6, 14). Ее края сформованы техникой отжимной ретуши. По мнению Ю. Л. Шаповой, это линза от очков западноевропейского производства XVII—XVIII вв.

В жилище 2 найден бронзовый перстень из прямоугольного дрота с косой насечкой на внешней поверхности (рис. 6, 16). Еще один перстень был найден при раскопках Ю. А. Мочанова и в настоящее время утерян. В жилище 5 обнаружены фрагменты костяной чашки курительной трубки «голландского» типа со следами нагара.

Очень интересна находка в жилище 4 четырехконечного крест-тельника из оловянисто-свинцового сплава размерами 38×23 мм (рис. 18). Крест имел ушко для привешивания, за которое он был пришит кожаным шнурком лицевой стороной внутрь к кусочку меха животного из отряда собачьих — остаткам какой-то верхней одежды или головного убора. Лопасты креста расширяются и имеют килевидное завершение. На лицевой стороне изображено распятие (крест четырехконечный с табличкой наверху, тело Христа поникшее) с «главой Адамовой» и стеной «града Иерусалима» у подножия. Слева и справа от распятия — поясные изображения предстоящих Богоматери и Иоанна Богослова, над распятием — Саваоф в облаках. На оборотной стороне креста в средокрестии изображение чаши, под ней — кричащий петух на колонне — евангельские символы; у колонны — лежащая лестница. Над чашей — изображение короны и плата. На правой лопасти изображен молоток и еще какой-то предмет, возможно, сосуд с уксусом — орудия страстей. На левой лопасти — подлетающий ангел со свитком в руках.

Стилистические особенности креста (Прил. 2) не позволяют однозначно отнести его к предметам русского или западноевропейского производства; не совсем ясно даже, православный он, католический или же протестантский. Похожие формы встречаются на памятниках второй половины XVII—начала XVIII в. европейской части территории СССР, преимущественно в южных районах²⁸

То, что крест-тельник был пришит к верхней меховой одежде или головному убору, совсем не характерно для русского населения, хотя такой обычай православной церковью, по-видимому, не запрещался²⁹. В нашем случае крест, пришитый распятием внутрь, явно играл роль скорее украшения, чем христианского символа. Весьма вероятно, что он мог принадлежать единственному входившему в состав экипажа «Св. Петра» камчадалу (коряку или чукче) Алексею Лазукову³⁰. Обычай украшать верхнюю одежду и головные уборы различными предметами, равно как и использование для нее собачьего и волчьего меха, у северных народов хорошо известны³¹.

8. **Научная коллекция экспедиции Беринга.** Ряд предметов, найденных на территории Командорского лагеря, можно отнести к научной коллекции экспедиции Беринга, собранной во время плавания на пакетботе «Св. Петр» и частично во время зимовки на острове. В силу каких-то обстоятельств эти предметы не были взяты с собой при отплытии с острова.

Как уже отмечалось, при разборке заполнения деревянного

ящика в жилище 5 была найдена жестяная емкость, по-видимому, «жестянка» из-под конопляного масла. В ней находились следующие предметы:

1) сrostки и щеточки кораллов белого цвета и небольшие раковины морских моллюсков;

2) белемнит — окаменевшая раковина головоногого моллюска из палеозойских или мезозойских отложений (ранний карбон-эоцен) (рис. 21, 1);

3) кусочек руды — галенита (свинцового блеска);

4) две палочки округлого сечения из плотной кости (рис. 21, 2, 3).

Одна палочка заострена, на заостренном конце имеется косой врез. Длина палочки 52 мм, диаметр до 5 мм. Вторая палочка имеет один закругленный торец, второй торец несет следы излома. Палочка слегка изогнута, ее длина 58 мм, диаметр 5 мм.

По заключению этнографа Р. Г. Ляпуновой, видевшей палочки вскоре после находки, они являются так называемыми «лабретками» — украшениями лица, характерными для алеутов и индейцев северо-западного побережья Америки — тлинкитов³². Первые сведения о таких украшениях были получены от Стеллера в описании алеутов Шумагинских островов³³. Весьма вероятно, что именно во время контактов экипажа «Св. Петра» с островитянами и были получены оказавшиеся в банке лабретки, равно как и кусочек «свинцового блеска», руды, которой, по словам Стеллера, алеуты раскрашивали лицо. Известно, что алеуты одаривали членов экипажа «Св. Петра» «своей косметикой»³⁴.

В том же жилище 5 найдены остатки лукошка из древесной коры. Известно, что похожее лукошко нашел в туземном жилище на острове Каяк и доставил на пакетбот Софрон Хитрово³⁵.

К предметам материальной культуры аборигенного населения региона относится каменная лампа-жирник, представляющая собой трапециевидное в плане и в сечении корытце размерами 98×66×48 мм, вырезанное острым инструментом из темно-серого сланца (рис. 19). Жирник покрыт слоем нагара, место размещения фитиля обожжено, растрескалось и выкрошилось. Жирники этого типа имели широкое распространение во всем берингоморском районе у чукчей, коряков, эскимосов и алеутов³⁶. Они появляются не ранее XII в. К сожалению, тип нашего жирника не позволяет достоверно считать его изделием жителей Алеутских островов или же Камчатки. В первом случае он может происходить с Шумагинских островов или о-ва Каяк и входить в состав научной коллекции экспедиции Беринга. Во втором случае он мог принадлежать кому-либо из экипажа «Св. Петра» из числа жителей Камчатки, скорее всего камчадалу Алексею Лазукову. В обоих случаях во время зимовки жирник скорее всего использовали по прямому назначению — для освещения и отопления жилища 4, в котором он был найден.

Непосредственно на о-ве Беринга обитателями жилища 4 были собраны 8 халцедоновых и яшмовых галек. Такие гальки во множе-

стве встречаются в бухте Буян, отстоящей от Командорского лагеря на 25 км к северо-западу³⁷

9. **Нумизматический материал.** На территории лагеря найдено 17 серебряных копеек Петра I чеканки до 1718 г. (рис. 8) и копейка Бориса Годунова. Очень примечательно, что при этом не встречено ни одной монеты новых типов и номиналов, введенных после денежной реформы Петра I 1698—1704 гг., в частности ни одной медной монеты. По-видимому, эта особенность нумизматического комплекса Командорского лагеря объясняется спецификой денежного обращения Восточной Сибири и Камчатки, где еще в конце XVIII в. ходила преимущественно серебряная монета, что зафиксировано письменными источниками. Из последних очень характерно указание Г. А. Сарычева, относящееся к началу 1790-х годов: «Медных денег на Камчатке совсем почти нет и до сего времени одни серебряные были в употреблении. »³⁸

Здесь же опишем и свинцовую товарную круглую пломбу диаметром 35 мм и толщиной 5 мм. На лицевой стороне пломбы пуансонами выбиты цифры 2 3 3, под ними еще одна цифра — 4. Начертания цифр западноевропейские. Обратная сторона гладкая. На лицевой стороне заметны также прочерченные острым орудием цифры 3 и 4 и, по-видимому, буквы Л и А.

10. **Прочие предметы.** Из предметов неопределенного назначения следует отметить фрагмент круглого деревянного стержня из жилища 3, заключенного в бронзовую цилиндрическую обоймицу диаметром 25 мм и высотой 37 мм. Один край обоймицы завальцован на торце, защищенный железной шайбой, второй край — зубчатый. Сквозь шайбу и стержень проходит четырехгранный гвоздь с квадратной шляпкой длиной не более 70 мм (рис. 6, 17). Похожая обоймица происходит из слоя XV—XVII вв. Риги³⁹ К предметам неизвестного назначения относятся также бронзовый четырехгранный стержень с плоским ушком на одном конце и лопаткой на другом (рис. 6, 18).

Очень многочисленны на территории Командорского лагеря различные бронзовые пластины и обкладки, некоторые — со следами припоя. Интересна одна овальная пластина с четырьмя отверстиями, обшитая сукном. Размеры пластины 58×48 мм. Найдены также фрагмент кольцеобразной окантовки какого-то

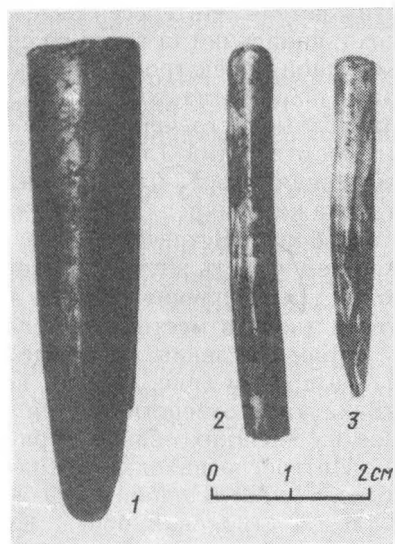

Рис. 21. Предметы из научной коллекции экспедиции Беринга:

1 — белемнит; 2, 3 — костяные лабретки

предмета с желобчатой внешней поверхностью, бронзовая пластинка с прикипевшей головкой винта, кусок древесины с бронзовой заклепкой.

В жилищах 2 и 5 встречены жестяные оковки и уголки от сундуков или ящиков. В жилище 5 найден согнутый из жести полый футляр (?) клиновидного сечения. В различных местах лагеря найдены стержни, пластины и выплески свинца, кусочки минеральной серы.

11. Детали конструкции и такелажа пакетбота «Св. Петр». Описание вещевого комплекса Командорского лагеря будет неполным без хотя бы краткой характеристики многочисленных деталей корпуса и такелажа пакетбота «Св. Петр», тем более что эти детали, будучи вторично использованы, входили в конструкцию жилищ и других построек лагеря. При описании этих предметов мы старались придерживаться общепринятой морской терминологии ⁴⁰

Наиболее массовой категорией находок в Командорском лагере являются железные корабельные гвозди. Все они кованые, квадратного или прямоугольного сечения, с такими же шляпками. Длина гвоздей колеблется от 50 до 250 мм (рис. 11, 4, 6—8). Некоторые гвозди загнуты под прямым углом и даже П-образно. Встречаются крюки (рис. 11, 16), нагели с зарубками «ершом» на остриях (рис. 11, 3, 6), штыри (рис. 11, 19) и массивные болты круглого сечения длиной до 450 мм (рис. 11, 1, 2). Встречены болты-обухи с железными подвижными кольцами-рымами, в которых закреплялись тросы такелажа (рис. 11, 21). На одном из рымов находится железный коуш (рис. 11, 9). Коуши — очень распространенная находка в жилищах. Они представляют собой железные кольца диаметром до 220 мм с желобками на внешней поверхности для петли троса (рис. 11, 11, 12). На некоторых коушах сохранились остатки этих петель. Интересен экземпляр коуша из жилища 1. На нем сохранилась петля троса со сплесь-узлом, при помощи которого коренной конец троса был сплетен с ходовым. На петле сохранилась оплетка из тонкой каболки и дополнительная обшивка из парусины. Встречены также железные кольца-раксы для окантовки отверстий (люверсов) в парусе (рис. 11, 10). Интересна железная кофель-планка (рис. 11, 20) с отверстиями. Эта деталь такелажа прикреплялась на палубе у мачт или у внутренней стороны борта. Встречены железные полуцилиндрические оковки ноков рей и часть железной оковки (бугеля) мачты с кольцом (обухом) для крепления такелажа (рис. 11, 18). Судя по кривизне бугеля, мачта в месте его крепления имела диаметр около 600 мм.

Многочисленны железные лючные шарнирные навесы (рис. 11, 17) и пробои (рис. 11, 15), встречены шкивы из твердого дерева (бакаута) с отверстиями для осей и желобками (кипами) для тросов на внешних обводах (рис. 11, 13).

Интересна находка в жилище 4 массивного бронзового крюка (рис. 11, 14). Подобные крюки применялись на флоте для вертикальной строповки бочек. Судя по материалу крюка — бронзе, не дающей искр при соударении с другими предметами, — он может

происходить из корабельной крыйт-камеры, где применялся для строповки бочек с порохом.

В ряде жилищ встречены прямоугольные слюдяные пластины с отверстиями по периметру от корабельных иллюминаторов и фонарей. Размеры пластин — около 150×170 мм. Сохранился один фрагмент иллюминатора из нескольких слоев слюды в железной окантовке, к которой слюда прикреплялась миниатюрными гвоздиками типа сапожных.

Следует упомянуть и находку в очагах двух фрагментов кирпичей из беложгущейся глины с прямоугольными рельефными клеймами в виде Андреевского флага. Такими кирпичами, по-видимому, пользовались для устройства судовых каминов. На наших экземплярах следов раствора нет. Очевидно, они происходят из корабельного запаса.

Большинство перечисленных деталей корпуса и такелажа пакетбота входили в конструкцию жилищ. В частности, коуши и раксы принадлежали парусам, формировавшим кровлю жилищ, и тросам, которыми кровля крепилась. Гвозди были забиты в доски и брусья корпуса корабля. Надо думать, что большинство этих брусьев попало в жилища лишь весной 1742 г., когда началась разборка пакетбота, хотя какая-то часть из корабельных запасов могла использоваться для устройства жилищ с самого начала зимовки.

12. Osteологический материал. В жилищах и их окрестностях встречено некоторое количество костей морских животных, из которых определены морской котик (*Callorhinus ursinus*), калан (*Ephedra lutris*), сивуч (*Eumetopias jubatus*), морская корова (*Hydrogamalis stelleri*) и китообразные *. Кости калана и котика встречены, в частности, в остатках деревянных бочек, в которых, очевидно, производилась засолка мяса. Некоторые кости китообразных и морской коровы имеют следы рубки топором. Встречены также фрагменты шкур котика и сивуча.

Перечень животных, определенных по остеологическому материалу из раскопок, в точности соответствует описаниям Стеллера и Вакселя, когда они говорят о пище, которой приходилось довольствоваться во время зимовки ⁴¹.

13. Предметы из древнего культурного слоя бухты Командор. В процессе раскопок жилищ 1—4 и в составе коллекции из раскопок 1944 г. на правом берегу р. Командор встречен ряд каменных и костяных орудий неолитического облика, отщепы и сколы. В жилищах эти предметы находились, как правило, во вторичном залегании.

Каменные орудия по функциональному назначению различны. Это: 1) боковой скребок с двумя рабочими лезвиями на пластинчатом отщепе из черного кремнистого сланца (рис. 22, 1, 2) боль-

* Определение произведено сотрудниками ТИНРО М. К. Маминовым, А. С. Перловым и А. А. Кузьминым и сотрудником Никольской биостанции ВНИРО В. А. Севостьяновым.

шой ретушированный скребок с тремя рабочими лезвиями (рис. 22, 2); 3) небольшой скобель по дереву на удлиненном отщепе кремнистого сланца (рис. 22, 3, 4) ретушированное сверло на удлиненном сколе (рис. 22, 4, 5) обломок лезвия шлифованного односторонне выпуклого теста из серого сланца (рис. 22, 5, 6) два концевых скребка с высокой ретушью из желтоватого кремнистого сланца (рис. 22, 6, 7) скобель по твердому материалу с тремя рабочими гранями из кремнистой породы (рис. 22, 8) топор из серого сланца прямоугольного сечения с обломанным лезвием, вторично использованный в качестве отбойника (рис. 22, 9) отщепы и сколы из желтоватого кремнистого сланца (рис. 22, 10—15) *

Из костяных орудий выразительны большой скребок подтреугольной формы с заостренным сильно сработанным лезвием (рис. 22, 16) и выпуклая пластинка с расширенными концами и суженным перехватом, возможно, накладка сложного лука (рис. 22, 17).

Вплоть до недавнего времени констатировалась необитаемость Командорских островов вплоть до русских путешествий XVIII в.⁴², однако сборы Е. П. Орловой в 1960-х годах дали небольшую серию каменных орудий как с о-ва Беринга, так и с о-ва Медный⁴³.

Каменные и костяные орудия Командорского лагеря, где они рассеяны на значительной площади, нельзя отнести к научной коллекции экспедиции Беринга. По всей вероятности, здесь мы имеем дело со стоянкой, оставленной носителями одной из неолитических культур севера Тихоокеанского бассейна. Аналогии командорским находкам мы находим в материалах Камчатки, Чукотки и в сборах Е. П. Орловой на о-ве Беринга⁴⁴.

Этот вывод подтверждается и некоторыми стратиграфическими особенностями примыкающей к жилищам территории. В частности, в окрестностях жилища 4 стратиграфическая траншея выявила расположенный сразу под дерном слой серого песка мощностью около 0,25 м с мелкими угольками, в котором находились крупные реберные кости морской коровы очень плохой сохранности. Этот слой не содержит обычных остатков экспедиции Беринга (окислов железа, гвоздей и т. п.). Кости морских животных, находимые вместе с вещами экспедиции Беринга, сохранились значительно лучше.

Тщательные наблюдения за стратиграфией жилищ позволили выявить остатки этого слоя и на плечиках жилищ 1—4, где они были погребены под выбросами из котлованов 1741 г. Есть основания полагать, что и сами жилища 1—4 были построены на месте уже имевшихся западин от древних землянок. В частности, остатки стенок первоначальных котлованов прослежены в жилищах 1, 3 и 4; в жилищах 1, 3 отмечена даже закопченность этих участков, отсутствующая на стенках 1741 г. При строительстве жилища 1 членами экипажа «Св. Петра» была оставлена возвышающаяся

* Трассологический анализ проведен Н. А. Кононенко.

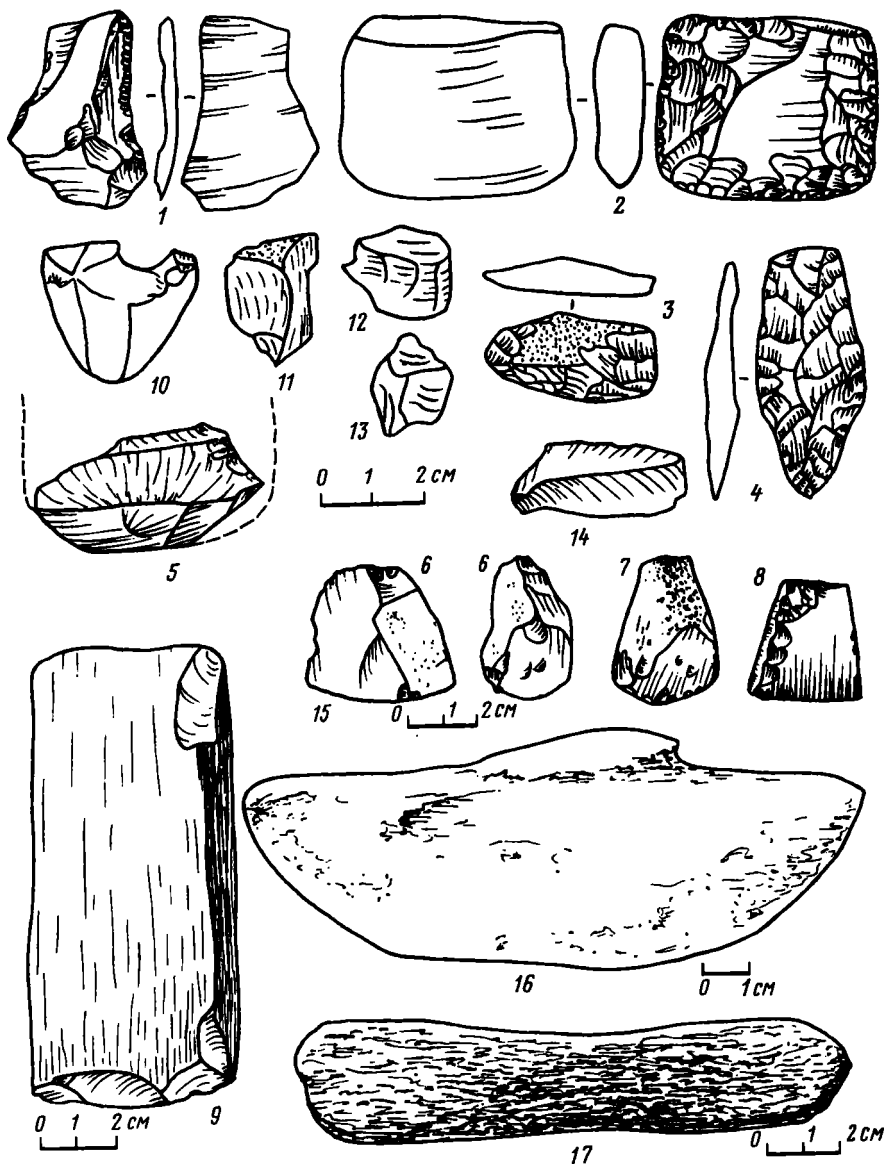

Рис. 22. Предметы из древнего культурного слоя бухты Командор.

над полом на 0,25 м лежанка, сложенная, как оказалось, из заполнения древнего котлована — серого песка с угольками.

По-видимому, именно западины от неолитических жилищ Ваксель называет «довольно глубокими ямами между песчаных холмов»⁴⁵, которые экипаж «Св. Петра» углубил, расширил и приспособил под «парусные палатки».

Резюмируя настоящую главу, остановимся на безусловном своеобразии вещевого комплекса Командорского лагеря, связанном в первую очередь с его специфичностью как памятника исторического мореплавания. В сопоставлении с документами Второй Камчатской экспедиции этот комплекс позволяет судить о великолепной и всесторонней технической оснащенности экспедиции Беринга, грандиозном государственном предприятии, использовавшем лучшие достижения русской и европейской культуры своего времени.

Несмотря на свою морскую специфику, вещевой комплекс лагеря содержит информацию и несколько иного свойства. Во-первых, это информация о материальной культуре России первой половины XVIII в. в целом, во-вторых, как уже отмечалось, вещевой комплекс лагеря наглядно иллюстрирует материальную культуру северо-восточной оконечности России, ее торговые европейские и азиатские связи, денежное обращение, ремесла и др.

Важен вещевой комплекс лагеря, имеющий жесткую верхнюю дату, и для датировки многих поздних археологических памятников Сибири и Дальнего Востока, изучению которых в настоящее время мешает неразработанность типологии и хронологии многочисленных предметов русского производства, находимых на этих памятниках. Возможно, что в перспективе некоторые из археологических памятников русского и коренного населения Восточной Сибири и Камчатки даже удастся связать с деятельностью Второй Камчатской экспедиции, с отрядами которой это население находилось в постоянном контакте.

Сопоставление археологически выявленных предметов материальной культуры экспедиции Беринга с соответствующими письменными источниками показывает, с одной стороны, хорошее соответствие, но, с другой стороны, лишний раз подтверждает неполноту последних в описании бытового и повседневного. С этой точки зрения археологический комплекс Командорского лагеря, включая весь вещевой материал, существенно дополняет наши знания об экспедиции и при должном рассмотрении позволяет сделать ряд важных дополнительных построений, которым посвящена следующая глава.

Принадлежность жилищ Командорского лагеря конкретным лицам

В двух предыдущих главах мы рассмотрели жилища Командорского лагеря с точки зрения их конструктивных особенностей и вещевых комплексов, которые они содержали. Рассмотрены и атрибутированы также основные категории вещей, происходящие из жилищ и их окрестностей, в том числе некоторые уникальные предметы, прямо или косвенно указывающие на профессию и социальный статус их владельца.

Представляется очень заманчивым сделать попытку использовать эти чисто археологические сведения, сопоставив их с лаконичными данными письменных источников, чтобы определить принадлежность каждого жилища реальным лицам из состава Командорского лагеря.

Эта задача может быть решена двояко. Первый путь лежит в области чисто вещеведческого анализа; здесь в первую очередь будут играть роль предметы, относящиеся к разряду уникальных. Но есть и второй путь: не затрагивая вопросов об уникальности тех или иных предметов, попытаться промоделировать расселение всего личного состава лагеря по жилищам, исходя как из их «жилой площади», так и из полного набора вещей из каждого жилища.

Прежде чем решить эту задачу для Командорского лагеря, приведем некоторые общие рассуждения, справедливые для групп синхронных жилищ на археологических памятниках «вообще», независимо от их временной и этнокультурной принадлежности.

При археологических раскопках поселений большими площадями нередко удается выявить группы жилых построек, близких по конструктивным особенностям. При анализе материала из таких построек, как правило, удается выяснить, что они возникли приблизительно одновременно и прекратили свое существование также одновременно в силу некой общей причины (пожар, военные действия, эпидемия, уход населения и др.). В этом случае вещевой материал, происходящий из жилищ одной группы, при должном рассмотрении может характеризовать не только материальную культуру, быт, занятия, профессиональную принадлежность и социальный статус их обитателей, но также и количество обитателей каждого отдельно взятого жилища и период его функционирования.

Характерные категории вещей для каждого конкретного типа археологических памятников различны. Как правило, это орудия и инструмент, предметы вооружения и воинского снаряжения, фраг-

менты посуды, предметы, предназначенные для торговли, монеты, предметы бытового назначения, личные вещи, украшения, детали одежды и т. п. Из рассмотрения следует исключать лишь те предметы, которые явно относятся к элементам конструкции жилищ, либо предметы, которые нельзя уверенно описать количественно (обрывки тканей, зерна злаков и др.).

На относительное число обитателей того или иного жилища A_i нам дает прямые указания его площадь S_i , где i — индекс жилища. Чем больше площадь, тем больше людей жилище могло вместить, т. е. $A_i = S_i/S$ (1), где S — санитарная норма для данного класса объектов.

С другой стороны, при прочих равных условиях (в том числе конструкции полов, способе уборки помещения, способе его оставления), чем больше людей живет в жилище, тем больше вещей будет в нем потеряно или оставлено. Также чем дольше эксплуатируется жилище каждым конкретным обитателем, тем больше (в среднем) предметов будет им в жилище утеряно. Исключением являются специальные складские помещения, мастерские и другие сооружения, посещаемые людьми лишь время от времени, которые в отдельных случаях могут быть ошибочно приняты за жилища.

Иными словами, для синхронных однотипных жилищ справедливо соотношение

$$I_i = A_i T_i = \mu \sum_{j=1}^N X_{ji}, \quad (2)$$

Здесь I_i — «индекс жизни» i -го жилища, T_i — период его функционирования, μ — коэффициент или функция «утраты вещей». $\sum_{j=1}^N X_{ji}$ — суммарное число находок N категорий вещей, где j — индекс категории.

Как правило, для рядовых жилищ величина μ всегда остается неизвестной, вследствие чего вместо выражения (1), определяющего «индекс жизни» жилища, на наш взгляд можно использовать эмпирическое соотношение*.

$$F(I_i) = \frac{1}{N} \frac{S_i}{S_{\text{ср}}} \sum_{j=1}^N \alpha_j \frac{X_{ji}}{X_{j\text{ср}}}, \quad (3)$$

где $S = \frac{1}{K} \sum_{i=1}^K S_i$ — средняя площадь жилища для группы из K жилищ; $X_{j\text{ср}} = \frac{1}{K} \sum_{i=1}^K X_{ji}$ — среднее число вещей j -й категории для

K жилищ; α_j — весовой коэффициент, характеризующий вклад j -й категории в формирование $F(I_i)$; $F(I_i)$ — эмпирически введенная функция «индекса жизни», пропорциональная I_i . В частности, в случае полностью нежилого помещения $A_i \rightarrow 0$ или

* Подробно об используемой методике см.: Станюкович А. К. К проблеме математической оценки материала из синхронных жилищ // Проблемы реконструкции в археологии. Новосибирск. 1985. С. 141—146.

Таблица IV

<i>i</i>	1	2	3	4	5	6	Σ	$S_{\text{ср.}} \text{ м}^2$
Si (м^2)	22,1	35,8	14,0	47,9	21,0	13,3	155,9	24,7
Ai 21.XI	8	13	5	18	8	5	57	—
Ai 09.I	7	11	4	15	6	4	47	—

Таблица V

№ жилища <i>i</i>	Оружие, ружей- ные кремин	Одежда, обувь, обмунди- рование	Быт, пред- меты, лич- ные вещи	Бусы и бисер	Фраг- менты флаконов	Кера- мика, фарфор	Орудия, инстру- мент	Монеты
1	4	4	2	0	2	7	0	2
2	3	8	2	3	4	6	2	3
3	7	26	5	0	2	0	4	10
4	1	7	2	1	3	0	3	0
5	18	11	7	17	59	14	3	2
6	4	3	2	0	0	0	0	0
$X_{j\text{ср}}$	6,17	9,83	3,33	3,50	11,67	4,5	2,0	2,83

$T_i \rightarrow 0$, в силу чего $I_i \rightarrow 0$. С другой стороны, такое жилище должно быть полностью или почти полностью (что-то могло быть потеряно при строительстве) лишено вещей, т. е. $\sum_{j=1}^N X_{ji}/X_{j\text{ср}} \rightarrow 0$, откуда $F(I_i) \rightarrow 0$.

По мере увеличения A_i или T_i увеличивается I_i и $F(I_i)$, так как при этом увеличивается значение $\sum_{j=1}^N X_{ji}/X_{j\text{ср}}$.

Для среднего в выборке жилища $F(I_i) = 1$.

Приведя эти общие рассуждения, вернемся к жилищам Командорского лагеря. Напомним некоторые важные для нас цифры и даты, подробно рассмотренные в главе I.

Из документов экспедиции Беринга следует, что строительство и заселение жилищ продолжалось с 7 по 22 ноября 1741 г., а к 22 ноября было закончено. Максимальное число обитателей жилищ на 21 ноября составляло 57 человек. В период с 21 ноября по 8 января 1742 г. в жилищах умерло 10 человек. После 8 января смертность прекратилась; оставшиеся в живых 47 членов экипажа, считая несовершеннолетнего Лоренца Вакселя, в мае 1742 г. переселились в «летние жилища» и в августе 1742 г. отплыли на Камчатку. «Зимние» жилища при этом, очевидно, продолжали использоваться.

Располагая этими данными и зная из раскопок площади жилищ в группе, можно рассчитать возможное количество обитателей каждого жилища по формуле (1), подставляя в нее среднее значение санитарной нормы, вычисленное по формуле $S = \sum_{i=1}^6 S_i/A_i$,

где A_i — общее количество обитателей жилищ в момент времени t .

В табл. IV приведены площади жилищ и вычисленные значения A_i (округлены до целых чисел) для двух моментов времени: 21 ноября 1741 г. и 9 января 1742 г., α_i во всех случаях полагалось равным единице, т. е. подразумевался равный вклад всех категорий вещей в $F(I_i)$.

Для перечисленных жилищ имеем следующее распределение находок (табл. V).

Т а б л и ц а VI

№ жилища i	S_i/S_{cp}	$\frac{1}{N} \sum_{j=1}^N X_{ji}/X_{jcp}$	$F(I_i)$	№ жилища i	S_i/S_{cp}	$\frac{1}{N} \sum_{j=1}^N X_{ji}/X_{jcp}$	$F(I_i)$
1	0,85	0,52	0,44	4	1,91	0,44	0,84
2	1,38	0,81	1,12	5	0,81	2,67	2,16
3	0,54	1,37	0,74	6	0,51	0,20	0,10

Подстановка данных из табл. V в формулу (3) дает нам следующие характеристики (табл. VI).

Таблица VI характеризует жилища 1—6 следующим образом.

Согласно параметру $F(I_i)$, три жилища (2—4) почти соответствуют средней норме ($F(I_i)$ близко к единице). Жилище 5 имеет очень высокое значение $F(I_i)$, равное 2,16. Это отклонение от нормы объясняется исключительно большим числом находок, в основном фрагментов стеклянных аптекарских флаконов. Два жилища (1 и 6) имеют малые значения параметра $F(I_i)$ — 0,44 и 0,1 соответственно, что указывает на малую интенсивность жизни в них, причем наименьшее значение из всех принимает мера интенсивности жизни для жилища 6 (0,1).

Заметим, что для этого жилища характерны минимальная площадь $S_6 = 13,3 \text{ м}^2$ ($S_6/S_{cp} = 0,51$) и минимальное число находок, причем в нем не найдены такие распространенные категории вещей, как бусы и бисер, осколки посуды, орудия и инструменты.

Проведенный анализ позволяет сделать следующий вывод: жилище 6 эксплуатировалось минимальным числом людей в течение минимального времени.

Стратиграфические особенности жилища 6 однозначно указывают на то, что заполнение его котлована песком началось сразу же после сооружения, причем осыпающийся грунт не удалялся. Очаг в центре жилища, сложенный из дерна и кирпича, через некоторое время был разобран.

И наконец, отметим топографическую обособленность жилища 6 — крайнего в группе. Оно отделено от соседнего жилища 5 высоким песчаным бугром (все прочие жилища, за исключением 4, примыкают друг к другу) и имеет изолированный вход западной ориентации, а не восточной, как все остальные.

Перечисленные характеристики жилища 6 позволяют обратиться к воспоминаниям Свена Вакселя:

«Капитана-командора Беринга мы перевезли на берег 9 ноября, и после высадки четыре человека перенесли его на носилках. . в небольшую, отдельно для него приготовленную землянку»¹

«Не могу не описать печального состояния, в котором находился капитан-командор Беринг ко времени своей кончины (8 декабря 1741 г. — *Авт.*), тело его было наполовину зарыто в землю уже в последние дни его жизни. Можно было бы, конечно, найти средства помочь ему в таком положении, но он сам не пожелал

Таблица VII

<i>i</i>	1	2	3	4	5	6	Σ
A ₁ 21.XI	8	14	5	19	8	3	57
A ₁ 09.I	8	12	5	16	7	0	47

этого и указывал, что те части тела, которые глубоко спрятаны в земле, сохраняются в тепле, а те, что остаются на поверхности, сильно мерзнут. Он лежал отдельно в небольшой яме-землянке, по стенкам которой все время понемногу осыпался песок и заполнил яму до половины. .»²

Налицо совпадение сделанных нами выводов, касающихся жилища 6, и описания землянки, в которой провел свои последние дни Витус Беринг. Так, мы с очень высокой степенью вероятности можем утверждать, что жилище 6 принадлежало именно капитану-командору Берингу, жившему в нем до 8 декабря 1741 г. После смерти Беринга жилище, очевидно, не эксплуатировалось.

Вещи, принадлежавшие Берингу, видимо, были изъяты из жилища и, согласно морским обычаям того времени, по возвращении на континент пущены в аукционную продажу. Известно, что после кончины Беринга такой аукцион состоялся³

Приписав жилище 6 Берингу с учетом того, что находился он там, конечно, не один, а с двумя слугами — Матвеем Кукушкиным и Яганом Малцаном (см. «Реэстр багажу и правианта» в главе I), мы должны заново произвести расчет количества обитателей каждого из жилищ. При этом мы полагаем, что после смерти Беринга слуги покинули жилище 6 и переселились в другие. Новый расчет приведен в табл. VII.

Эти данные являются исходными для второго этапа нашего исследования. На этом этапе мы привлечем как письменные источники, так и находки в жилищах, относящиеся к разряду уникальных. Напомним, что, по свидетельству Стеллера⁴, лагерь состоял из пяти жилищ, не считая жилища капитана-командора. Нами также раскопано пять жилищ, не считая жилища 6. По сведениям А. Соколова⁵, эти пять жилищ были заселены следующим образом: «Иностранцы оборудовали свою отдельную колонию, поместясь в одной яме: Штеллер, Плениснер, Россилиус, подлекарь Бетке (Бедье) и солдат Занд. Другую яму занимал Ваксель. Отдельные были еще у боцманов Иванова и Алексеева. Все другие помещались в одной общей».

Отнесемся к этому свидетельству несколько критически: ни Ваксель, ни Иванов, ни Алексеев не имели отдельных землянок⁶. По-видимому, Соколов подразумевает здесь «старост» своеобразных «артелей», на которые был разбит личный состав лагеря для удобства добычи дров и пропитания, причем «артели» были организованы по принципу: «Все, кто жил вместе в одной землянке, питались также сообща и старались, чтобы одна компания не обижала другую»⁷.

Рассмотрим теперь каждое из оставшихся пяти жилищ.

Жилище 5. Характерные находки: детали обмундирования и снаряжения офицерского и рядового состава, оружие, инструмент, в том числе плотницкие топоры, обломки костяной «голландской» трубки, фрагменты фарфоровой посуды, ящик с футлярами компасов, «коллекция», палочка сургуча, обломки грифельной доски и др. Весь комплекс находок говорит о том, что в жилище находились как офицеры, так и рядовые матросы и солдаты из состава экипажа «Св. Петра». Как уже отмечалось, очень высокое значение $F(I_i) = 2,16$ вызвано здесь очень большим числом находок, в особенности обломков стеклянных аптекарских флаконов, что сразу ставит это жилище в особое положение жилища-лазарета. Известно, что 21 ноября 1741 г. Свен Ваксель был перенесен в жилище, «где находились остальные больные»⁸. Из «Журнала»⁹ воспоминаний Вакселя¹⁰ и Стеллера¹¹ следует, что в одном жилище с Вакселем помещались также: его сын Лоренц Ваксель, Софрон Хитрово, прапорщик Иван Лагунов (ум. 8 ноября 1741 г.), вероятно, слуга Лагунова Семен Артемьев (ум. 22 ноября 1741 г.), «два матроса», т. е. как минимум семь человек.

Находка в жилище застежки от лядунки или гранатной сумки с «гренадой об одном огне» позволяет думать, что здесь находился также единственный оставшийся в живых к моменту высадки на остров гренадер Иван Третьяков (ум. 17 декабря 1741 г.). Возможно, в жилище находились еще несколько человек, но приведенный список в принципе соответствует рассчитанному количеству людей (табл. IV).

С принадлежностью жилища № 5 «артели» Вакселя согласуются и его конструктивные особенности, а именно, характерный угол наклона крыши, равный приблизительно 30° (см. главу III). Кровля жилища Вакселя, как известно, составляла с горизонталью угол примерно 33° ¹².

В ряде предыдущих публикаций¹³ мы были склонны считать владельцем «коллекции» Георга Стеллера. Внимательное изучение источников позволило сделать вывод, что, кроме коллекции Стеллера, была еще «корабельная» коллекция (см. главу I), находившаяся в ведении сначала Беринга, а после его смерти, очевидно, Вакселя как старшего по званию. К этой коллекции, возможно, относятся найденные у входа в жилище остатки лукошка из древесной коры. Известно, что лукошко из коры было найдено Софроном Хитрово на о-ве Кадьяк¹⁴. Характерно, что «коллекция»

находилась рядом с ящиком с таким сугубо корабельным имуществом, как компасы.

Итак, мы полагаем, что жилище 5 было занято «артелью» Свена Вакселя; в первое время оно выполняло роль жилища-лазарета. Минимальное число проживавших в нем, по письменным источникам, составляло восемь человек. Заметим, что расчетное значение A_5 на 21.XI.1741 г. также составляет восемь человек.

Жилище 4. Наибольшее по площади в группе и расположено в стороне от основного лагеря, на краю третьей надпойменной террасы р. Командор, на высоте около 6 м от уреза воды. Этот факт сразу исключает принадлежность жилища «иностранной колонии Стеллера», поскольку оно никак не могло быть затоплено во время паводка в мае 1742 г.¹⁵ Оставшиеся «претенденты» на жилище — артели Иванова, Алексеева или «все остальные». Характерные находки в жилище — судовой инструмент, топор «сибирского» облика, бронзовая фитильница, гладкие пуговицы от мундиров рядового состава, медный крест-тельник, нашитый на меховую одежду. Судя по всему, жилище было занято именно рядовым составом. Удаленность жилища от других позволяет предположить, что оно принадлежало артели «всех остальных», возглавляемой разжалованным из лейтенантов в матросы Д. Л. Овцыным, который находился в постоянной оппозиции ко всему офицерскому составу экипажа «Св. Петра», за исключением Беринга¹⁶ По-видимому, именно эту артель Ваксель называет «группой недобольных», тактично не упоминая имени ее предводителя¹⁷

Один предмет — сланцевая лампа-жирник (если только он не относится к научной коллекции экспедиции) может указывать на проживание в жилище 4 коряка или чукчи Алексея Лазукова, переводчика экспедиции¹⁸ Как уже отмечалось, лампы этого типа широко бытовали у коренного населения Камчатки вплоть до нового времени. Скорее всего на проживание в жилище камчатских служилых указывают «сибирский» топор и крест-тельник, нашитый на верхнюю меховую одежду. В числе зимовщиков, кроме того же Алексея Лазукова, были «камчатских острогов служилые» Иван Партнягин, Прокофий Чекалов, Фома Лепехин и казачий сын Пётр Верхатуров и два сибирских плотника — Сава Стародубцов и Артемей (или Еремей) Тонких¹⁹ Логично предположить, что сибирские и камчатские служилые могли проживать вместе и составлять одну артель, возглавляемую Д. Л. Овцыным, находившимся в очень сложных отношениях с «кают-компанией» «Св. Петра» и, возможно, с рядовым флотским составом, в число которого он попал после разжалования. Фома Лепехин, как мы увидим дальше, проживал в другом жилище вместе со Стеллером.

Сведений о количестве проживавших в жилище 4 письменные источники не дают. Расчетное значение A_4 на 21.XI.1741 г. составляет 19 человек.

Жилище 3. Характерные находки: набор штурманских инструментов, письменные принадлежности, складной фунт западноевропейского производства, палочки сургуча, гарда от офицерской

сабли, стеклянные аптекарские сосуды, бронзовая подковка от каблука, офицерские пуговицы. Все эти находки указывают на проживание в жилище штурманов и офицеров экипажа «Св. Петра». Ваксель и Хитрово, как показано ранее, проживали в жилище 5. Скорее всего, жилище 3 было занято артелью боцманмата (младшего офицера) Алексея Иванова. Штурманский инструмент мог принадлежать штурману Андрису Эйзельбергу, умершему 22 ноября 1741 г., или же подштурману Харламу Юшину; возможно, что оба они проживали вместе. Трудно сказать, кому из офицеров мог принадлежать складной фунт, не показанный в «Росписи». Во всяком случае, предметы такого рода у экипажа были: известно, что перед отплытием с острова на гукере производилось взвешивание собственного багажа зимовщиков, что было поручено гардемарину Ивану Синдту²⁰

Наличие кузнечной площадки рядом с жилищем может указывать на проживание здесь и рядового состава, в частности кузнеца Дмитрия Кульсина (Клюсина). Расчетное значение A_3 на 21.XI.1741 г. составляет 5 человек.

Жилище 2. Второе по площади в группе после жилища 4. Характерные находки: судовой инструмент, ружейные кремни, обломки кухонных глиняных горшков и поливной керамической кружки, свинцовые пули, гладкие пуговицы от мундиров рядового состава, фрагмент ткани с остатками позументного шитья. Последняя находка указывает как будто на офицера или младшего офицера, прочие вещи — на рядовой состав экипажа. Учитывая ранее сделанные предположения, припишем это жилище артели под предводительством квартирмейстера Луки Алексеева. Количество проживавших в жилище неизвестно. Расчетное значение A_2 на 21.XI.1741 г. составляет 14 человек.

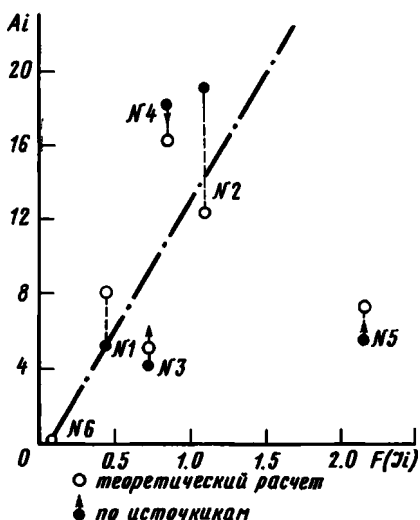
Жилище 1. Характерные находки: оптическая линза от очков западноевропейского производства, кошелек с бронзовыми створками, бронзовая пряжка, гладкие пуговицы от мундиров, ружейные кремни, стеклянные аптекарские флаконы и очень большое количество фрагментов китайской фарфоровой посуды.

По-видимому, именно в этом жилище Б. А. Сушковым была найдена бронзовая чернильница. Эти предметы указывают как на рядовой состав, так и на лиц более высокого ранга. С учетом предыдущих допущений мы можем приписать это жилище лишь так называемой «иностранной колонии» Стеллера. Напомним, что, по данным А. Соколова²¹ и Стеллера²², вместе со Стеллером проживал камчатский служилый Фома Лепехин, капрал Охот-

Т а б л и ц а VIII

	1 Стеллер	2 Алексеев	3 Иванов	4 Овцын	5 Ваксель	6 Беринг	Σ
Аи 21.XI	5	макс. 18	мин. 5	макс. 18	мин. 8	3	57
Аи 09.I	5	макс. 19	мин. 4	макс. 18	мин. 5	0	47

Рис. 23. Корреляция параметров $F(I_i)$ и A_i для жилищ Командорского лагеря.

ского порта Фридрих Плениснер, подконстапель (младший артиллерийский офицер) Борис (Берент) Россилиус²³, подлекарь Матис Бедке (Бедье) и некий «солдат Занд»²⁴. Сам Стеллер говорит, что в жилище жило всего пять человек, т. е. для солдата Занда, которого нет в списках экипажа пакетбота, не остается места. Возможно, что А. Соколов подразумевает солдата Федора Ланда²⁵, в других источниках именуемого Федором Пановым²⁶. Федор Ланд-Панов умер от цинги 2 января

1742 г. Стеллер ничего не говорит о чьей-либо смерти в жилище. По-видимому, это какая-то ошибка А. Соколова.

Расчетное значение A_i на 21.XI.1741 г составляет 8 человек, т. е. больше, чем дают письменные источники.

С учетом сделанных на основании письменных источников и археологических материалов допущений о расселении зимовщиков в жилищах можем составить табл. VIII:

Сопоставление ее с теоретически рассчитанной табл. VII показывает их хорошее соответствие.

Теперь мы можем проверить исходную гипотезу о пропорциональности величин A_i и $F(I_i)$ как для теоретически рассчитанных параметров (табл. IV), так и для данных письменных источников на 9 января 1742 г.

Корреляционный график на рис. 23 показывает, что принятая гипотеза качественно верна, но имеют место флуктуации пара-

Таблица IX

№ жилища (i)	1	2	3	4	5	6	Σ
Г. Стеллер Ф. Лепехин Ф. Пленис- нер Б. Россил- иус М. Бетке	Л. Алек- сеев	А. Иванов А. Эйзель- берг Х. Юшин И. Синдт Д. Кульсин	Д. Овцын А. Лазуков И. Парт- нягин П. Чекалов П. Верха- туров С. Старо- дубцев А. Тонких	С. Ваксель Л. Ваксель С. Хитрово И. Лагунов С. Артемьев И. Третья- ков «два мат- росса»	В. Берниг Я. Малцан М. Кукуш- кин	28	

метра $F(I_i)$, связанные скорее всего как с неполнотой сбора материала вследствие предшествующих самостоятельных раскопок, так и со спецификой отдельных жилищ. Последнее хорошо видно на примере жилища 5, для которого, как уже отмечалось, высокое значение $F(I_i) = 2,16$ реализуется исключительно за счет очень большого количества стеклянных аптекарских флаконов, что ставит жилище в особое положение лазарета.

Несмотря на отмеченные флуктуации, параметр $F(I_i)$ качественно верно характеризует интенсивность жизни в жилищах Командорского лагеря.

Итоговые результаты наших расчетов сведены в табл. IX, из которой видно, что из 57 человек, высадившихся на остров, удалось найти прямые и косвенные данные о расселении в жилищах 28 человек, т. е. почти половины экипажа «Св. Петра». При этом, конечно, надо учитывать определенную условность принятого метода и проистекающие из этой условности возможные ошибки.

Поиск и обнаружение пушек «Св. Петра»

Поиск оставленных в 1742 г. в бухте Командор пушек являлся одной из важнейших задач экспедиции 1981 г.

Напомним, что, согласно «Росписи», в бухте было оставлено 14 чугунных пушек, из них 9 трехфунтовых и 5 двухфунтовых. В 1758 г. купцу И. Бечевину (см. главу II) было предписано эвакуировать оставленные на о-ве Беринга пушки, но запланированная экспедиция не состоялась. Был ли Бечевин на Командорских островах во время следующего плавания 1760 г., неизвестно. Во всяком случае, в 1935 г. Г. З. Санько обнаружила на лайде бухты Командор не 14, а 13 пушек, сложенных в штабель.

На протяжении первой половины XVIII—начала XX в. наличие пушек в бухте не отмечается ни в одном из описаний. Первые сведения о них относятся к промежутку между 1911 и 1923 гг., когда местные жители будто бы видели пушки после сильных зимних штормов. Достоверные сведения о «появлении» пушек относятся к периоду 1935—1946 гг. (1935 г., Г. З. Санько; 1938 г., Е. А. Долматовский; 1940 г., Н. И. Моргалев, осуществивший эвакуацию одной двухфунтовой пушки; 1941 г., В. Н. Захарчук и др.; 1946 г., эвакуация двух пушек) * После 1946 г. пушки на поверхности лайды не показываются ни разу и не поддаются многочисленным попыткам их обнаружить. Причина этому может быть только одна — увеличение мощности береговых отложений в месте залегания пушек.

Для рассмотрения динамики береговых процессов в бухте Командор привлечем ряд геоморфологических данных.

Геоморфологические данные об участке поиска

Лайда (песчано-галечный пляж) бухты Командор имеет в период максимальных приливов ширину около 20 м, во время максимальных отливов осушается до ширины около 50—60 м. Лайда представляет собой современную морскую аккумулятивно-абразионную террасу. Участок лайды, примыкающий в северо-западной части бухты к клифу голоценовой террасы, сохранившейся на правом берегу р. Командор между поймой реки и морским берегом,

* Из этой закономерности выпадает лишь экспедиция 1944 г., не нашедшая пушек, но как будто слышавшая сигнал от них в наушниках миноискателя. Добраться до пушек не позволил песок-пловун. (Воспоминания А. Я. Королева).

сложен отсортированной галькой и представляет собой формирующийся аккумулятивный береговой вал. Рельеф голоценовой террасы, лежащей выше, осложнен характерными для побережья острова древними песчаными береговыми валами¹, иногда называемыми в литературе о бухте Командор не совсем точно «дюнами»². В настоящее время поверхность террасы возвышается над морем в среднем на 2,5—3 м. Геологический возраст террасы оценивается специалистами в 2—2,5 тыс. лет³. Терраса и валы имеют растительный покров, развевания почти не наблюдается. Клиф голоценовой террасы в южной, срединной части бухты, где отсутствует современный береговой вал, а лайда имеет меньшую ширину и более крутой уклон к морю, испытывает волновое воздействие и постепенно отступает, а голоценовая терраса разрушается. Здесь отмечены выбросы плавникового леса на ее поверхность на расстояние до 6—8 м от клифа и следы новейшей волновой или эоловой сортировки поверхностных отложений (под дерном преобладает дресва размером 1—5 мм). Процесс размыва голоценовой террасы на этом участке хорошо иллюстрирует панорама бухты Командор, сделанная в 1970 г. В. Гипленрейтером.

Пониженная часть лайды (осушка) сложена хорошо отсортированным песком с примесью ракуши; отдельные участки поверхности покрыты мелкой галькой и дресвой. Конфигурация этих участков постоянно меняется.

Наблюдения над составом материала берегового вала (здесь на глубине около 1 м от поверхности встречены предметы современного происхождения — плавник, поплавки от сетей и т. п.) и осушки, где на глубине около 1,5 м также встречены предметы XX в. (см. ниже), показывают, что в настоящее время в бухте Командор происходит интенсивная аккумуляция береговых отложений преимущественно за счет материала размываемой голоценовой террасы, а также частично за счет поступления аллювия р. Командор.

На динамику береговых процессов в бухте Командор в течение последних столетий оказывали влияние три основных фактора:

1. Отмеченное на протяжении позднего голоцена и современной эпохи постепенное поднятие Командорских островов со средней скоростью 2,3—2,4 мм/год⁴

2. Эвстатическое повышение уровня мирового океана, оцениваемое для данного региона в период 1900—1975 гг. величиной 0,9 мм/год⁵

3. Вертикальные движения земной коры в районе бухты Командор в связи с локальными тектоническими процессами.

Первые два фактора частично нейтрализуют друг друга и не могут играть сколько-нибудь заметной роли за период 1742—1981 гг. и тем более 1946—1981 гг. Главнейшую роль здесь играет третий фактор: современные вертикальные движения земной коры. Забегая вперед, скажем, что в 1981 г. искомые пушки были обнаружены под толщей современных тонкозернистых песчаных наносов мощностью около 3 м и на такой же глубине от среднего уровня моря. Пушки лежали на дневной поверхности лайды 1740-х годов,

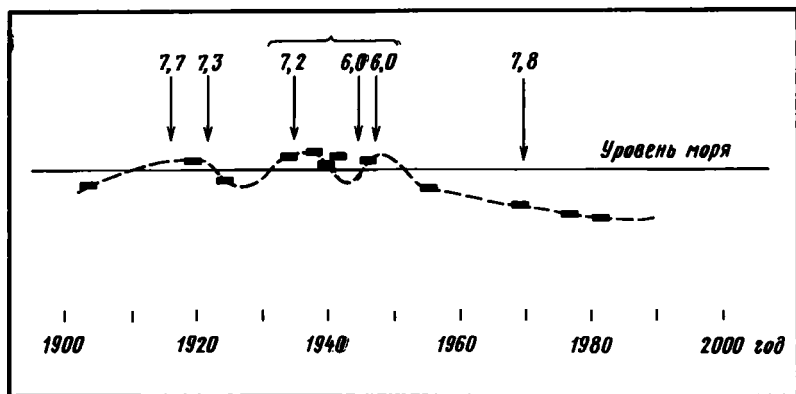

Рис. 24. Кривая вероятного изменения высоты земной поверхности в бухте Командор в XX веке (по А. А. Никонову с уточнениями авторов). Стрелками показаны моменты сильных землетрясений. Фигурной скобкой обведены землетрясения с малыми эпицентрными расстояниями. Вертикальный масштаб условный.

сложенной галькой, дрсевой и крупнозернистым песком другой окраски. Сейчас во время максимальных приливов уровень воды здесь составляет около 1 м. Все это может означать лишь одно: с 1946 по 1981 г. в бухте Командор наблюдается опускание суши со средней скоростью, по грубой оценке, около 90 мм/год, сопровождающееся интенсивной аккумуляцией береговых отложений. Приблизительно ту же величину дает нам уменьшение высоты клифа голоценовой террасы. Сейчас средняя высота ее над уровнем моря составляет 2,5—3 м. Фотографии бухты, сделанные в период 1935—1944 гг., позволяют оценить высоту террасы на тех же участках в 5—6 м.

После публикаций в периодической печати некоторых материалов о нашей экспедиции 1981 г. появилась небольшая заметка геолога А. А. Никонова⁶, в которой он объясняет «появления» и «исчезновения» пушек на поверхности лайдыв именно современными местными тектоническими знакопеременными движениями в связи с землетрясениями. Эта идея получила дальнейшее развитие в книге А. А. Никонова⁷ и представляется очень убедительной. И в той и в другой работах А. А. Никонов связывает период 1930—1940-х годов, когда пушки почти постоянно находились близ поверхности, с активизацией сейсмических процессов в районе Командорских островов. Именно в эти годы наблюдались три землетрясения у о-ва Беринга: 1936 г. (магнитуда 7,2; эпицентральное расстояние 80 км); 1946 г. (магнитуда 6; расстояние 20 км); 1948 г. (магнитуда 6; расстояние 10 км). На основе наших данных А. А. Никоновым предложена кривая вероятного изменения высоты земной поверхности в бухте Командор в течение XX в., наглядно иллюстрирующая происходящие знакопеременные колебания суши. Эта кривая с нашими уточнениями приведена на рис. 24.

Надо думать, что зимовщики, оставившие штабель пушек на лайде бухты Командор, использовали для этого ее наиболее возвышенную часть, возможно, примыкавшую к клифу того времени, чтобы хоть как-то уберечь казенное имущество от воздействия прибоя. То, что пушки не были эвакуированы с острова еще в XVIII в., заставляет думать, что совсем вскоре после 1742 г. в бухте также началось опускание берега, сопровождавшееся аккумуляцией береговых отложений.

Таким образом, в бухте Командор наблюдаются современные тектонические движения берега⁸. На период поднятий приходились, очевидно, 1740-е годы *, конец 1910-х—начало 1920-х годов (в это время также наблюдались два сильных землетрясения: 1917 г. с магнитудой 8,1 и 1923 г. с магнитудой 7,7, но со значительно большими эпицентрными расстояниями — около 100—200 км⁹), а также 1930-е—1940-е годы. С 1946 г. наблюдается опускание, в связи с чем пушки к 1981 г. оказались под мощной толщей аккумулятивных отложений. Как следствие опускания берега происходит отступление клифа голоценовой террасы на правом берегу р. Командор. Вычисленная средняя скорость опускания — порядка 90 мм/год — очень велика. Последнее заставляет обратить особое внимание на необходимость скорейшего исследования той части голоценовой террасы правого берега р. Командор, на котором располагаются объекты Командорского лагеря, уже частично попавшие в зону волнового воздействия (россыпь бус и бисера и пр.). Пушки и, возможно, сохранившиеся в толще лайды остатки пакетбота также будут погружаться глубже и глубже вплоть до начала нового поднятия берега.

Геофизический поиск пушек

Как следует из главы II, к 1981 г. в бухте Командор осталось 10 двух- и трехфунтовых чугунных пушек с пакетбота «Св. Петр» общим весом свыше трех тонн (см. «Роспись»). Материал пушек и их весьма большая масса обусловили единственно эффективный в данных условиях метод поиска: магниторазведку. Применялся серийный квантовый магнитометр М-33 в диапазоне чувствительности прибора 1 нТ при сети съемки 1×1 м. Высота чувствительного элемента прибора над поверхностью грунта составляла $0,5 \pm \pm 0,05$ м. Для сокращения объема работ по прибытии в бухту Командор была сделана попытка уточнить местонахождение пушек с использованием имеющихся фотографий 1935 и 1941 гг. Сопоставление фотографий с видимыми на местности ориентирами позволило сделать вывод о том, что предположение К. Сеславинского и О. Шмидта о залегании пушек в районе устья р. Командор¹⁰ следует исключить из рассмотрения. Наиболее вероятным местом их залегания представлялась срединная часть бухты (рис. 1). Изу-

* В период опускания берега во второй половине XVIII—XIX вв. мог образоваться 70-сантиметровый слой «речных напосов» над палубным настилом неизвестного судна, найденным в 1973 г.

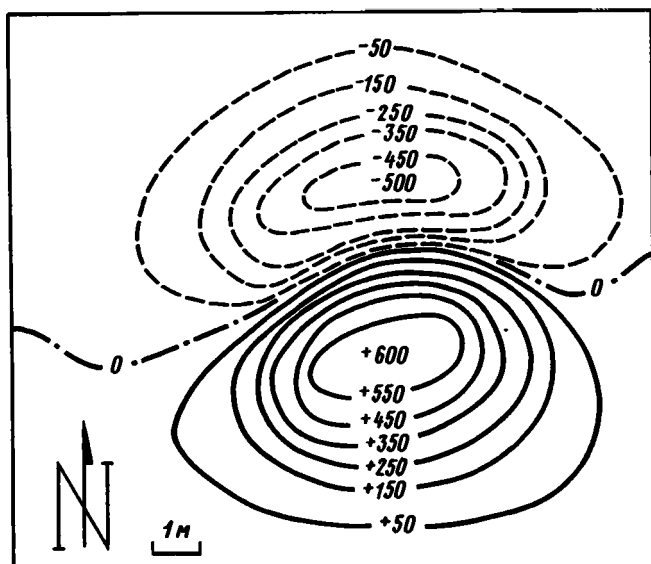

Рис. 25. Аномалия ΔT (нТ) над штабелем пушек.

чение других снимков — общих видов бухты в 1930-е годы — дало возможность определить, что современное устье р. Командор находится примерно в 80 м к северо-западу от устья, существовавшего в те годы. Это позволило несколько сузить район поиска. Тем не менее, для обнаружения пушек необходимо было исследовать участок длиной около 250 м и шириной не менее 40—50 м.

Был изучен современный береговой вал и осушка на общей площади 9650 м², не считая повторных и контрольных съемок одних и тех же участков. Съемочные планшеты имели, как правило, размер 20×20 м и были ориентированы, за рядом исключений, по сторонам света. Разбивка участков производилась при помощи теодолита и мерных шнуров.

Для увязки магнитного поля на отдельных планшетах и учета долгопериодических вариаций геомагнитного поля в процессе съемок осуществлялись периодические заходы на нуль-пункт. Результаты измерений считывались с ленты самописца прибора и представлялись в виде карт приращений модуля вектора геомагнитной индукции ΔT .

На всей площади изученного участка выявлены чередующиеся зоны повышенных и пониженных значений ΔT с амплитудами, не превышающими ± 500 нТ от среднего. Эти зоны вытянуты вдоль уреза воды и связаны с неоднородностями строения современной абразионной террасы. Зоны пониженного значения ΔT отмечают массивы галечника и развиты в основном в пределах берегового вала. Зоны высоких значений ΔT связаны с линзами песка, содер-

жащими высокий процент магнетитовой фракции. Наблюдаются они также на контактах песка и галечника.

Три интенсивных дипольных аномалии связаны с залегающими в толще береговых отложений железными предметами:

Аномалия 1 с амплитудой $+1600$ нТ и линейными размерами по изолинии $0,5\Delta T_{\max}$ около 1 м. Интерпретационная модель: шар, намагниченный по современному полю и залегающий на глубине не выше 1,5 м. Проверка аномалии показала, что она связана с находившимся на глубине около 1,2 м стальным ограждением руля современного моторного судна.

Аномалия 2 с амплитудой $+1900$ нТ и линейными размерами $2 \times 1,5$ м. Намагниченность — под углом 45° к магнитному меридиану, т. е., по-видимому, по простирацию объекта. Интерпретационная модель: горизонтальный диполь на глубине около 1,5 м. При проверке выяснилось, что здесь на этой глубине залегала железная кровать, происходящая, очевидно, из расположенного неподалеку барака, существовавшего в 1960-х годах.

Аномалия 3 имела амплитуду $+600$ нТ и линейные размеры 4×5 м. Намагниченность — по современному полю (рис. 25). Интерпретационная модель: линия горизонтальных диполей с размерами порядка $2 \times 2,5$ м, залегающая на глубине около 2,5—3 м. Эта аномалия и оказалась связанной с искомым штабелем пушек.

Подъем пушек

Как показал опыт проверки аномалий 1 и 2 вручную, особенности грунта на участке работ не позволяют углубиться более чем на 0,3—0,4 м, а при возведении по периметру шурфа дощатой опалубки — 0,8—0,9 м. Песок-плавун и грунтовые воды заливают котлован быстрее, чем их удастся откачать. К тому же работы удастся провести лишь в период отлива. В связи с этим руководство Алеутского района по нашей просьбе выделило землеройную технику: экскаватор на базе трактора «Беларусь», мотопомпу и вездеход обеспечения. Во время проведения работ по подъему пушек к экспедиции были прикомандированы механизаторы Л. Чернышов, В. Бургардт и В. Кист. Работы по проверке аномалий 1 и 2 были проведены 4 июля 1981 г., тогда же была начата проверка аномалии 3, но начавшийся прилив заставил прекратить работы.

5 июля с наступлением отлива (11 ч) работы возобновились. До 12 ч 30 мин. углублялся котлован, чему препятствовало постоянное оползание со стенок насыщенного водой песка. Стенки котлована приходилось постоянно укреплять, под опорные лапы экскаватора подкладывать бревна и доски. В 12 ч 30 мин. ковш экскаватора на глубине около 3 м начал задевать за твердые массивные предметы. Судя по выбросам грунта из котлована, на этой же глубине сменился состав береговых отложений: вместо светлого тонкозернистого однородного песка ковш начал поднимать желтый песок, гальку и дресву, окрашенные пятнами ржавчины.

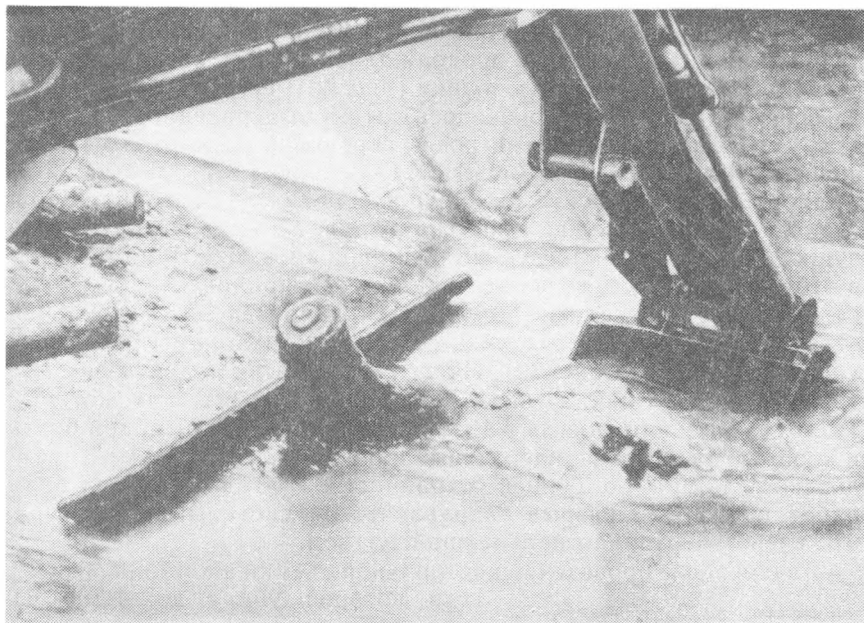

Рис. 26. Подъем пушек из-под трехметровой толщи песка-плывуна. Первые секунды появления на поверхности первой из семи поднятых пушек.

Рис. 27. Клеймо Каменского завода на трехфунтовых пушках. Прорисовка М. А. Гринкруга.

Зондирование дна котлована шупом также показало наличие на уровне кровли галечника массивных твердых предметов. Безрезультатная выборка грунта продолжалась до 14 ч, когда ковш вывернул из котлована первую пушку (рис. 26), тут же доставленную на берег. Жерло пушки оказалось заткнуто деревянной пробкой, а на стволе между цапфами после первичной расчистки удалось прочесть литое клеймо «КАМЕНЬСКО ЗАВОДЪ 1733» (рис. 27). Калибр пушки — 3 фунта (диаметр жерла 72 мм) (рис. 28). К 16 ч удалось поднять еще две таких же пушки, а также двухфунтовую пушку (калибр 68 мм) (рис. 28). Продолжить работу по подъему в этот день не удалось из-за начавшегося прилива.

6 июля с наступлением отлива была проведена контрольная съемка аномалии 3. Амплитуда ее после подъема четырех пушек упала до +450 нТ (рис. 29). После съемки были подняты еще две трехфунтовые пушки, а также части палубного настила, который был отмечен под пушками в 1941 г. (см. главу II): рым, три болта и корабельный гвоздь, идентичные найденным в жилищах Командорского лагеря, но лучшей сохранности. В этот день в процессе работ произошел разрыв гидравлической системы экскаватора, что очень затруднило дальнейший подъем.

7 июля после проведения контрольной съемки аномалии, амплитуда которой упала до +300 нТ (рис. 29), удалось поднять только одну трехфунтовую пушку, после чего экскаватор окончательно вышел из строя. Одновременно закончился период максимальных отливов, из-за чего не удалось провести еще одну контрольную съемку аномалии, запланированную на 8 июля.

Таким образом, в период с 5 по 7 июля 1981 г. из толщи береговых отложений на расстоянии около 30 м от клифа голоценовой террасы с глубины около 3 м были подняты шесть совершенно одинаковых трехфунтовых пушек с клеймами «КАМЕНЬСКО ЗАВОДЪ 1733» и одна двухфунтовая иных пропорций. В толще песка остались еще три пушки.

Этому предположению не противоречат графики аномалии 3 вдоль меридианальной оси, построенные для разных этапов подъема пушек (рис. 29). На рис. 30 представлены

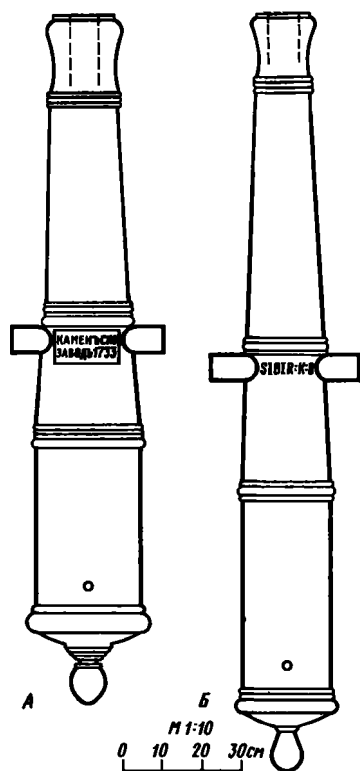

Рис. 28. Чертежи поднятых из толщи береговых отложений пушек пакетбота «Св. Петр»
А — трехфунтовая; Б — двухфунтовая

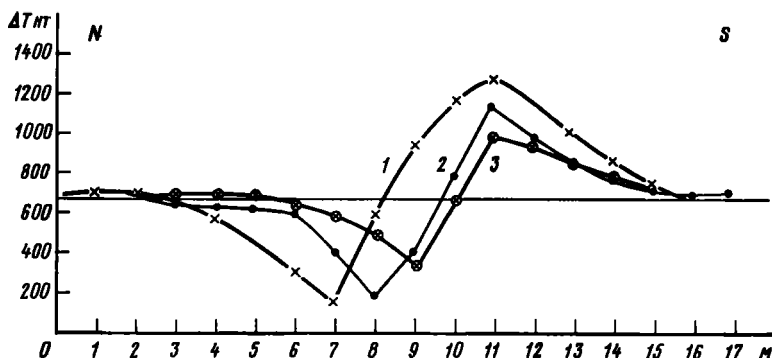
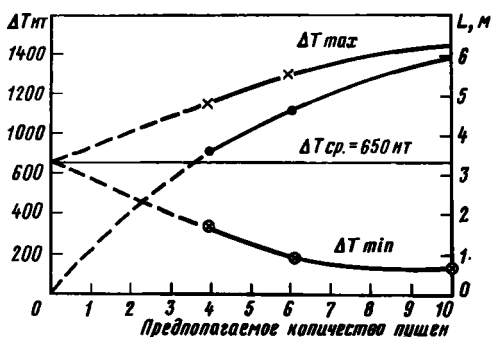

Рис. 29. Графики аномалии ΔT (нТ) над пушками:

1 — до начала подъема; 2 — поднято 4 пушки; 3 — поднято 6 пушек

Рис. 30. Изменение амплитуд ΔT_{\max} и ΔT_{\min} и ширины аномалии L по изолинии 900 нТ по мере подъема пушек. Предполагается, что в грунте первоначально залегало 10 пушек.

также кривые изменения величины максимума и минимума аномалии и ее ширины по мере изъятия пушек. Кривые построены в предположении, что первоначально в грунте находилось девять пушек. Не нарушая плавности хода кривых, экстраполяция их в направлении $\Delta T_{\max} \rightarrow \Delta T_{\text{ср}}$, $\Delta T_{\min} \rightarrow \Delta T_{\text{ср}}$, $L \rightarrow 0$ (где $\Delta T_{\text{ср}} = 650$ нТ — фоновое значение поля), что соответствует полному отсутствию пушек в грунте, подтверждает первоначальное предположение. Из этого следует, что в грунте действительно остались три пушки. Подъем их — дело будущего.

Две трехфунтовые пушки из числа поднятых были доставлены во Владивосток. После первичной очистки они прошли специальную обработку на ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени Дальзаводе. Обработка заключалась в окончательной очистке при помощи пескоструйного аппарата и гальванической очистке с последующим длительным промыванием и сушкой. После сушки поверхность пушек и жерла были покрыты несколькими слоями консерванта на основе синтетического воска. В настоящее время они, как и другие вещи из Командорского лагеря, экспонируются в музее Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР в разделе, посвященном освоению и заселению Дальнего Востока.

Пять пушек, в том числе одна двухфунтовая, были оставлены

в с. Никольском на о-ве Беринга в экспозиции Алеутского краеведческого музея. Все они были предварительно очищены и временно законсервированы М. С. Шемаханской.

В следующем 1982 г. сотрудниками ВНИИР М. С. Гринкругом и А. Ф. Дубровиным¹¹ была проведена полная механическая и затем электрохимическая чистка оставшихся на острове пушек в специально изготовленных ваннах при помощи едкого натра в сочетании с алюминием. Затем проведена нейтрализация действия щелочи, промывка и пассивизация поверхности пушек. Для расчистки жерл использовался специально изготовленный на месте инструмент. Заключительным этапом консервации являлось создание на поверхности пушек защитных фосфатно-танатных пленок с последующим покрытием консервантом на основе синтетического воска. Аналогичной процедуре подвергнута и двухфунтовая пушка, хранящаяся с 1940 г. в Петропавловск-Камчатском краеведческом музее.

В процессе расчистки пушек выяснилось, что все трехфунтовые пушки имеют стандартные клейма «КАМЕНЬСКО ЗАВОДЪ 1733». На торели одной из них обнаружены выбитые зубилом буквы «ПГЕВ» или «ПГРВ».

Двухфунтовая пушка, поднятая в 1981 г., имеет между цапфами литое выпуклое клеймо «SIBIR:K:B 1724» (рис. 31)*, на казенной части выбит знак «Ф:» (очевидно, два фунта; точка обозначает фунт), на торели расчищена выбитая зубилом надпись «W.H.A. .».

На правой цапфе пушки, так же как и цапфе пушки Петропавловск-Камчатского музея, имеется литой вензель Петра I, представляющий собой две переплетенные латинские буквы «Р» и одно «А» (рис. 32). Этот вензель в нескольких вариантах хорошо известен на многочисленных предметах эпохи Петра I и расшифровывается, очевидно, как «PETRUS ALXEXII PRIMUS» («Петр Алексеевич Первый»).

Подведем некоторые итоги.

1. Согласно «Росписи», 13 августа 1742 г. в бухте Командор было оставлено 14 чугунных пушек, из них девять трехфунтовых общим весом 184 пуда 20 фунтов (или 335,8 кг каждая) и пять двухфунтовых общим весом 92 пуда 20 фунтов (или 303 кг каждая). В XVIII в. калибр пушек определялся весом ядра.

2. В 1935 г. фотографиями Г. З. Санько зафиксировано 13 пушек, лежащих штабелем на лаиде бухты Командор.

3. В 1940 г. из бухты вывезена двухфунтовая пушка с клеймом «SIBIR:K:B17??» и вензелем Петра I на цапфе. В настоящее время она находится в экспозиции Камчатского областного краеведческого музея.

* Следы аналогичного клейма видны и на экземпляре Петропавловск-Камчатского краеведческого музея. К этому же типу относятся и двухфунтовая пушка, находящаяся с 1956 г. в г. Хорсенсе.

Рис. 31. Клеймо 1724 года на двухфунтовой пушке. Прорисовка М. А. Гринкруга

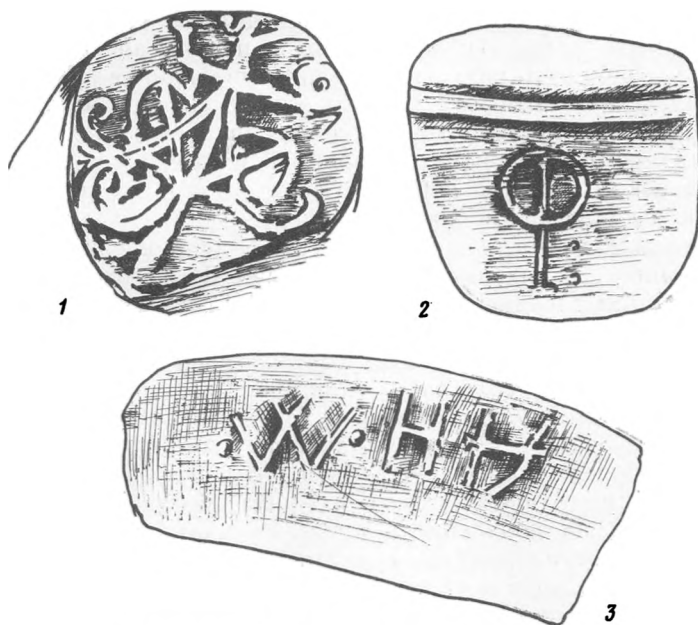

Рис. 32. Дополнительные клейма на двухфунтовой пушке. Прорисовка М. А. Гринкруга

1 — на цапфе; 2 — на казенной части; 3 — на торели

4. В 1946 г. из бухты вывезены две пушки — трехфунтовая с клеймом «КАМЕНЬСКО ЗАВОДЪ 1733» и двухфунтовая с клеймом «SIBIR:(K)B: 173(3)». В настоящее время эти пушки находятся в г. Хорсенсе (Дания).

5. Экспедицией «Беринг-81» поднято семь пушек, из них шесть трехфунтовых с клеймами «КАМЕНЬСКО ЗАВОДЪ 1733» и одна

двухфунтовая с клеймом «SIBIR:K:B 1724», вензелем Петра I на цапфе и выбитым на казенной части знаком «Ф:» и «W.H.A. .» на торели.

6. Таким образом, к настоящему моменту известно два типа пушек, находившихся на вооружении пакетбота «Св. Петр»: трехфунтовые с клеймом «КАМЕНЬСКО ЗАВОДЪ 1733» (известно семь из девяти, оставшихся в бухте согласно «Росписи») и двухфунтовые с клеймом «SIBIR:K:B:», по-видимому, разных годов изготовления (известно три из пяти), т. е. всего десять пушек из 14, показанных в «Росписи».

7 В грунте прибрежной полосы о-ва Беринга осталось три пушки.

Совершенно загадочна судьба четырнадцатой пушки пакетбота, показанной в «Росписи», но отсутствовавшей уже в 1935 г. Наличие ее отдельно от «штабеля» в его ближайших окрестностях полностью исключают данные магниторазведки.

Можно предположить два варианта ее «исчезновения». Первый вариант: пушка была вывезена экспедицией Ивана Бечевина в 1760 г. (см. главу II), что ему было предписано сделать еще в 1758 г., либо кем-либо из зверопромышленников. Письменные свидетельства об этом отсутствуют или до сих пор не отысканы.

Второй, и очень вероятный, вариант: пушка до сих пор находится на о-ве Беринга, но не в прибойной полосе, а в расположении Командорского лагеря, поблизости от жилищ. Мореплаватели, оказавшись на неведомой и в самые первые дни неизвестно, обитавшей ли земле, не могли не позаботиться об обороне лагеря на случай внезапного нападения местных племен. Во всяком случае, первое, что было сделано отрядом Второй Камчатской экспедиции под руководством Д. Я. Лаптева при постановке судна на зимовку в устье Колымы в 1740 г., — перевозка на сушу имевшихся пушек, так как «прежде чем высадить команду на берег, необходимо было обеспечить возможность обороны»¹². При высадке членов экипажа пакетбота «Св. Павел» под командованием А. Чирикова на американское побережье они были снабжены «пушкой и всеми к ней относящимися принадлежностями»¹³. Кроме того, зимовщики могли рассчитывать на появление в пределах видимости какого-либо судна, в частности пакетбота «Св. Павел» *, тогда пушка была бы необходима для подачи сигналов. И в том и в другом случае она должна была находиться как можно ближе к лагерю. Кстати, это предположение косвенно подтверждается находкой в жилищах трехфунтовых ядер

Если это так, то четырнадцатую пушку следует искать под песчаными наносами на левом берегу р. Командор, неподалеку от землянок. Магниторазведка там не проводилась, но постановка ее в будущем представляется весьма целесообразной.

* Судно А. Чирикова действительно было близ о-ва Беринга 21—23 июня 1742 г., но у его противоположного берега, и зимовщики видеть его не могли.

** Ядра, впрочем, могли использоваться и для кипячения воды в деревянной посуде или просто в качестве какого-либо груза.

•

История артиллерийского вооружения пакетбота «Св. Петр»

После того как пушки «Св. Петра» найдены и клейма на них прочитаны, обратимся к письменным источникам, позволяющим выяснить историю изготовления и доставки пушек к месту строительства пакетбота «Св. Петр» в Охотск.

Источники, которыми мы пользуемся, относятся к двум типам: документы, касающиеся непосредственно Второй Камчатской экспедиции, и документы, относящиеся к деятельности Сибирского обербергамта в первой половине XVIII в., в ведении которого находилось изготовление пушек, ядер, якорей и др. для экспедиции. На последнюю группу источников удалось натолкнуться заведующему кафедрой архивоведения Уральского государственного университета им. А. М. Горького А. В. Черноухову и доценту той же кафедры Э. А. Пензину еще до начала работ нашей экспедиции «Беринг-81» * Часть разысканных ими материалов нашла отражение в научно-популярных публикациях ¹

Мы пользуемся также и аналогиями пушек, известными в отечественных музейных собраниях.

Дальнейший архивный поиск, безусловно, приведет к открытию новых документов о Второй Камчатской экспедиции, и в частности о ее материально-техническом оснащении. Однако использованные нами источники достаточно подробно освещают вопросы, связанные с историей артиллерийского вооружения пакетбота «Св. Петр».

5 января 1733 г. на заседании Адмиралтейств-коллегии решился вопрос об обеспечении Второй Камчатской экспедиции артиллерией, артиллерийскими припасами, якорями и др. У Беринга затребовали ведомость, в которой он должен был сообщить, «как он был в сибирских городах, где что можно тамо из готовых сыскаться или заготовить, дабы в перевозе оных отсюда излишнего кошта и затруднения не было». По получении от Беринга ведомости было решено рассмотреть возможность затребовать готовые изделия в сибирских городах, «о том куда надлежит послать указы», остальное же изготовить на сибирских казенных или партикулярных заводах ².

23 февраля Беринг дал М. Шпанбергу инструкцию «уведомитца в Tobолске подлинно, при Охоцком и Якуцке, какие вещи ныне

* Авторы выражают благодарность Э. А. Пензину и А. В. Черноухову за предоставленную возможность опубликовать ряд документов, связанных с изготовлением пушек на Уральских заводах. Использовались источники, хранящиеся в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО).

тамо есть, а именно: пушки, порох и прочее, какие вещи, которые к нашему делу могут быть надобны. дабы двойного перевозу не имели». В исполнение инструкции Шпанберг 13 апреля затребовал эти сведения от Сибирской губернской канцелярии и копию полученной ведомости передал Берингу³

Еще до прихода сведений от Сибирской губернской канцелярии Берингу стало ясно, что имеющаяся в сибирских городах артиллерия не может в полной мере удовлетворить потребности экспедиции, о чем он, по-видимому, сообщил Адмиралтейств-коллегии. В данной Берингу 28 февраля инструкции говорилось о том, что указами сената уже определено, какую артиллерию и артиллерийские припасы следует изготовить в сибирских городах и тамошних заводах. В изменение первоначально принятых решений эта инструкция уточняла, что вместо предполагавшегося вооружения пакетботов четырехфунтовыми пушками, которых надлежало изготовить 12, «по указу адмиралтейской коллегии определено вместо четырехфунтовых пушек сделать на пакетботы на оных (Демидовских. — Авт.) заводах толикое ж число трех-фунтовых пушки по настоящей их препорции, к ним всяких припасов, что надлежит»⁴

Впоследствии, возможно, после получения сведений от Шпанберга, первоначально запланированное к изготовлению число пушек было увеличено. Вместо «партикулярных» заводов Демидова потенциальными изготовителями пушек стали казенные Сибирские заводы, подведомственные Сибирскому обер-бергамту во главе с В. де Генниным.

18 мая Тобольская губернская канцелярия направила де Геннину промеморию. К определению де Геннина на промеморию приложен «Реэстр что надлежит сделать по требованию Тобольской губернской канцелярии в Камчатскую экспедицию ко отправлению капитана командора Беринга». В «Реэстре» на первом месте значатся «на мореходные суда, на бот и на дубель шлюпки удобной артиллерии пушек чугунных трехфунтовых двадцать четыре. Двухфунтовых фалканет на вертлюгах сорок восемь»⁵

Местом изготовления пушек де-Геннин назначил Уктусский завод. К 28 июня была изготовлена пробная партия из четырех пушек, которые не выдержали испытаний: по «опробованию» устояла только одна пушка, а три разорвало. (чему причиной — авт.) по усмотрению явился чугун»⁶

3 августа в Сибирском обербергамте де Геннин вынес следующее определение: «Понеже на здешнем (Уктусском. — Авт.) заводе железная руда к литью пушек не такова угодна, как на Каменском заводе, того ради для литья требуемых Камчатской экспедиции пушек послать отсюда на оной Каменской завод фурмового мастера и свирельщика. А какие пушки лить и сколько, о том дать ему, фурмовому, чертеж; и о посылке оных к шихтмейстеру Бекетову и в Каменскую заводскую контору о литье пушек на том заводе н о даче к тому потребных инструментов и припасов послать указы из Сибирского обербергамта»⁷

Каменский завод — ныне г. Каменск-Уральский Свердловской области — одно из старейших металлургических предприятий России, основанное в июле 1700 г. и начавшее выпускать продукцию в конце 1701 г. Подробное описание завода приводится в известной книге В. де Геннина, причем автор отмечает прекрасные качества местных руд и выплавляемого из них чугуна: «...к пушечному литью тот чугун всех заводов лутчее»⁸ Последний фактор и определил окончательный выбор предприятия-изготовителя пушек для Второй Камчатской экспедиции.

В тот же день, 3 августа 1733 г., из Екатеринбурга на Каменский завод был послан мастер Панкрат Ефтифеев «с литейщики». 14 августа в обер-бергамте спохватываются: «...а какая надпись на тех пушках выливать, того оному мастеру знать не дано, того ради велеть ныне немедленно здесь сделать шихтмейстеру Бекетову для печатания надписей на пушках доску свинцовую, на которой вырезать словами тако: Каменской завод и год 1733 й; а как сделана будет, отослать на Каменской завод, и велеть на тех пушках помянутые надписи выливать»⁹ Указанная доска, по-видимому, действительно была изготовлена «немедленно», так как уже 15 августа она поступила на Каменский завод, о чем сообщил управляющий заводом прапорщик Ларион Прокофьев в «Репорте» от 21 августа¹⁰ Спешка в изготовлении доски, очевидно, объясняет ошибку: «КАМЕНЪСКО» вместо «КАМЕНСКОЙ» в дошедших до нас клеймах.

Сложности в изготовлении пушек на этом не закончились. Присланный на Каменский завод мастер Панкрат Ефтифеев потребовал присылки ему в помощь трех фурманных учеников из Екатеринбурга, которых называл поименно: Анику Сатина, Саву Бормотова и Федора Устинова. Управляющий Каменским заводом Прокофьев доносит об этом в обер-бергамт, и 22 августа определением обер-цегенгера Константина Гордеева из Екатеринбурга на Каменский завод командируют «означенных фурмовых учеников для литья пушек на время, пока оное пушечное литье будет, а как оное литье окончатся, то оных учеников прислать обратно в Екатеринбург немедленно»¹¹.

Приведенные документы называют нам имена непосредственных изготовителей пушек Второй Камчатской экспедиции, имеющих клейма «КАМЕНЪСКО ЗАВОД 1733».

В конце августа 1733 г. началось, по-видимому, серийное производство пушек, а также ядер к ним.

Скорейшее выполнение правительственного заказа очень беспокоило Сибирскую губернскую канцелярию. 31 августа 1733 г. в Сибирском обер-бергамте была получена промемория, в которой губернатор торопил горнозаводское начальство. На это обер-бергамт ответил, что пушки, якоря, ядра и другие припасы будут

* Сведения о Федоре Устинове мы находим в документах за 1744 г.: «Устинов Федор, 50 лет, в службе с 1717 г., фурманный подмастерье, из мастерских детей»; там же упоминаются Петр и Михайло Ефтифеевы, возможно, сыновья Панкрата Ефтифеева. (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. № 1071. Л. 16).

отправлены в Тобольск по «первому зимнему пути сего 1733 г.»¹². 21 сентября в Екатеринбурге получили еще одну промеморию аналогичного содержания, по которой вынесли определение: «Для понуждения в литье оных пушек и дроби и о репортowaniu о том во обер-бергамт понедельно послать отсюда на Каменский завод солдата доброго и для того дать ему инструкцию. .»¹³

28 сентября Каменская заводская контора получила указ Сибирского обер-бергамта об ускорении литья пушек и «о репортowaniu, колико оных вылитое будет вперед понедельно». Согласно этому указу, к каждой пушке необходимо было вылить по 200 ядер (всего 14 400 ядер) «да дроби 300 пудов». Вместе с указом на завод был прислан и чертеж калибра дроби. К трехфунтовым пушкам требовалось вылить 180 пудов дроби диаметром 23 мм, а к двухфунтовым — 120 пудов диаметром 20 мм¹⁴.

Возникшая вдруг спешка, возможно, была связана с прибытием в Тобольск капитана М. Шпанберга, направленного Берингом впереди основных сил экспедиции для решения всех вопросов об «изготовлении правиантов и протчих припасов». Известно, что «по прибытии в Таболск капитан Шпанберх пушек на 2 пакетбота трехфунтовых требовал от сибирского берхамта. .»¹⁵

18 ноября 1733 г. для переговоров с де Генниным об обеспечении экспедиции транспортными средствами и о строительстве близ Якутска железоделательного завода в Екатеринбург прибыл Беринг. Переговоры состоялись 20 ноября. 22 ноября Беринг направил в Сенат донесение об их результатах. К 23 ноября было собрано достаточное на первое время количество необходимых экспедиции подвод, после чего Беринг уехал в Тобольск, где экспедиция провела зиму 1733/34 г.¹⁶

Изготовление пушек, по-видимому, все же затянулось до зимы 1733/34 г. Лишь 2 февраля специально направленные из Тобольска капитан Шарнгин с капралом наконец получили на Каменском заводе пушки и ядра. Весь этот груз был отправлен в Тобольск в обозе из 56 подвод¹⁷.

В Екатеринбурге в получении еще четырех орудий для экспедиции расписывается 26 марта 1734 г. штурман С. Челюскин¹⁸.

Из Тобольска «судовые тяжелые припасы, материалы и артиллерия» были летом 1735 г. доставлены в Якутск «в команде капитана Чирикова»¹⁹, откуда все имущество общим весом более 2000 пудов было отправлено на 14 дощаниках «того же лета июля в 5 день в Охоцкой путь»²⁰. С этим обозом, возможно, доставлялась артиллерия крупного калибра. Двухфунтовые фальконеты поступали в Охотск и позднее. Так, 3 июня 1736 г. в Охотск «приплавлено с Урацкого плотбища на 7 судах такелажу и матриалов на бот с палубою», в том числе 12 двухфунтовых чугунных фальконетов и столько же вертлюгов к ним, а также 221 двухфунтовое и 55 трехфунтовых ядер. Еще 6 двухфунтовых фальконетов с вертлюгами, 119 двухфунтовых и 95 трехфунтовых ядер было доставлено в Урацкого плотбища 12 сентября²¹.

Из приведенных документов видно, что в Охотск, к месту строительства пакетбота «Св. Петр», могли попасть пушки как из числа специально изготовленных для Второй Камчатской экспедиции на Каменском заводе в 1733 г., так и из имеющихся в 1733 г. в распоряжении Тобольской губернской канцелярии и Сибирского обер-бергамта, изготовленных ранее.

Атрибуция первой группы пушек очевидна: это трехфунтовые пушки с клеймами «КАМЕНЬСКО ЗАВОД 1733».

В 1981 г. на территории Каменск-Уральского электромеханического завода (бывш. металлургического) при рытье котлована под очистные сооружения в старинных шлаковых отвалах была найдена двухфунтовая чугунная пушка, также имеющая клеймо «КАМЕНЬСКО ЗАВОДЪ 1733»²². Еще одна двухфунтовая пушка с тем же клеймом начиная с 1910-х годов хранится в Каменск-Уральском музее²³. На ней также имеется надпись: «. Боров» (возможно, «Бормотов», т. е. имя одного из фурманных подмастерьев). Третья двухфунтовая пушка с клеймом «КАМЕНЬСКО ЗАВОДЪ 1733» в период Крымской войны находилась на вооружении Охотского порта и была подорвана при возникших слухах о приближении неприятельской эскадры. В настоящее время она находится в Охотском краеведческом музее²⁴. Принадлежность этих пушек к партии, изготовленной для Второй Камчатской экспедиции, несомненна. В Ленинградском Артиллерийском историческом музее находится также двухфунтовая чугунная пушка с близким клеймом: «НА КАМЕНЬСКОМ ЗАВОДЕ 1733»²⁵.

Ко второй группе пушек, собранной из числа имевшихся в сибирских городах, очевидно, относятся двухфунтовые с клеймами «SIBIR:K:B», имеющие, судя по всему, различные годы выпуска*. Место изготовления этих пушек устанавливается по архивным материалам, разысканным Э. А. Пензиным. Это также Каменский завод. 26 августа 1723 г. де Геннин распорядился на всех пушках, отливаемых на Каменском заводе, «на каждой пушке между ушами лить латинскими буквами следующее клеймо

SIBIR:K:B:

1723

Рисунок клейма был исполнен самим де Генниным, и 30 августа 1723 г. такой указ был послан на Каменский завод²⁶.

В ряде музейных собраний имеются пушки с аналогичными клеймами. В частности, в Артиллерийском историческом музее (г. Ленинград) имеется «ствол 2-фунтовой пушки, чугунной, отлитой в 1724 г. в Сибири. Диаметр канала ствола 67 мм, длина 176 см, вес 288,6 кг. На средней части ствола литая надпись

* При реставрации пушек, поднятых экспедицией «Беринг-81», проводимой в 1982 г. М. С. Гринкругом и А. Ф. Дубровиным, год изготовления двухфунтовой пушки с клеймом «SIBIR:K:B» был прочтен как 1774 из-за того, что на клеймах этого типа 1720-х годов цифра 2 писалась как латинское Z и нижняя часть цифры плохо сохранилась.

«SIBIR. K. B. 1724». На казенной части выбито «17 пу 25 фу», на торельном поясе выбита буква «М»²⁷ Там же находится ствол 12-фунтовой пушки с клеймом «SIBIR:K:B: 1725», на правой цапфе ее — литой вензель Петра I, на торели надпись «№ 812. W. HAUBERG»²⁸

Эта пушка позволяет интерпретировать инициалы «W HA...» на пушке из бухты Командор. Это, безусловно, имя того же пушечного мастера В. Хауберга, что и на экземпляре из Артиллерийского музея. По сведениям Э. А. Пензина, на Уральских заводах после Северной войны работало много пленных шведов, к числу которых мог принадлежать и этот мастер.

Еще одна чугунная пушка калибра 105 мм с клеймом «SIBIR:K:B: 1725» находится в Государственном историческом музее в Москве. В коллекционной описи ее изготовление по недоразумению приписывается Колывано-Воскресенскому заводу, который никогда не занимался обработкой черных металлов²⁹ Эта ошибка вызвана неправильной расшифровкой букв «K: B:» на клейме. Учитывая, что, судя по распоряжению де Геннина, это латинские, а не русские буквы, попытаемся расшифровать их следующим образом:

«K» — KAMENSK — Каменский

«B» — BETRIEB — предприятие, завод.

Таким образом, вторая группа пушек (двухфунтовые орудия) также изготовлена в разные годы на Каменском заводе на Урале.

Существующая в литературе версия об изготовлении по крайней мере части пушек для Второй Камчатской экспедиции в Якутске³⁰ безосновательна. 20 ноября 1733 г. во время совещания Беринга с де Генниным было определено «построить... один молот колотушечный и для того плотину около Якуцка... а домны тамо не строить, для того что он, Беринг, объявляет к тому экспедиции литейных припасов, кроме пушек, ядер и дробы, которые уже в Екатеринбурге изготовлены, не надобно. К тому ж, буде оную строить, то потребно многова времени и расхода»³¹

Аналогичное «определение» мы находим и в документах Второй Камчатской экспедиции: «...построить... в близости около Якутска только один колотушечный молоток и надлежащую плотину, а домны не строить»³².

Якутский железоделательный завод был построен лишь к 24 сентября 1735 г. «и к действию приведен... с того числа начали вытягивать ис криц железо по экспедиции, которого зделали октября по 2 число с 70 пуд; а с того числа действием тот завод остановился, для того, что от великих здесь морозов в речке той, на коей построен тот завод, вода вся вымерзла и железа тянуть невозможно»³³

Из приведенных документов видно, что Якутский завод играл второстепенную роль в материальном оснащении экспедиции; его продукцией являлся железный полуфабрикат и, очевидно, мелкие кузнечные изделия (гвозди, болты и т. п.). Основные же

припасы экспедиция получила в Екатеринбурге. Из «Реэстра» от 18 мая 1733 г.³⁴ известно, что для экспедиции на Уральских заводах были изготовлены два чугунных и шесть медных больших котлов, а также якоря: два двадцатипудовых плехта, два восемнадцатипудовых даглиста, два шестипудовых и два четырехпудовых верпа, два трехпудовых и два полуторапудовых шлюпочных дрега. Медные котлы предназначались для варения соли в Охотске и на Камчатке, а якоря — на два пакетбота: «Св. Петр» и «Св. Павел». Еще четыре якоря были изготовлены «на бот с палубой».

Надо думать, что к продукции Уральских заводов относятся и многие другие металлические предметы из имущества экспедиции Беринга (прил. 3).

Заключение

Подводя итоги нашего исследования, остановимся на его основных результатах.

Письменные источники, проанализированные в главе I, дают хотя и достаточно обширный, но весьма поверхностный материал о весьма существенных с точки зрения исторических реконструкций подробностях условий зимовки экипажа «Св. Петра» на острове Беринга, устройства жилищ, занятий, материальной культуры мореплавателей и т. п. Сведения письменных источников могут быть дополнены путем тщательного анализа данных археологических исследований. К сожалению, эти данные также отличаются определенной неполнотой. В первую очередь это связано с предшествующими неквалифицированными раскопками Командорского лагеря, о которых подробно говорится в главе II. В процессе этих раскопок частично разрушены остатки жилищ экспедиции Беринга, а найденный в них вещевой материал депортирован, фрагментарен и труднодоступен для изучения.

Несмотря на это, в процессе проведенных нами раскопок детально изучены все шесть жилищ лагеря, получены данные об их устройстве, интерьере, которые позволяют достоверно реконструировать большинство жилищ и хорошо согласуются с описаниями, сделанными участниками зимовки, дополняя и уточняя их. В этом контексте можно отметить некоторую, впрочем, вполне понятную, драматизацию условий, в которых зимовщики, оставившие описания, находились на острове. Как показали результаты раскопок, жилища, названные в ряде мест «могилками» и «ямами», на самом деле отличаются продуманностью и добротностью конструкции. Эти вопросы подробно рассмотрены в главе III.

Вещевой материал, собранный в жилищах, частично соответствует «Росписи» имущества, составленной зимовщиками перед отплытием на Камчатку. Исключение составляет ряд предметов, не внесенных в «Роспись», которые либо являлись личными вещами, либо не требовали строгой отчетности.

Противоречит «Росписи» сам факт нахождения многих предметов, указанных в ней, не в специальном «анбаре-магазине» на правом берегу р. Командор, где они якобы были оставлены, а непосредственно в жилых комплексах. Это вполне объяснимо, если учесть, что все эти предметы использовались в повседневном обиходе зимовщиков для приготовления пищи, охоты, строительства и т. п., а эвакуация с острова происходила в большой спешке ввиду наступления очень редких здесь благоприятных

метеоусловий¹ Тем не менее это несоответствие «Росписи» реальной картине заставляет говорить о заведомых искажениях исторической действительности в таких документальных источниках, как официальная отчетность.

Среди предметов, оставшихся в жилищах, выделены вещи русского, западноевропейского и азиатского производства, которые позволяют судить о материальном обеспечении флота того времени и о внешних экономических и культурных связях России. Ряд вещей, в том числе уникальных, характеризует материальную культуру народов Сибири и Севера, отдельные представители которых участвовали в плавании. Этот круг вопросов подробно рассмотрен в главе IV

Математическое моделирование расселения зимовщиков по жилищам (глава V), основанное на конструктивных особенностях жилищ, вещевом материале и сведениях письменных источников, позволило сделать выводы о принадлежности конкретных жилищ лагеря конкретным историческим лицам.

Предпринятый археолого-геофизический поиск в береговой полосе бухты Командор позволил локализовать залегавшие в толще современных аккумулятивных морских отложений пушки, снятые зимовщиками с пакетбота. Семь пушек из десяти подняты. Неожиданным результатом этого этапа исследования явилась возможность изучить современные тектонические процессы, происходящие на о-ве Беринга, для чего пушки послужили своеобразным «репером» (глава VI).

Клейма Уральских металлургических заводов на пушках заставили обратиться к соответствующим документальным материалам и изучить процесс материально-технического обеспечения Второй Камчатской экспедиции (глава VII).

Результаты проведенных исследований позволяют еще раз обратить особое внимание на так называемые «поздние» памятники XVIII—XIX вв., которые вплоть до недавнего времени незаслуженно не привлекали внимания археологов и даже не признавались памятниками археологии². Возникло поразительное несоответствие — о материальной культуре каменного века наши знания несоизмеримо больше, чем о материальной культуре эпохи, отстоящей от нашего времени всего на несколько поколений. В этом вопросе археология наших дней, как ни удивительно, все еще следует решениям Третьего Археологического съезда, состоявшегося в 1878 г., т. е. более века назад.

Такой подход к «поздним» памятникам, помимо его методологической необоснованности, ведет к целому ряду серьезных заблуждений, наиболее распространенными из которых являются:

а) допустимость раскопок «поздних» памятников неархеологами исключительно для сбора музейных коллекций или с другими неархеологическими целями;

б) абсолютизация письменных источников как исчерпывающего кладезя разносторонней информации.

Последствия первого заблуждения Командорский лагерь

уже испытал на себе. Второе же рассмотрим несколько подробнее.

В первые дни пребывания на о-ве Беринга нашей экспедиции 1981 г. одна из камчатских газет опубликовала заметку действительного члена Всесоюзного географического общества, кандидата военных наук К. Шопотова. Можно было бы не останавливаться на этой публикации, отличающейся, помимо всего прочего, крайне недоброжелательным и развязным тоном. Позицию автора заметки можно кратко сформулировать так: обстоятельство зимовки экипажа «Св. Петра» подробно описаны ее участниками, эти описания досконально изучены историками, предметы материальной культуры XVIII в. можно увидеть в любом музее, т. е. «с точки зрения истории в бухте Командор искать нечего». Как вывод говорится, что «производство раскопок и пребывание людей с целью поисков следов экспедиции Беринга в бухте Командор нужно запретить категорически»³ «Новое слово» об экспедиции Беринга предлагается искать в архивах нашей страны и за рубежом.

Кроме некомпетентности автора заметки в понимании предмета и объекта археологии, налицо именно абсолютизация письменных источников, в результате чего за исследователями К. Шопотов оставляет лишь право на архивные изыскания.

Конечно, архивы содержат еще много неизученных материалов о Второй Камчатской экспедиции, однако вряд ли эти материалы смогут существенно пополнить наши знания о материальной культуре, быте, занятиях, технической оснащенности мореплавателей и других, как правило, не фиксируемых письменными источниками, сторонах человеческой деятельности, не говоря уже о сведениях историко-этнографического характера, обусловленных многонациональностью экипажа пакетбота. Знания о них дает лишь археология. Лишнее свидетельство тому — опубликованные в то время, когда рукопись этой книги была уже закончена, новые документы о Второй Камчатской экспедиции⁴, в которых для решения поставленных нами задач действительно не содержится ничего, что не было бы уже известно из сходных документов. К письменным источникам об экспедиции Беринга в полной мере приложима характеристика письменных источников вообще: «При всем кажущемся избытке материалов они не являются сплошными и оставляют множество пробелов... надежда на их пополнение сейчас невелика»⁵

Тем не менее, несмотря на все пробелы и неполноту письменных источников, включение их в археологический контекст позволяет существенно расширить их информационные возможности. Совместное рассмотрение этих двух типов исторической информации позволяет построить достаточно адекватную модель истори-

* Вместе с тем эти документы дают возможность прояснить биографии некоторых участников плавания, в том числе рядового и унтер-офицерского состава, часть которого начинала флотскую службу еще на Балтийском море, а также участвовала в плавании 1739 г. в Японию в составе отряда М. Шпанберга; см. также: Русская Тихоокеанская эпопея. Хабаровск, 1979. С. 175—176.

ческого события, важную не только для его осмысления, но и для решения ряда внешних по отношению к этому событию проблем историко-культурного, этнографического, исторического и естественнонаучного характера.

Лишь в совокупности с археологическими и другими источниками письменные источники становятся исчерпывающими. «Правильное исследование любой проблемы истории должно опираться не на специфически ограниченную группу источников, а на исчерпывающую совокупность этих источников: или же на достаточно репрезентативное их сочетание. Источниковедение обязано быть комплексным. Синтез источников в едином исследовании — главное средство развития исторической науки сегодня, а нашей главной задачей должно стать совершенствование приемов этого синтеза»⁶

Настоящая работа является попыткой постановки и решения именно такой задачи. Насколько эта попытка удалась — судить читателю. Но мы солидарны с К. Шопотовым в одном: действительно, нужно решительно пресекать любые попытки раскопок поздних памятников, но только в том случае, если эти раскопки проводятся некомпетентными лицами: с целями, далекими от подлинно научной археологии.

Приложения

Приложение 1

О ХИМИЧЕСКОМ СОСТАВЕ СТЕКЛЯННЫХ ФЛАКОНОВ КОМАНДОРСКОГО ЛАГЕРЯ

Ю. Л. ШАПОВА

Как показывают результаты количественного спектрального анализа образцов стеклянных флаконов Командорского лагеря, проведенного В. А. Галибиным, это стекло по своему составу отличается от обычных стекол — оконных, бутылочных, посудных и др.

В рассматриваемых стеклах содержания ВаО изменяются в зависимости от общего содержания щелочных земель, что видно из корреляционной таблицы (рис. 33). Очевидно, что ВаО является примесью, сопутствующей щелочно-земельному сырью. Содержание щелочных земель, которое определяет рецептуру стекловарения, устанавливается по сумме всех элементов этой группы. Местоположение стекол на корреляционном поле определило порядок записи в таблице X.

Щелочно-земельное сырье у всех образцов, кроме 3, примерно одинаковое. Щелочное сырье различно: одно стекло (1) сварено на золе растений, произрастающих в сухой зоне, остальные — на древесной золе растений, произрастающих в умеренной зоне.

Содержание щелочей (RO) и щелочных земель (R_2O) не зависит друг от друга (табл. X). Содержание Al_2O_3 не зависит ни от содержания щелочей, ни от содержания кремнезема, которое определено по разности (табл. X). Следовательно, эти составляющие порознь вводились в шихту.

Легкоплавкие фракции соответствуют двум или трем нормам:

Таблица X

Расчет рецептурной нормы исследуемых стекол (в %)

Образцы	RO	R_2O	Al_2O_3	R_2O RO	SiO_2
1	31,4	11,0	12,0	0,31	40
2	31,8	4,1	7,0	0,13	55
5	32,3	3,3	6,0	0,11	55
4	27,8	4,1	5,5	0,15	60
6	28,3	3,1	5,0	0,10	60
7	28,8	4,2	4,5	0,14	60
8	26,8	3,3	3,5	0,13	62
3	23,8	4,1	7,0	0,17	60

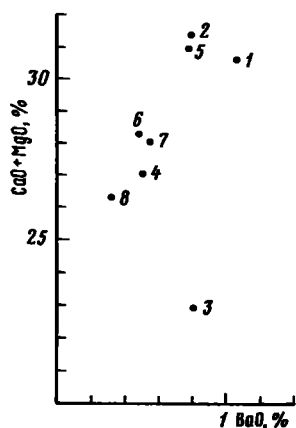

Рис. 33. Корреляция BaO и CaO+MgO для стеклянных флаконов Командорского лагеря

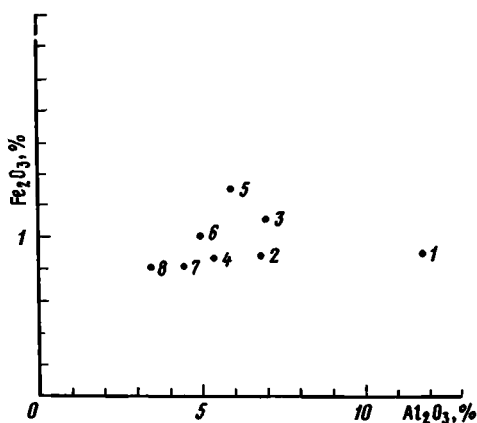

Рис. 34. Корреляция Al_2O_3 и Fe_2O_3 для стеклянных флаконов Командорского лагеря

0,3 (1), 0,2 (3) и 0,1 (2, 4—8). Первая норма известна, ей следовали в западноевропейском стекловарении в позднем средневековье, последние две — ранее известны не были¹.

Норма кремнезема в рассматриваемых стеклах близка средневековым западноевропейским нормам². Глинозем играл роль плавня. Увеличение содержания Al_2O_3 сопровождается увеличением содержания Fe_2O_3 (рис. 34). Очевидно, что глинозем вводился в шихту в виде красных глин (кроме образца 1).

Стеклянная масса обесцвечивалась окисью марганца: чем меньше глинозема, тем меньше окиси марганца.

Рассматриваемые стекла изготовлены по специальной рецептуре, предписывающей выбор сырья, нормы и, очевидно, порядка соединения стеклообразующих. Небольшое количество щелочей (в наших случаях окиси калия) и высокое содержание щелочных земель делает стекло химически стойким. Присутствие окиси бария и глинозема также повышает химическую стойкость стекла. Такое стекло было необходимо в первую очередь в химии и фармацевтике.

К XVIII в. сложились представления о качестве и формах аптечной посуды: для жидкостей предназначались прямоугольные бутылки с коротким узким горлом, для мазей и присыпок — прямоугольные широкогорлые емкости. Прямоугольная форма тулова определялась удобством в размещении посуды на аптечных полках, форма горла задавалась удобством в использовании. Изредка такая посуда имела маркировку: название содержимого, эмблему аптеки и т. п.³ Производство такой посуды являлось массовым.

Особенности химического состава проанализированных образцов стеклянных флаконов Командорского лагеря позволяют предположить, что на борту «Св. Петра» находилась аптекарская посуда, изготовленная как минимум в двух производственных центрах: в прибрежной средиземноморской зоне (образец 1) и в северной части центральной Европы. Среди последних наиболее традиционно производство в области Тьерош, к западу от Мааса, и Шпессарте, к востоку от Рейна. Стекольное производство этих двух областей было связано родством мастеров и собственников предприятий, причем их родственные связи достигали Голландии, Лоррена, Эльзаса, Швабии и Пфальца⁴. Где бы ни была изготовлена основная масса аптечной посуды Командорского лагеря, ее связь с западноевропейским стеклоделанием несомненна.

Связь стеклоделия с фармацевтикой в XVIII в. была очень тесной, хотя характер этой связи сложился еще в начале нашей эры, когда изготовление посуды из стекла, материала более гигиеничного и химически более устойчивого, чем металлы, камень и глина, стимулировало развитие косметики, фармакологии и экспериментальной химии. В новое время характер и направление связей изменились: экспериментальная химия, фармакология и косметика потребовали создания стекла, обладающего специальными свойствами. Как долго продолжался поиск нужного состава, сказать трудно. Во всяком случае, в начале XVII в. такой состав неизвестен. К началу XVIII в. стали целесообразными и устойчивыми формы аптечной посуды, и, как мы видим, целенаправленно используется новый состав стекла, т. е. связь его с назначением изделий очевидна и несомненна.

Приложение 2

КРЕСТ-ТЕЛЬНИК ИЗ РАСКОПОК КОМАНДОРСКОГО ЛАГЕРЯ

А. В. РЫНДИНА

Среди находок Командорского лагеря экспедиции В. Беринга привлекает внимание необычный крест-тельник из оловянно-свинцового сплава. Он обнаружен в жилище 4 раскопа 1979 г. То, что крест был пришит «Распятием» внутрь к остаткам меховой одежды, несомненно свидетельствует о «вторичном» использовании предмета в качестве декоративного украшения вне связи с изначальной его функцией. Однако этим отнюдь не исчерпывается его необычность. Миниатюрный литой четырехконечный крест с ушком для гайтана представляет собой тоненькую пластинку металла с сильно потертым и поврежденным от времени рельефом на лицевой и обратной сторонах. По составу изображений и их расположению крест не имеет конкретных аналогов на русской почве. Обратимся к форме предмета.

В принципе четырехконечные тельники с расширяющимися фигурной формы концами вполне характерны для Новгорода, Ярославля и других русских центров XVII—XVIII вв. Однако они, как правило, равноконечные либо с незначительно удлинённой центральной перекладиной, и концы их в виде тройных лепестков почти полностью смыкаются друг с другом.

Материал тельника — оловянно-свинцовый сплав — широко использовался для различных ремесленных поделок в Великом Новгороде и Скандинавских странах издревле.

Лицевая сторона креста во многом традиционна. Среднюю ее часть занимает «Распятие», на боковых перекладинах поясные фигуры Богоматери и Иоанна Богослова. У подножия голгофского креста — два башнеобразных здания. Под ними — треугольный «плащик» с адамовой главой. Над «Распятием» — Саваоф в облаках. Набор элементов типичен для православных крестов начиная со зрелого XVI в., когда на оглавии или под ним появляется изображение Бога Отца. Однако целый ряд деталей позволяет предполагать его связь с лицом западного происхождения. Прежде всего — это необычная для православного мира пятиконечная форма креста. Отсутствие нижней перекладины под ногами Христа — типичнейшая деталь готических «Распятий». На западные источники указывает и сильно провисающее тело Спасителя, особенно согнутая в колене и активно вынесенная за абрис креста левая нога. К сожалению, сильная искаженность форм рельефа не позволяет с точностью судить о стиле композиции в целом. В дополнение к «западной» гипотезе можем лишь добавить, что в отличие от русского искусства, где изображение Саваофа появляется на подобных предметах не ранее зрелого XVI в., в контексте «Распятия» на Западе оно уже активно бытует в готике.

С другой стороны, в русских литых предметах XVIII—XIX вв. нередко можно встретить архитектурные элементы, созвучные в какой-то степени данному кресту, однако плохая сохранность последнего делает невозможным конкретное сопоставление этих деталей.

Русским же образцам литья XVII—XVIII вв. свойственно и то явное деление композиции на условные регистры, которые выявлены в данном случае в треугольной форме плащика с адамовой главой, как бы «отсеченного» горизонтальной линией от композиции «Распятия». Подобные приемы знает русское медное литье XVII в., причем они наглядно выражены именно в крестах.

Казалось бы, композиция лицевой стороны в соединении русских и западных черт вполне укладывается в проблематику «русского барокко», когда памятники прикладного искусства обогащаются барочными орнаментами и прочими западными элементами весьма активно. С другой стороны, странно выглядит явно готический «адрес» ряда мотивов, что особенно отчетливо выражено в композиции оборотной стороны креста.

Оборот заполнен изображением предметов, связанных с темой «страстей Христовых». Вверху игральные кости и ризы Христа, которые разыгрывались воинами перед голгофским крестом. Слева, по-видимому, клещи (данный элемент напоминает и летящую фигуру ангела, но по очертаниям и характеру сюжета мы склонны видеть здесь именно клещи; кольцообразный же предмет, выглядящий как крыло ангела, скорее всего представляет собой изображение тернового венца, которым был увенчан бичуемый Христос). Справа рельефное изображение молотка и сосуда для уксуса, в который воины окунали губку. Средник креста занимает широкий сосуд типа потира (символ жертвы, страдания), под ним копие и губка для уксуса. Ниже — колонна с петухом на капители (к колонне был привязан бичуемый Христос), под ней — лежащая лестница и непонятный предмет в виде треугольника острым углом кверху. В готических памятниках, посвященных страстному циклу (пасионалах), подобные очертания имела скала, символизирующая Гефсиманский сад, связанный с «молением о чаше». Только одно изображение оборота пока не поддается расшифровке — это сосуд (или же корона), напоминающий птицу с крестом на спине под ризами в верхней части креста.

Состав рельефов оборота креста теснейшим образом связан с традицией европейской готики, где «пасионалы» имели широчайшее хождение главным образом в виде рукописей, а также на резных костяных плакетах. Не совсем характерный для них мотив — это петух на колонне, связанный с отречением Петра и восходящий к раннехристианскому и византийскому искусству.

В России в XVII—XVIII вв. бытовали литые кресты, на нижнем окончании которых под «Распятием» в особом регистре иногда изображалась колонна с петухом или играющие в кости воины. Между тем таких крестов немного, и упомянутые мотивы, несомненно, навеяны западными источниками.

Обобщая сказанное, можно предположить, что крест был выполнен в России по западным образцам в связи с заказом первоначального владельца, который не принадлежал к православному миру. Используя западные источники, автор все же в форме креста, в фигурах Богоматери и Иоанна остается верен местной традиции. Изобилие готических мотивов позволяет предполагать происхождение первоначального владельца из Прибалтики, восточных немецких земель или северноевропейских стран, где бытование готических элементов в ремесленных изделиях приобрело затяжной характер.

В силу значительной попорченности рельефов крест трудно датировать с большой точностью. Однако его абрис, характер архитектурных мотивов, форма риз Христа, выполненных как бы в виде барочного картуша, позволяют предложить широкую датировку — XVII — первая половина XVIII в.

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МИКРОПРИМЕСЕЙ СОСТАВА ЖЕЛЕЗНЫХ ГВОЗДЕЙ КОМАНДОРСКОГО ЛАГЕРЯ

О. К. ХАРЧЕНКО

Первые результаты спектрального анализа железных гвоздей, собранных при раскопках Командорского лагеря, позволили выявить ряд устойчивых микропримесей, на основании процентного содержания которых в образцах можно сделать вывод о происхождении этих образцов как минимум из двух производственных центров (табл. XI).

Таблица XI

Микропримеси материала железных гвоздей из Командорского лагеря (в %)

Образцы	Si	Au	Ni	Cu	Ti	Mo
1	0,026	0,013	0,063	0,038	—	0,009
2	1,180	0,028	0,006	0,022	0,006	0,025
3	1,160	0,013	0,063	0,038	0,001	0,032
4	0,250	0,005	0,020	0,051	—	0,008
5	1,160	0,160	0,008	0,038	0,002	0,032
6	0,450	0,002	0,035	0,038	0,001	0,009
7	1,250	0,017	0,030	0,069	0,002	0,032

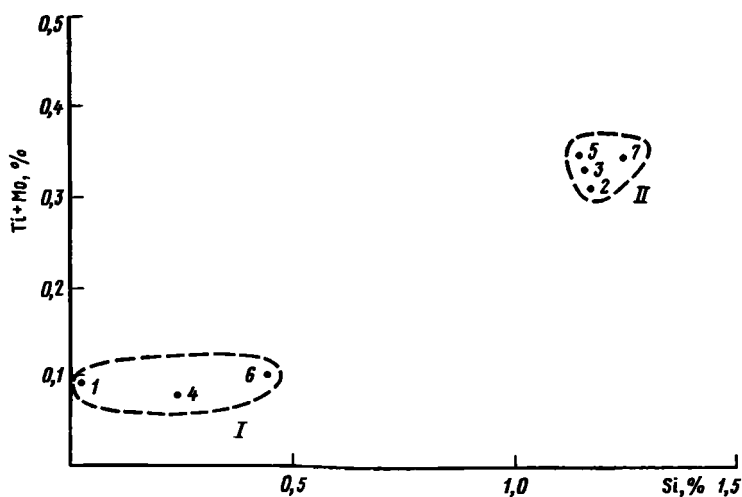

Рис. 35. Корреляция Si и Ti+Mo для железных гвоздей Командорского лагеря

На рис. 35 представлена корреляция микропримесей, Si и Ti+Mo, показывающая, что существуют две ярко выраженные группы образцов, отличающиеся по их содержанию.

Для образцов группы I характерны низкие значения содержания Si — порядка 0,03—0,5 % и соответственно низкие содержания Mo (0,1 %), а также, как правило, полное отсутствие Ti.

Для образцов группы II высоким значениям концентрации Si (до 1,25 %) соответствуют высокие значения концентраций Mo (до 0,32 %) и Ti (0,02—0,06 %).

По-видимому, здесь мы имеем дело с продукцией двух различных производственных центров Урала и Сибири, конкретное установление которых станет возможным путем сопоставления материалов Командорского лагеря с эталонными образцами, достоверно происходящими из известных центров.

Сокращения

АВПР	— Архив внешней политики России, Москва
АО	— Археологические открытия, Москва
ВГО	— Всесоюзное Географическое общество
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры
ГАСО	— Государственный архив Свердловской области
ГАУ	— Главное архивное управление СССР
ГИМ	— Государственный исторический музей, Москва
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ИА АН СССР	— Институт археологии АН СССР, Москва
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии
ЦГАВМФ	— Центральный государственный архив военно-морского флота, Ленинград
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов, Москва

Литература

Введение

- ¹ Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиция Беринга. М.; Л., 1946.
- ² Сопочко А. А. История плавания В. Беринга на боте «Св. Гавриил» в Северный Ледовитый океан. М., 1983.
- ³ Пасецкий В. М. Витус Беринг. М., 1982.
- ⁴ Пасецкий В. М. Нильс Адольф Эрик Норденшельд. М., 1979. С. 171.
- ⁵ Исторический памятник русского арктического мореплавания XVIII века: Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. Л.; М., 1951.
- ⁶ Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. Л., 1980; Они же. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI—XVII вв. М., 1981.
- ⁷ Старков В. Ф., Овсянников О. В. Археологические исследования на Шпицбергене // Вестн. АН СССР. 1980. № 3. С. 122—128; Старков В. Ф., Овсянников О. В. Русские памятники XVIII в. на архипелаге Шпицберген // КСИА. М., 1984. Вып. 180. С. 31—38.
- ⁸ Белов М. И. По следам полярных экспедиций. Л., 1977.

Глава I

- ¹ Морской журнал, веденный на пакетботе «Св. Петр» Софроном Хитрово, бывшем под командою капитана Беринга, 1741—1743 гг. // ЦГАДА. Ф. 21. Оп. 1. Разр. XXI. Доп. № 9 (Далее: Морской журнал...).
- ² Морской журнал, веденный на пакетботе «Св. Петр» Софроном Хитрово, бывшем под командою капитана Беринга, 1741—1743 гг. // ЦГАВМФ. Ф. 212. Д. 2. 1742.
- ³ Экспедиция Беринга: Сб. документов / Подгот. к печати А. Покровский. М., 1941.
- ⁴ Андреев А. И. Рец. на кн.: Экспедиция Беринга: Сб. документов. М., 1941 // Изв. ВГО. 1943. Т. 75, вып. 2. С. 62—63.
- ⁵ Морской журнал. . . Л. 101 об.—105 об.
- ⁶ ЦГАДА. Ф. 248 (сената). Оп. 4. Д. 180. Ч. 1. Л. 66—71.
- ⁷ Там же. Ф. 248. Оп. 12. Д. 664. Л. 283—283 об.
- ⁸ Стеллер Г. В. Из Камчатки в Америку. Л., 1928.
- ⁹ Ваксель С. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Л.; М., 1940.
- ¹⁰ Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. М.; Л., 1946.
- ¹¹ Деперт Жан Луи Губер Симон. История кораблекрушений, или любопытнейшие происшествия о кораблекрушениях, зимованиях, пожарах, голоде и других несчастных приключениях, случившихся на море, известных свету от пятнадцатого века до ныне / С франц. Гр. Я. [Григорий Яценков]. М., 1799. Ч. 1.
- ¹² Андреев А. И. Указ. соч. С. 44.
- ¹³ Экспедиция Беринга. . . С. 404—406.
- ¹⁴ Морской журнал.
- ¹⁵ Экспедиция Беринга. . . С. 407—408.
- ¹⁶ Стеллер Г. В. Указ. соч. С. 77—109; Ваксель С. Указ. соч. С. 55—101.
- ¹⁷ Морской журнал. . . Л. 95 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 94 об.—95 об.
- ¹⁹ Экспедиция Беринга. . . С. 408.
- ²⁰ Морской журнал. . . Л. 100—100 об.
- ²¹ Экспедиция Беринга. . . С. 404, 406.
- ²² Ваксель С. Указ. соч. С. 86, 166.
- ²³ Морской журнал. . . Л. 96 об.; Ваксель С. Указ. соч. С. 75.
- ²⁴ Ваксель С. Указ. соч. С. 75.

- ²⁵ Морской журнал. . . Л. 95; *Ваксель С.* Указ. соч. С. 75.
- ²⁶ Экспедиция Беринга. . . С. 359.
- ²⁷ *Деперт Жан Луи Губер Симон.* Указ. соч. С. 300.
- ²⁸ Морской журнал. . . Л. 95.
- ²⁹ Там же. Л. 106.
- ³⁰ *Ваксель С.* Указ. соч. С. 75, 87.
- ³¹ *Стеллер Г. В.* Указ. соч. С. 97.
- ³² Там же. С. 96.
- ³³ *Берг Л. С.* Указ. соч. С. 261.
- ³⁴ Там же. С. 263.
- ³⁵ *Ваксель С.* Указ. соч. С. 87.
- ³⁶ *Стеллер Г. В.* Указ. соч. С. 99.
- ³⁷ Там же. С. 99.
- ³⁸ *Ваксель С.* Указ. соч. С. 87.
- ³⁹ *Стеллер Г. В.* Указ. соч. С. 103.
- ⁴⁰ *Андреев А. И.* Указ. соч. С. 44.
- ⁴¹ *Ваксель С.* Указ. соч. С. 82.
- ⁴² *Стеллер Г. В.* Указ. соч. С. 102—103.
- ⁴³ *Ваксель С.* Указ. соч. С. 95.
- ⁴⁴ Экспедиция Беринга. . . С. 405; Морской журнал. . . Л. 100 об.
- ⁴⁵ *Стеллер Г. В.* Указ. соч. С. 99.
- ⁴⁶ Там же. С. 107.
- ⁴⁷ *Ваксель С.* Указ. соч. С. 97; *Стеллер Г. В.* Указ. соч. С. 107.
- ⁴⁸ Морской журнал. . . Л. 100 об.—101.
- ⁴⁹ Там же. Л. 101 об., 108.
- ⁵⁰ *Стеллер Г. В.* Указ. соч. С. 107.
- ⁵¹ *Алексеев А. И.* Судьба Русской Америки. Магадан, 1975. С. 39—40.
- ⁵² *Стеллер Г. В.* Указ. соч. С. 88, 90.
- ⁵³ *Ваксель С.* Указ. соч. С. 95.
- ⁵⁴ *Стеллер Г. В.* Указ. соч. С. 104.
- ⁵⁵ Там же. С. 95.
- ⁵⁶ *Ваксель С.* Указ. соч. С. 86, 93.
- ⁵⁷ Там же. С. 86, 98.
- ⁵⁸ Там же. С. 94, 127.
- ⁵⁹ Экспедиция Беринга. . . С. 376—377.
- ⁶⁰ *Стеллер Г. В.* Указ. соч. С. 82, 88; *Ваксель С.* Указ. соч. С. 140, 142.
- ⁶¹ *Сафронов Ф. Г.* Русские промыслы и торги на северо-востоке Азии в XVII—середине XIX в. М., 1980. С. 81, 86—88.
- ⁶² Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 8. С. 1006.
- ⁶³ *Стеллер Г. В.* Указ. соч. С. 98.
- ⁶⁴ *Ширина Д. А.* Летопись экспедиций Академии наук на северо-восток Азии в дореволюционный период. Новосибирск, 1983. С. 20—30.
- ⁶⁵ *Стеллер Г. В.* Указ. соч. С. 81.
- ⁶⁶ Там же. С. 82.
- ⁶⁷ Экспедиция Беринга. . . С. 347.
- ⁶⁸ *Стеллер Г. В.* Указ. соч. С. 87, 90.
- ⁶⁹ Там же. С. 92; Экспедиция Беринга. . . С. 353.
- ⁷⁰ *Ваксель С.* Указ. соч. С. 143.
- ⁷¹ Там же. С. 148.
- ⁷² Там же. С. 149.
- ⁷³ Там же. С. 75.
- ⁷⁴ *Стеллер Г. В.* Указ. соч. С. 98. На компактное расположение могил указывают и некоторые публикации, восходящие к запискам Стеллера. В частности, М. А. Сергеев указывает, что Беринг был похоронен «около пристанища экспедиции между своим адъютантом и двумя матросами». *Сергеев М. А.* Советские острова Тихого океана. Л., 1938. С. 40. Несмотря на явную ошибку, так как адъютант Беринга Д. Л. Овцын остался жив и вернулся на Камчатку, а здесь подразумевается, очевидно, умерший на следующий день после Беринга подкипер Н. Хотяинцев, это свидетельство необходимо принять во внимание.
- ⁷⁵ Морской журнал. . . Л. 100.
- ⁷⁶ Там же. Л. 97.

- 77 Там же. Л. 96.
 78 Там же. Л. 93 об., 97.
 79 *Ваксель С.* Указ. соч. С. 78.
 80 *Морской журнал*. . . Л. 97 об.; *Ваксель С.* Указ. соч. С. 91.
 81 *Экспедиция Беринга*. . . С. 358; *Ваксель С.* Указ. соч. С. 74.
 82 *Ваксель С.* Указ. соч. С. 74, 78.
 83 *Морской журнал*. Л. 100.

Глава II

- 1 АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 6. Л. 142 об.
 2 *Алексеев А. И.* Судьба Русской Америки. Магадан, 1975. С. 39—40; *Пасенюк Л.* В одиночку на острове Беринга. М., 1981. С. 41.
 3 *Оглоблин Н. Н.* К истории полярной экспедиции Бахова и Шалаурова в 1757—1760 гг. // *ЖМНП*. СПб., 1902. Ч. 341. С. 278—281; *Сгибнев А. С.* Исторический очерк главнейших событий на Камчатке с 1650 по 1856 год // *Морской сб.* (СПб.). 1869. № 5. С. 75; *Берх В. Н.* Хронологическая история открытия Алеутских островов, или Подвиги Российского купечества. СПб., 1823. С. 15—17.
 4 *Берх В. Н.* Указ. соч. С. 15—17.
 5 *Хлебников В.* Записки об Америке // *Материалы по истории русских заселений по берегам Восточного океана*. СПб., 1861. Вып. 3. С. 122.
 6 ЦГАДА. Ф. 259. Оп. 22. Д. 485а. Л. 436—441 об.
 7 *Русская Тихоокеанская эпопея*. Хабаровск, 1979. С. 309.
 8 *Дивин В. А.* Русские мореплаватели на Тихом океане в XVII в. М., 1971. С. 206.
 9 ЦГАДА. Ф. Госархива. Разр. XIX. Д. 86. Л. 200 об.
 10 *Макарова Р. В.* Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., 1968. С. 183.
 11 *Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII—XIX вв.* М.; Л., 1944. С. 23—24.
 12 *Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в. М., 1948.* С. 120—122.
 13 *Берх В. Н.* Указ. соч. С. 15—17.
 14 *Суворов Е. К.* Командорские острова и пушной промысел на них СПб., 1912. С. 15—16.
 15 *Дивин В. А.* Русские мореплаватели на Тихом океане в XVIII веке. М., 1971. С. 241. (Экстракт из журнала гукора «Св. Павел» лейтенанта Левашова).
 16 *Сарычев Г. А.* Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану в продолжение восьми лет при Географической и Астрономической морской экспедиции, бывшей под начальством флота капитана Беллингса с 1785 по 1793 год. СПб., 1802. Ч. 2. С. 73—74.
 17 *Гидрографический обзор русских берегов Восточного океана. Командорские острова*. СПб., 1888.
 18 *Суворов Е. К.* Указ. соч. С. 15—16.
 19 *Атлас северо-западных берегов Америки, от Берингова пролива до мыса Корриентес, и островов Алеутских, с присовокуплением некоторых мест северо-восточного берега Азии / Составил капитан I ранга М. Д. Тебеньков*. СПб., 1852; *Тебеньков М. Д.* Гидрографические замечания к Атласу северо-западных берегов Америки. СПб., 1852.
 20 *Суворов Е. К.* Указ. соч. С. 15—16.
 21 *Беклемишев Н. Н.* О Командорских островах и китиковом промысле. СПб., 1884. С. 51.
 22 Извлечение из рапорта командира клипера «Крейсер» о плавании у Командорских островов в 1886 году // *Гидрографический обзор*. . . С. 236—238.
 23 *Пермяков Г.* Тропой женшена. Хабаровск, 1965. С. 119—122.
 24 *Пасенюк Л.* Иду по Командорам. М., 1974. С. 243—264.
 25 *Суворов Е. К.* Указ. соч. С. 83—84.
 26 *Пермяков Г.* Указ. соч. С. 119—122.
 27 *Лугов К.* Командорские острова // *Вокруг света*. 1940. № 9; *Санько Г. З.* Пушки с корабля Беринга // *Огонек*. 1956. № 32; *Андреев В.* Пушки Беринга // *Калининградская правда*. 1956. 5 авг. № 155; *Санько Г. З.* Пушки командора // *Огонек*. 1981. № 33.

- ²⁸ Переписка Н. И. Моргалева и директора Алеутского музея Ф. И. Тимохиной; *Малюкович В.* Где лежат пушки? // *Алеутская звезда*. 1981. 4 июля.
- ²⁹ *Тимохина Ф. И.* Сколько найдено пушек // *Алеутская звезда*. 1980. 5 апр.
- ³⁰ *Махоркин И. Ф.* Командорские острова // *Вопросы географии Камчатки*. Петропавловск-Камчатский, 1966. Вып. 4. С. 5—6.
- ³¹ *Захарчук В.* На могиле Беринга // *Алеутская звезда*. 1941. 7 нояб.
- ³² *Берг Л. С.* Открытие Камчатки и экспедиция Беринга. М.; Л., 1946. С. 278.
- ³³ Центральный Военно-Морской музей: Путеводитель. Л., 1979. С. 25.
- ³⁴ *Тимохина Ф. И.* Указ. соч.
- ³⁵ *Войтов В., Пономарева Л.* В стороне от морских дорог. М., 1962. С. 29—30.
- ³⁶ Сведения Н. Н. Добрынина.
- ³⁷ *Новиков М.* Пушки командора // *Правда*. 1979. 1 окт.; *Белов М. Н.* Дания и Витус Беринг // *Путешествия и географические открытия в XV—XIX вв.* М.; Л., 1965. С. 56.
- ³⁸ *Sadyrev A.* Vitus Bering, 1681—1981 / *Fakta Sovietunion*. 1981. N 7/8. S. 38.
- ³⁹ Кушнарев Е. Г. В поисках пролива. Л., 1976. Вклейка 67.
- ⁴⁰ *Белов М. Н.* Указ. соч. С. 56.
- ⁴¹ *Пасенюк Л.* Лед и пламень. М., 1960. С. 76—82.
- ⁴² *Бондарева Н. А.* Семь недель на Командорах. Петропавловск-Камчатский, 1966. С. 9—18; *Виноградов В. Н., Бякина В. П.* Результаты экспедиции в бухту Командор // *Вопросы географии Камчатки*. Петропавловск-Камчатский, 1967. Вып. 5. С. 44; *Виноградов В.* Экспедиция в бухту Командор // *Камчатская правда*. 1966. 5 авг.
- ⁴³ *Малюкович В.* Посвящается Витусу Берингу // *Камчатская правда*. 1982. 30 мая; *Малюкович В.* «Святой апостол Петр» — пакетбот и гукер // *Камчатская правда*. 1981. 22 дек.; *Науменков В.* Поклонение древности // *Камчатская правда*. 1980. 20 апр.
- ⁴⁴ *Науменков В.* Указ. соч.
- ⁴⁵ Новые следы экспедиции Беринга // *Вокруг света*. 1969. № 3.
- ⁴⁶ *Гиппенрейтер В.* Командоры. М., 1972. Глава «Бухта Командор».
- ⁴⁷ *Сеславинский К., Шмидт О.* Экспедиция на Командоры // *Наука и жизнь*. 1976. № 8. С. 54.
- ⁴⁸ *Титов И.* Чем влекут Командоры // *Правда*. 1981. 27 янв.

Глава III

- ¹ *Сергеев М. А.* Советские острова Тихого океана. Л., 1938. С. 14—15.
- ² *Новиков М.* Пушки командора // *Правда*. 1979. 1 окт.
- ³ *Мулауг С.* Подводные археологические исследования Норвежского морского музея // *Museum*. 1983. Vol. 35. N 1. P. 60.
- ⁴ *Ваксель С.* Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Л.; М., 1940. С. 88.
- ⁵ Там же. С. 95; *Стеллер Г. В.* Из Камчатки в Америку. Л., 1928. С. 109.
- ⁶ *Стеллер Г. В.* Указ. соч. С. 103.
- ⁷ Там же. С. 99, 107.
- ⁸ Там же. С. 97.
- ⁹ *Шер Я. А.* Интуиция и логика в археологическом исследовании (к формализации типологического метода археологии) // *Статистико-комбинаторские методы в археологии*. М., 1970. С. 14—17.
- ¹⁰ *Рыбаков Б. А.* Начальные века русской истории. М., 1984. Рис. на с. 108.
- ¹¹ *Ваксель С.* Вторая Камчатская. . С. 118; *Крашенинников С. П.* Описание Земли Камчатки. М.; Л., 1949. С. 374.

Глава IV

- По трассе первой очереди Московского метрополитена: Архивно-исторические и археологические работы ГАИМК в 1934 г. Л., 1936. С. 93, 154. Рис. 94, 3.
- ² *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI—XVII вв. М., 1981. С. 139. Табл. 70.
 - ³ *Старков В. Ф., Овсянников О. В.* Русские памятники XVIII в. на архипелаге Шпицберген // *КСИА*. М., 1984. Вып. 180. С. 35—36.
 - ⁴ *Старков В. Ф., Овсянников О. В.* Археологические исследования на Шпицбергене // *Вестн. АН СССР*. 1980. № 3. С. 122—128; *Овсянников О. В., Старков В. Ф.*

- Работа советской археологической экспедиции на архипелаге Шпицберген // Природа и хозяйство Севера. Мурманск, 1982. Вып. 10. С. 72—86.
- ⁵ *Стеллер Г. В.* Из Камчатки в Америку. Л., 1928. С. 98, 100; *Ваксель С.* Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Л.; М., 1940. С. 125.
- ⁶ *Ваксель С.* Указ. соч. С. 87.
- ⁷ Там же. С. 118.
- ⁸ Там же. С. 125.
- ⁹ *Молодин В. И.* Кыштовский могильник. Новосибирск, 1979. Табл. XXIX—4.
- ¹⁰ *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Указ. соч. Табл. 72—7, 10.
- ¹¹ *Худяков Ю. С., Скобелев С. Г.* Позднесредневековое шаманское погребение в могильнике Ортызы-оба // Этнография народов Сибири. Новосибирск, 1984. С. 105—119.
- ¹² *Руденко С. И.* Предметы из остьяцкого могильника близ Обдорска // Материалы по этнографии России. СПб., 1914. С. 3. Отд. отд.
- ¹³ *Дезмант К.* Раскопки в Прооза // Изв. АН ЭССР. Обществ. науки. 1981. Вып. 30. Табл. VI — 4; *Volkaite-Kulikauskienė R.* Pūnijos piliakalnis. Vilnius: Mintis, 1974. P. 26. Pav. 11.
- ¹⁴ *Шосткин Н. А.* Очерки истории русской метрологии. М., 1975. С. 136.
- ¹⁵ *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978. С. 271.
- ¹⁶ *Грач А. Д.* Археологические раскопки в Ленинграде. М.; Л., 1957. С. 12. Табл. 1.
- ¹⁷ Там же. С. 18. Табл. XXIV — 1.
- ¹⁸ Экспедиция Беринга: Сб. документов // Подгот. к печати А. Покровский. М., 1941. С. 377.
- ¹⁹ *Стеллер Г. В.* Указ. соч. С. 82, 88; *Ваксель С.* Указ. соч. С. 140, 142.
- ²⁰ *Молодин В. И.* Указ. соч. С. 99. Рис. 31 — 1, 2.
- ²¹ *Аус Т., Тамм Я.* О начале селения на Вышгороде в Таллине // Изв. АН ЭССР. Обществ. науки. 1983. Вып. 32. Табл. XLV — 9.
- ²² *Молодин В. И.* Указ. соч. С. 99—100. Рис. 31—5.
- ²³ *Витков З. А.* Отчет о археологической разведке Нижне-Кундрюченского казачьего городка в 1951 г. // Архив ИА АН СССР. Р I. № 547, 548: Табл. VIII-1, 4.
- ²⁴ *Van der Sleen W. Y. N.* A handbook on beads. Liège: Libr. Halbart, 1973. P. 96—102, 108—112. Pl. VI—81, VIII—104, 120.
- ²⁵ *Ваксель С.* Указ. соч. С. 140.
- ²⁶ *Молодин В. И.* Указ. соч. С. 91—92. Рис. 26.
- ²⁷ *Ваксель С.* Указ. соч. С. 83.
- ²⁸ *Витков З. А.* Указ. соч. Табл. VII—2; Древности русские. Кресты и образки: (Собрание Б. И. и В. И. Хаенко). Киев, 1900. Вып. 2, № 345.
- ²⁹ *Феотокий Никифор.* Ответы преосвященного Никифора, архиепископа Славенского и Херсонского, а потом бывшего Астраханского и кавалера, на вопросы старообрядцев. 2-е изд. М., 1801. С. 47.
- ³⁰ *Стеллер Г. В.* Указ. соч. С. 90; *Ваксель С.* Указ. соч. С. 65.
- ³¹ *Ваксель С.* Указ. соч. С. 113; *Гончарова Л. Г.* Художественные изделия из металла русских мастеров для народов Севера и Сибири (XVIII—XX вв.) // Общественный быт и культура русского населения Сибири (XVIII—нач. XX в.). Новосибирск, 1983. С. 106—120; *Прыткова Н. Ф.* Одежда чукчей, коряков и ительменов // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 5—88.
- ³² *Ляпунова Р. Г.* Очерки по этнографии алеутов. Л., 1975. С. 15.
- ³³ *Стеллер Г. В.* Указ. соч. С. 87, 92.
- ³⁴ Там же. С. 87, 90.
- ³⁵ Там же. С. 82; Экспедиция Беринга. . . С. 347.
- ³⁶ *Ляпунова Р. Г.* Указ. соч. С. 34—44; *Гурвич И. С.* Проблемы этногенеза оленых групп чукчей и коряков в свете этнографических данных // На стыке Чукотки и Аляски. М., 1983. С. 104; *Дзенискевич Г. И.* Жировые лампы сибирских эскимосов // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 94—105.
- ³⁷ *Сеславинский К., Шмидт О.* Экспедиция на Командоры // Наука и жизнь. 1976. № 8. С. 50—52.
- ³⁸ *Сарычев Г. А.* Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому океану и Восточному океану. М., 1952. С. 129.

- ³⁹ *Caune A.* Arheologiskie petujumi Riga iatka no 1969 Lidz 1980 gadam // *Arheologija un etnografija*. Riga: Zinatne, 1983. Burnt. 14. N 16.
- ⁴⁰ *Вахтин В. В.* Объяснительный морской словарь. СПб., 1894.
- ⁴¹ *Стеллер Г. В.* Указ. соч. С. 100, 101, 103—107; *Ваксель С.* Указ. соч. С. 82, 84, 86, 94—96, 122—128.
- ⁴² *Ляпунова Р. Г.* Указ. соч. С. 34, 38.
- ⁴³ *Васильевский Р. С.* Древние культуры Тихоокеанского Севера. Новосибирск, 1973. С. 202—203.
- ⁴⁴ Там же. Рис. 24—1; *Васильевский Р. С.* Происхождение и древняя культура коряков. Новосибирск. 1971. Табл. 38—2, 39, 61—3, 4; *Диков Н. Н.* Чинийский могильник: (К истории морских зверобоев Берингова пролива). Новосибирск, 1974. Табл. 27—12, 33—3.
- ⁴⁵ *Ваксель С.* Указ. соч. С. 75.

Глава V

- ¹ *Ваксель С.* Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Л.; М., 1940. С. 75.
- ² Там же. С. 83.
- ³ Экспедиция Беринга: Сб. документов / Подгот. к печати А. Покровский. М., 1941. С. 403.
- ⁴ *Стеллер Г. В.* Из Камчатки в Америку. Л., 1928. С. 99.
- ⁵ *Соколов А.* Северная экспедиция 1733—1743 гг. // Зап. гидрогр. деп. Морского м-ва. СПб., 1861. Ч. 9. С. 412.
- ⁶ *Ваксель С.* Указ. соч. С. 86; *Стеллер Г. В.* Указ. соч. С. 99.
- ⁷ *Ваксель С.* Указ. соч. С. 86.
- ⁸ Там же. С. 75.
- ⁹ Морской журнал, веденный на пакетботе «Св. Пётр» Софроном Хитрово, бывшем под командою капитана Беринга, 1741—1743 гг. // ЦГАДА. Ф. 21. Оп. 1. Разр. XXI. Доп. № 9.
- ¹⁰ *Ваксель С.* Указ. соч.
- ¹¹ *Стеллер Г. В.* Указ. соч.
- ¹² *Ваксель С.* Указ. соч. С. 87.
- ¹³ *Леньков В. Д.* Раскопки на острове Беринга // *Вопр. истории*. 1982. № 2. С. 143—144; *Леньков В. Д., Силантьев Г. Л., Станюкович А. К.* Исследования в бухте Командор // АО 1981 г. М., 1983. С. 210—211; *Станюкович А. К.* По следам Второй Камчатской // *Знание — сила*. 1982. № 2. С. 25.
- ¹⁴ *Стеллер Г. В.* Указ. соч. С. 82; Экспедиция Беринга. С. 347.
- ¹⁵ *Стеллер Г. В.* Указ. соч. С. 103.
- ¹⁶ *Ваксель С.* Указ. соч. С. 155, 165.
- ¹⁷ Там же. С. 90—92.
- ¹⁸ *Стеллер Г. В.* Указ. соч. С. 90; Экспедиция Беринга. С. 406.
- ¹⁹ Морской журнал. Л. 100 об.; Экспедиция Беринга. С. 406.
- ²⁰ Морской журнал. Л. 100.
- ²¹ *Соколов А.* Указ. соч. С. 412.
- ²² *Стеллер Г. В.* Указ. соч. С. 97.
- ²³ *Ваксель С.* Указ. соч. С. 105.
- ²⁴ *Соколов А.* Указ. соч. С. 412.
- ²⁵ Морской журнал. Л. 97.
- ²⁶ *Ваксель С.* Указ. соч. С. 152; Экспедиция Беринга. С. 405.

Глава VI

- ¹ *Ионин А. С.* Исследования по динамике и морфологии берегов Командорских островов // *Морские берега*. М., 1961. С. 210.
- ² *Суворов Е. К.* Командорские острова и пушной промысел на них. СПб., 1912. С. 15—16.
- ³ Камчатка, Курильские и Командорские острова: (История развития рельефа Сибири и Дальнего Востока). М., 1974. С. 337.
- ⁴ Там же. С. 337.
- ⁵ *Клиге Р. К.* Вертикальные движения берегов и дна мирового океана // *Современные движения земной коры: (Теория, методы, прогноз)*. М., 1980. С. 125—128.
- ⁶ *Никонов А. А.* Письмо в редакцию // *Знание — сила*. 1982. № 9.

- ⁷ Никонов А. А. Землетрясения. Прошлое, современность, прогноз. М., 1984. С. 106—110.
- ⁸ Морская геоморфология: Терминологический справочник. М., 1980. С. 209, 212—213.
- ⁹ Никонов А. А. Землетрясения. С. 106—110.
- ¹⁰ Сеславинский К., Шмидт О. Экспедиция на Командоры // Наука и жизнь. 1976. № 8. С. 54.
- ¹¹ Ямщиков С. Пушки с корабля Беринга // Сов. культура. 1983. 16 июня.
- ¹² Ваксель С. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Л.; М., 1940. С. 29.
- ¹³ Лебедев Д. М. Плавание А. И. Чирикова на пакетботе «Св. Павел» к побережьям Америки. М., 1951. С. 102—103.

Глава VII

- ¹ Черноухов А. Последний автограф командора // Камчатская правда. 1981. 11 апр.; Пензин Э. Автограф командора // Уральский следопыт. 1981. № 5. С. 35—36; Архипова Н., Пензин Э. Имя Беринга на карте мира // Уральский рабочий. 1981. 12 авг.
- ² Протокол заседания адмиралтейств-коллегии от 5 янв. 1733 г. // Экспедиция Беринга: Сб. документов. М., 1941. С. 338.
- ³ Отчет о Камчатской экспедиции, составленный В. Берингом 18 апреля 1741 г. // Там же. С. 188.
- ⁴ Там же. С. 194—195.
- ⁵ Приложение к определению В. де Геннина на промеморию от Тобольской губернской канцелярии от 18 мая 1733 г. // ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. № 464а. Л. 2 об.—3.
- ⁶ Протокол Сибирского обербергамта № 842 от 29 июня 1733 г. // ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. № 464а. Л. 18—19.
- ⁷ Определение В. де Геннина от 3 августа 1733 г. // ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. № 210. Л. 385; № 46а. Л. 23.
- ⁸ В. де Геннин. Описание уральских и сибирских заводов. М., 1937. С. 475—480.
- ⁹ Определение оберцегентера К. Гордеева от 14 августа 1733 г. // ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. № 464а. Л. 27.
- ¹⁰ Репорт Л. Прокофьева в Сибирский обербергамт от 21 августа 1733 г. // ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. № 464а. Л. 29.
- ¹¹ Определение К. Гордеева от 22 августа 1733 г. // ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. № 464а. Л. 31.
- ¹² ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. № 210. Л. 504 об.
- ¹³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. № 413. Л. 117 об.
- ¹⁴ ГАСО. Ф. 27. Оп. 1. № 49. Л. 51—52.
- ¹⁵ Отчет о Камчатской экспедиции, составленный В. Берингом 18 апреля 1741 г. // Экспедиция Беринга. С. 195.
- ¹⁶ Архипова Н., Пензин Э. Имя Беринга на карте мира // Уральский рабочий. 1981. 12 авг.
- ¹⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. № 464а. Л. 139.
- ¹⁸ Черноухов А. Указ. соч.
- ¹⁹ Отчет о Камчатской экспедиции, составленный в адмиралтейств-коллегии 5 октября 1738 г. // Экспедиция Беринга. С. 100.
- ²⁰ Отчет о Камчатской экспедиции, составленный В. Берингом 18 апреля 1741 г. // Экспедиция Беринга. С. 192.
- ²¹ Реестр, кокое число сего 1736 году припавлено судами в Охотск с Урацкого плотбища и перевезено лошадыми от Юдомского креста матриалов и протчих припасов // ЦГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Д. 180. Ч. 1. Л. 66—71.
- ²² Курашова Т. Пушка, не попавшая в экспедицию // Уральский рабочий. 1982. 12 янв.
- ²³ Ермаков В. Держатели каменных орудий // Уральский рабочий. 1982. 10 июня.
- ²⁴ Галенко В. На большое море-окиян // Вокруг света. 1983. № 10. С. 54.
- ²⁵ Артиллерийский исторический музей: Каталог материальной части отечественной артиллерии. Л., 1961. № 59.
- ²⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. № 22. Л. 1046—1047.
- ²⁷ Артиллерийский исторический музей: Каталог. № 53.
- ²⁸ Там же. № 58.
- ²⁹ ГИМ. Инв. № 81758/9084 ор.

³⁰ Белов М. И. Дания и Витус Беринг // Путешествия и географические открытия в XV—XIX вв. М.; Л., 1965. С. 56.

³¹ В. де Геннин. Описание. . С. 608.

³² Экспедиция Беринга. . С. 141.

³³ В. Беринг. Письмо А. И. Остерману от 8 декабря 1735 г. // ЦГАДА. Ф. 248. Д. 1089. Л. 803.

³⁴ Приложение к определению В. де Геннина на промеморию от Тобольской губернской канцелярии от 18 мая 1733 г. // ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. № 464а. Л. 2 об.—3.

Заключение

Ваксель С. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Л.; М., 1940. С. 98—99.

² Клейн Л. С. Археологические источники. Л., 1978. С. 48—53.

³ Шопотов К. Новое надо искать в архивах // Алеутская звезда. 1981. 17 июня.

⁴ Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII века. М., 1984.

⁵ Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978. С. 13.

⁶ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 20—21.

Приложения

¹ Щапова Ю. Л. Очерки истории древнего стеклоделия. М., 1983. Рис. 46, 47. Там же. С. 216—223.

³ Polak A. Glass: its tradition, its maker. N. Y.: Putman, 1975. P. 158.

⁴ Crismer L. M. Origine et mouvements des verriers en Belgique au XVIII siècle // Ann. 7e Congr. Intern. Assoc. Intern. Hist. Verre. Liège, 1978. P. 321—358.

Содержание

Введение	3
<i>Глава первая</i>	
Письменные источники о материальной культуре Командорского лагеря	7
<i>Глава вторая</i>	
Дальнейшая судьба Командорского лагеря и имущества экспедиции	20
<i>Глава третья</i>	
Археологическое исследование Командорского ла- герьа	33
<i>Глава четвертая</i>	
Вещевой комплекс Командорского лагеря	58
<i>Глава пятая</i>	
Принадлежность жилищ Командорского лагеря конкретным лицам	79
<i>Глава шестая</i>	
Поиск и обнаружение пушек «Св. Петра»	89
<i>Глава седьмая</i>	
История артиллерийского вооружения пакетбота «Св. Петр»	101
Заключение	108
Приложения	112
Список сокращений	118
Литература	119

Научное издание

**Леньков Виталий Дмитриевич,
Силантьев Геннадий Леонидович,
Станюкович Андрей Кириллович**

**КОМАНДОРСКИЙ
ЛАГЕРЬ
ЭКСПЕДИЦИИ
БЕРИНГА**

Утверждено к печати
Институтом истории, археологии
и этнографии
народов Дальнего Востока
Дальневосточного научного центра
Академии наук СССР

Редактор издательства А. В. Богословский
Художник С. А. Резников
Художественный редактор М. Л. Храмцов
Технический редактор Л. В. Прохорцева
Корректоры К. П. Лосева, Н. А. Нестеева

ИБ № 38288

Сдано в набор 03.08.87.
Подписано к печати 09.02.88.
А-04826. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1.
Гарнитура литературная. Фотонабор.
Печать офсетная.
Усл. печ. л. 8. Усл. кр. отт. 8,4 Уч.-изд. л. 9,1.
Тираж 1550 экз. Тип. зак. 1783.
Цена 1 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485,
Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.

